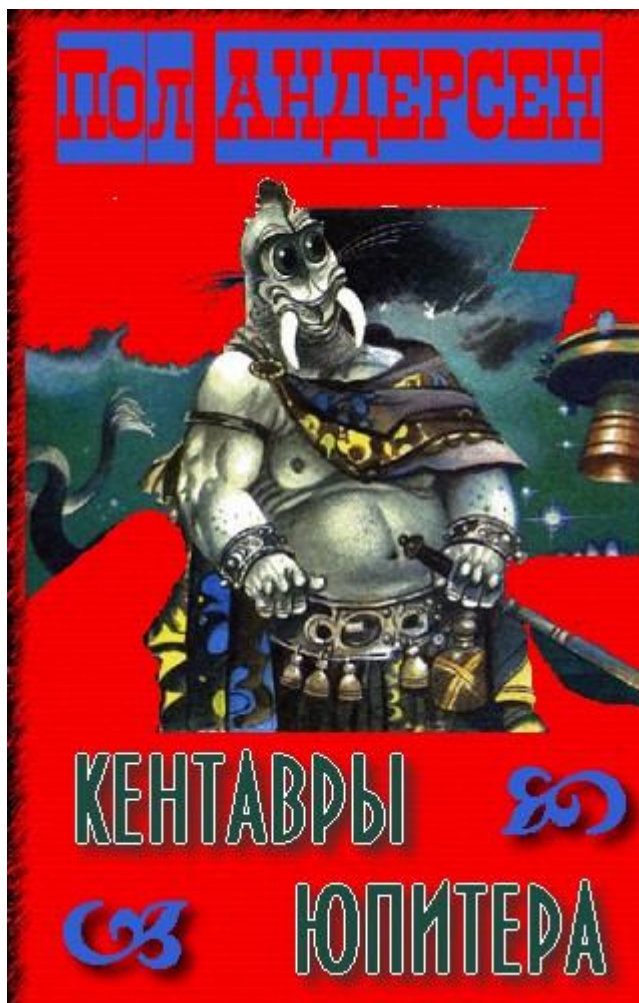

Пол Андерсен Кентавры Юпитера

Глава 1

Сопроводительный луч появился на экране киберштурмана. «Снова дома», — с облегчением подумал Фрэзер и положил руки на пульт управления, корректируя курс космобота. Когда он вновь поднял глаза к обзорному экрану, Ганимед уже занимал большую его часть. Пейзаж леденил душу: зубастые цепи скал, кратеры, огороженные валами, словно крепостными стенами; бесчисленные змеевидные трещины; полчища теней, стелющихся по серо-голубым равнинам... Хотя уже наступила ночь, на востоке от хребта Джона Гленна было светло — это ледяная равнина Беркли отражала лучи заходящего Юпитера. На юго-востоке на тысячи миль простиралась расщелина Данте, доходя до самых Пурпурных гор. Невдалеке от нее мигал зеленый огонек — это был маяк Авроры, крупнейшего города на Ганимеде. Лишь левый верхний угол экрана был пока заполнен алмазной россыпью немигающих звезд, но Фрэзеру даже смотреть на них не хотелось. «Слава Богу, я вернулся из этого чертова космоса домой, — поздравил себя он. — До чего же я соскучился за эти десять дней по Еве и ребятишкам!»

Радио внезапно оживо.

— Диспетчерская станция Авроры вызывает космобот КС-17, — зазвучал знакомый

мужской голос — Отвечайте. Повторяю: диспетчерская станция...

Фрэзер рассмеялся:

— Эй, Билл, старина, к чему этот официальный юн? Это Марк на «Счастливишке Чарли». Не припоминаешь?

— А-а, Марк, привет, — не очень уверенно ответил Билл Эндерби. — Не бери себе в голову, это я просто выражаюсь на военный манер. Если кто-то из начальства услышит, как мы с тобой трепемся, мне здорово влетит.

— Погоди, я что-то не понимаю. О каком «военном манере» ты говоришь?

— Разве ты не слышал? Мы известили все поселения в Системе.

— Я не останавливался на базе Ио, а прямо полетел к рудникам и торчал там безвылазно, пока не наладил все оборудование. Даже радио не было времени послушать. А что случилось?

— Крейсер, черт его дери.

— Что-о-о?

— Крейсер «Вега» прилунился пятнадцать часов назад в космопорте Авроры. Естественно, без всякого предупреждения. Представляешь, какой здесь начался бедлам?

Сердце Фрэзера сжалось от неприятного предчувствия. Стараясь не поддаваться панике, он спокойно спросил:

— И что все это означает?

— Пока толком ничего не известно. Мы видели всего лишь нескольких членов экипажа. По их словам, крейсер патрулировал вблизи Венеры, когда в США произошел новый переворот, и к власти вновь пришли гарвардисты.

Они послали «Вегу» в наш сектор Солнечной системы, где якобы скрывается свергнутый президент Сэм Халл. Не похоже, чтобы крейсер искал его слишком тщательно. Напротив, ребята с «Веги» намекали, что их командир не скрывает своих симпатий к Халлу. Во всяком случае, корабль не собирается пока подчиняться приказу и возвращаться на Землю. На Ганимед он прибыл с целью выяснить, насколько мы лояльны к новому режиму, а заодно узнать о наших нуждах.

Новый переворот? Фрэзер невольно присвистнул и задумался. Последние месяцы связь с Землей была крайне затруднена, так что колонисты получали лишь жалкие обрывки сведений о том, что происходит в Соединенных Штатах. Вроде бы восстание против президента Гарварда закончилось победой, и новый лидер страны Сэм Халл стал создавать новую администрацию. Но гарвардисты не унимались, и в стране вспыхнула гражданская война, грозившая вот-вот перерасти в ядерную. В этот момент завеса солнечного ветра окончательно отрезала систему Юпитера от остальной части Солнечной системы. Неужто победа сторонников Сэма Халла оказалась столь ненадежной и тирания вновь воцарится в Западном полушарии?

— Наша лояльность, как всегда, на высоте, — кисло сказал Фрэзер. — Мы всегда «за» — лишь бы только нас не трогали. А что касается наших нужд... я уж лучше напишу письмо Санте Клаусу о том, что не хватает моему департаменту. Больше будет толку, чем ожидать очередной транспорт с Земли, набитый Бог знает чем, за исключением того, что необходимо. Земля...

Перед его глазами на минуту вспыхнула незабываемая с детства картина: бескрайний простор Тихого океана, пенистые гребни волн, соленый порывистый ветер, белая платформа плавающей Станции... Но чарующий пейзаж быстро растаял, и он увидел впереди горб уходящего за горизонт Юпитера. Целую дюжину лет он прожил за этим гигантом, словно за щитом, отгораживающим его от прошлого, и успел пустить цепкие корни в каменистую почву Ганимеда. И ему было здесь совсем не плохо.

— Ну и что ты скажешь обо всем этом, Билл?

— Пока ничего, кроме «черт побери». Стальной шар «Веги» занял половину космопорта, так что мы вынуждены сажать все лунные ракеты бок о бок в северном секторе. Там скоро и яблоку будет негде упасть. Так что, Марк, тебе надо будет тщательно следить за

траекторией.

— Не беспокойся, Билл, я справлюсь. Держу пари, что смогу посадить моего «Чарли» точно на никелевый цент — и ни на дюйм в сторону.

— Ш-ш-шутник! У меня на поле монеты не валяются, так что уж послушайся моих советов, если не хочешь свернуть шею на пороге дома...

Билл начал подробно инструктировать его, словно новичка. Фрэзер слушал и одновременно чувствовал растущую досаду. Значит, гарвардисты вновь заняли Белый дом? И народу опять предстоит носить демократические башмаки с диктаторскими подошвами? А куда же смотрели законодатели и суд?

Или все обстояло не так? До Земли четыре сотни миллионов миль, так что информация сюда доходит крайне скудная. Не говоря уже о цензуре на радио, цензуре газет, журналов и даже писем. Много ли правды колонисты знали о восстании? Лозунги, конечно, были самые благородные, но и диктаторский режим Гарварда начинался некогда как движение за сохранение суверенитета Соединенных Штатов. После долгих лет развала и разрухи народ, естественно, захотел иметь твердое руководство, что потребовало сначала одних чрезвычайных мер, потом других, третьих... Вскоре выяснилось, что от свобод остались одни лохмотья, но те, кто запоздало начал ворчать, получил массу неприятностей с полицией...

Фрэзер не без труда отогнал праздные мысли и вплотную занялся подготовкой к посадке. Предстояло идти к космопорту Авроры по нестандартной траектории, незнакомой киберштурману. Впрочем, в системе Юпитера на одну автоматику никогда нельзя было положиться, здесь могли работать только прирожденные пилоты. И Фрэзер был одним из них.

Минут через десять «Счастливчик Чарли» уже стоял на посадочных опорах среди других космоботов — до них, казалось, можно было дотянуться рукой. Фрэзер откинулся на спинку кресла и позволил себе слегка расслабиться после пережитого напряжения. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока, с загорелым, не по годам морщинистым лицом, серыми глазами и красивой сединой среди черных как смоль волос.

Вскоре он встал и пошел на корму к шкафу со скафандром. Корабль сел далеко от здания космопорта и до ближайшего туннеля переходной рукав было не дотянуть. Фрэзер быстро и умело надел поверх комбинезона скафандр и направился к шлюзу. Ему не терпелось увидеть Еву и детей. И, конечно, связаться с Теором и узнать, как идут дела на Юпитере. Черт побери, с бешенством подумал он, больше недели я угробил на полет к Ио! И это в то время, когда племени Наярр стала угрожать серьезная беда! Но что поделать, на автоматических шахтах Ио произошла серьезная неприятность, и нужно было срочно заняться ремонтом.

Фрэзер развернул посадочный трап и спустился на землю. И едва не столкнулся с чьей-то фигурой в скафандре, поджидавшей его в тени соседнего космобота.

— Привет! — сказал он. — Не вижу твоего лица, приятель, но все равно чертовски рад тебе! За десять дней я едва не разучился говорить среди этих тупых роботов.

Рука неизвестного нежно обняла его за шею и неожиданно прижала его шлем к своему шлему.

— Это вы, Марк? — услышал он приглушенный голос Лоррейн Власек.

— Что за дела? — озадаченно спросил Фрэзер. — Почему вы не включите переговорное устройство? Оно у вас что, вышло из строя?

— Нет, просто это секретный разговор. Слава Богу, что вы сегодня вернулись. С вами-то я и хотела поговорить.

— О чем? Произошла какая-то беда?

— Не знаю. Может быть, и нет. Но этот крейсер... зачем он прилетел на Ганимед?

— А-а... Билл Эндерби говорил мне что-то.

— Что вы думаете об этом, Марк? — обеспокоенно спросила девушка. — Вы давно покинули Землю, а я — всего два года назад. Уже тогда она походила на кипящий котел.

Направо и налево велась подрывная агитация, то и дело убивали офицеров службы безопасности, во всех странах мира возникали антиамериканские бунты. Уже здесь я узнала о смещении президента Гарварда и его убийстве. И вот опять на Земле что-то произошло. Но что? Не очень-то я доверяю тому, что болтали парни с «Веги», которых я видела. Кто послал к нам военный корабль и с какой целью? Нас в системе Юпитера всего пять тысяч человек, включая женщин и детей, у нас нет оружия и больших кораблей. Какую же опасность мы можем представлять и для кого?

Фрэзер вздохнул.

— Послушайте, Лори, — сказал он, — вы навязываете мне свои предубеждения... простите — ваши убеждения. Я могу сочувствовать вашим взглядам, не более того. В отличие от многих других, я никогда не осуждал вашу фанатичную преданность прежнему президенту Гарварду. Многим не нравилось, как резко вы отзывались о восстании, но я убеждал людей не давить на вас. Это не ваша вина, что школа вколотила в головы вашего поколения мысль, будто сам Господь сделал Соединенные Штаты хранителем человечества, спасителем Земли от ядерной войны. Черт побери, иностранцы вовсе не дьяволы! Им не нравится наше желание стать всемирным жандармом но разве они не правы? Что это за безопасность, если она основана на страхе? По-моему, Сэм Халл реально может обеспечить мир на Земле. Он считает, что только сообщество равноправных государств может решить эту проблему. Он говорит: американцы должны перестать быть рабами привычки считать себя хозяевами всех и вся.

— О, Марк! Вы хороший инженер, но, простите, ничего не смыслите в политике. Я в ужасе! Эта история с крейсером мне кажется очень подозрительной. Вы же знаете, что в этот период солнечный ветер полностью прервал нашу связь с Землей, и это будет продолжаться еще недели две. Странно, что именно в этот период к нам без предупреждения прилетел военный корабль, не правда ли? А как объяснить посты охраны вокруг «Веги» и то, что почти весь ее экипаж остается на борту?

— Хм-м... — Фрэзер подумал о своей семье и о том, что может сделать с Авророй один залп орудий крейсера. Он облизнул внезапно пересохшие губы и не очень уверенно сказал: — Они должны понимать, что мы на их стороне. Им, судя по всему, не очень-то нравятся гарвардисты, но и мы же не случайно оказались здесь, на краю света! Наука наукой, но, кроме вас, Лори, сторонников прежнего режима здесь наперечет... Все мы наелись досыта на Земле секретной полиции, воодушевленной трескотней телевидения, разделением людей по сортам, в зависимости от их преданности президенту, «демократической» цензурой и коррумпированной бюрократией. Все колонисты хотели, чтобы нас отделяло от Земли как можно больше миль, и потому забрались аж в систему Юпитера! Прежнее правительство догадывалось об этом и было радо избавиться без хлопот от «ненадежных элементов». Каждый знает об этом.

— Верно, — сухо согласилась Лоррейн. — Но почему же к нам был послан военный корабль?

Фрэзер мысленно чертыхнулся.

— Не знаю, Лори, и знать не желаю. Есть еще вопросы?

— Да. Я хочу дать вам совет, Марк, — готовьтесь-ка потихоньку покинуть город.

— Что-о-о?

Фрэзер схватил девушку за руку и встревоженно спросил:

— Вы чего-то ожидаете, Лори?

— Не знаю... Может быть, я просто впадаю в панику. Вы мне симпатичны, Марк, и ваша милая семья тоже. Мне кажется, что у вас могут возникнуть серьезные проблемы, так что и решила на всякий случай предупредить вас.

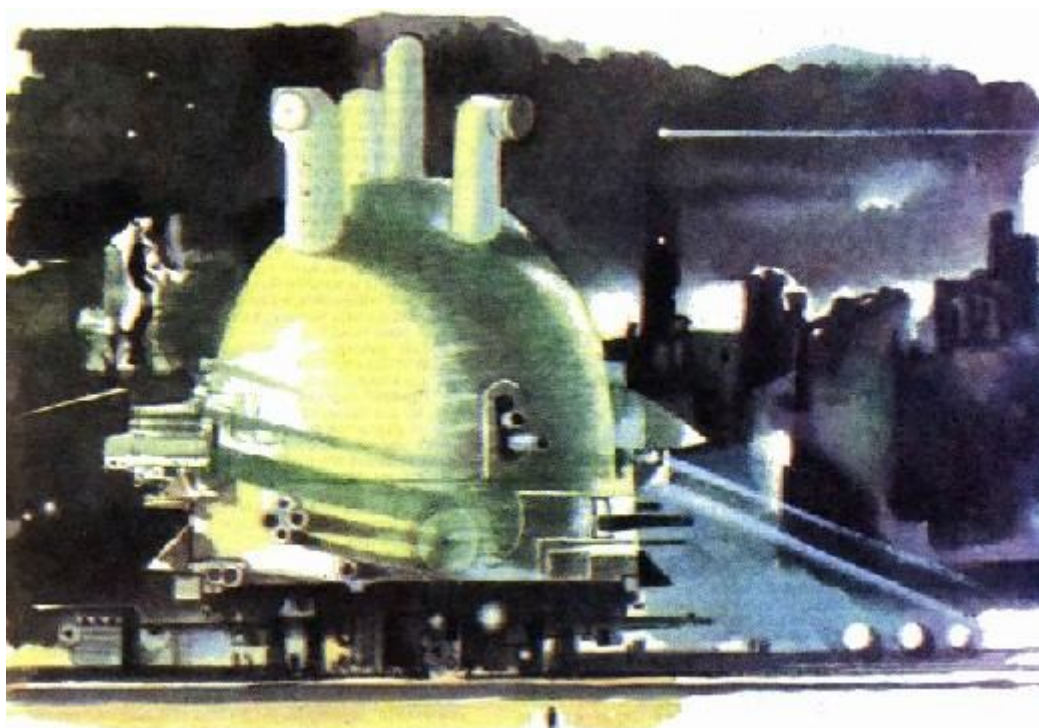
Фрэзер подумал: «А ведь Лори не похожа на других девушек. Среди колонистов полно холостяков, но она за два года так никого и не выбрала».

— Спасибо, Лори, но я не вижу особых причин для волнений. Пойдем?

Девушка кивнула и включила переговорное устройство.

— Как прошел полет, Марк? — спокойным тоном спросила она.

Они пошли в сторону города, неспешно беседуя — словно и не было предыдущего тревожного разговора. Миновав зону космопорта, плотно заставленную космобидами, они увидели «Вегу».

Крейсер поражал своими титаническими размерами. Такой гигант никогда не смог бы сесть на Землю, и было странно, что он не остался на орбите возле Ганимеда. Он представлял собой сфероид диаметром в пять сотен футов, густо усеянный орудийными стволами. Наверху, словно динозавры, темнели четыре башни — шлюзы для космобилов. Стальная обшивка корабля была испещрена оспинами от попаданий микрометеоритов и создавала ощущение фантастической мощи. На самом деле она была относительно тонкой и лопнула бы под собственным весом в любом достаточно сильном гравитационном поле. Крейсер полагался на огневую мощь своих орудий, и потому бронирование было излишним. Тем не менее Фрэзеру казалось, что перед ним возвышается стальная гора, и это ощущение было не из приятных.

Не обращая внимания на протесты Лоррейн, он обошел корабль вокруг. Солнце низко висело над стеной кратера Навахо, окрыленное зодиакальным светом. Его диск был куда меньше, чем видимый с Земли, и все же излучение было слишком сильным, чтобы смотреть на него без светофильтра. Восточная часть равнины выглядела дикой и необжитой, и только серебристые ленты монорельса, ведущие к ледяным шахтам, напоминали о присутствии в этих местах человека. Над всем царил пик Джона Гленна, закрытый аркой звездного неба. Впрочем, созвездий было видно немного. Хотя Ганимед и получал всего четыре процента солнечного света по сравнению с Землей, человеческий глаз сумел адаптироваться и к этим условиям. Днем зрачок сужался настолько, что можно было разглядеть самые яркие звезды. Но Юпитер, висевший над горизонтом, был виден отлично.

Досыта наглядевшись на стальную глыбу «Веги», Фрэзер наконец-то внял просьбам Лоррейн и пошел в сторону города. Они пошли мимо одного из постов, окружавших кольцо крейсер. Вид астронавтов в бронированных скафандрах и с бластерами наперевес Фрэзеру не понравился. О дьявол, подумал он, эти ребята имеют сверхосторожного капитана. Ну кто, интересно, собирается здесь на них нападать?

По дороге к Авроре они миновали «Олимпию» — крупнейший в системе Юпитера корабль. По сравнению с «Ве-гой» он казался карликом и все же создавал ощущение

спокойствия и уверенности. Как бы там ни было, колонисты тоже не беззащитны. И вообще, все шло нормально и не было никаких веских оснований для тревог. Тревог?

Фрэзер невольно посмотрел на Юпитер.

— Лори, за время моего отсутствия Теор вызывал меня?

— Да, — ответила девушка. — Пат Махони говорил, что ваш наследный принц выходил на связь четверо суток назад. Парни из группы контакта пытались объяснить ему, почему вас нет на Ганимеде, но абориген, боюсь, ничего не понял.

Фрэзер чертыхнулся.

— Значит, у племени Наярр действительно возникли большие неприятности! Надо немедленно связаться с Теором. Хотя что я могу реально сделать для него?..

Вскоре они подошли к куполу Авроры со стороны его западного портала. За исключением зданий нескольких вспомогательных служб, находящихся снаружи и закрытых собственными куполами, все дома Авроры располагались в четырех небольших кварталах, высота которых не превышала восьми этажей. На центральной площади возвышался решетчатый скелет башни Главного передатчика. Основным строительным материалом в Авроре служил местный камень. Здесь не было необходимости зарываться под землю, как это было на Луне. Солнечный ветер был не очень силен, а попадания крупных метеоритов были возможны только теоретически — по крайней мере, за последние тридцать лет после начала колонизации Ганимеда такого не случалось. Но и в случае подобной катастрофы герметичные перегородки свели бы потери воздуха до минимума.

«Однажды мы разогреем скалы атомной энергией, размелем их в почву и окутаем Ганимед атмосферой. И тогда этот мир зазеленеет и станет второй Землей!» Все эти бравые фразы энтузиастов освоения Юпитера казались пустой похвалой, но даже иронически настроенный Фрэзер понимал, что это не так. Система Юпитера была неисчерпаемой кладовой научной информации, а это означало, что поселения колонистов нужно строить всерьез и надолго. Но это, в свою очередь, привлекло в Систему множество инженеров и техников, специалистов по системам жизнеобеспечения. Конечно же, многие из них прилетели на луны Юпитера с женами. Затем возникла проблема добычи металлов — возить материалы с Земли слишком дорого, да и транспорты не могли приходить слишком часто. На Ганимеде и на Ио как грибы стали расти многочисленные шахты. И так шаг за шагом колония быстро разрасталась, крепла, становилась все более независимой от Земли. Почему бы ей действительно со временем не превратиться в цветущий сад?

— Что с вами, Марк? — спросила Лоррейн.

Фрэзер отвлекся от своих размышлений и смущенно ответил:

— Так, что-то размечтался... Не хочется думать о плохом, Лори. «Вега» прилетела и скоро улетит, так что все скорее всего обойдется. Но вот у Теора дела хуже. Если его племя будет изгнано с побережья, то наша работа по установлению контактов с юпитерианами будет отброшена лет на двадцать назад. Вот это действительно серьезно!

Они вошли в кессонную камеру и стали ждать, пока поднимется давление. Затем с облегчением сняли шлемы.

— А ведь для вас Теор — это больше, чем часть научной проблемы, — неожиданно сказала Лоррейн. — Мне кажется, что вы относитесь к нему лучше, чем ко многим людям.

Фрэзер озадаченно взглянул на девушку. Она была крупной блондинкой, с прекрасной фигурой, способной заморозить любого мужчину, но ее лицо было невыразительным. Лоррейн ему нравилась, и даже ее радикальные политические взгляды не портили их отношений. Эта девушка обладала недурным чувством юмора, умела прекрасно использовать часы отдыха. До начала революции на Земле она была главной заводилой в городе, ни одна вечеринка не обходилась без ее активного участия. Но в целом Фрэзер мало знал о Лоррейн, она не очень любила рассказывать о своем прошлом.

«Черт побери, что она хотела сказать?» — озадаченно подумал Фрэзер, но вслух еще раз повторил:

— Не переживайте вы так из-за этой «Веги», Лори. Поверьте, все обойдется. Спасибо,

что встретили меня. Если вас не затруднит, позвоните моей жене и предупредите, что я задержусь на полчаса. Хочу немедленно связаться с Теором. Бог знает, что у него там произошло...

Глава 2

Он сел перед микрофоном и положил руки на панель управления передатчика, нацеленного на Юпитер.

— Теор, это Марк, — сказал он, но не по-английски или на языке Наярр. Люди были способны воспроизвести далеко не все звуки речи юпитериан — она состояла из невероятного набора кваканья, хрюканья и свиста, — и наоборот. Разговаривать можно было лишь на «общем языке», созданном лучшими лингвистами Земли и являвшимся грубой аппроксимацией юпитерианского. Теор легко научился говорить на нем, а вот Фрэзеру удалось овладеть им лишь после многих месяцев упорного труда. — Ты слышишь меня?

Его слова преобразовывались в набор электронных импульсов, которые поступали в приемное устройство Главного Передатчика, расположенного в нескольких милях от Авроры. Отсюда они выстреливались информационными пакетами в ближайший из трех информационных спутников, вращавшихся вокруг Юпитера. Там на специальном преобразователе электрические сигналы превращались в поток нейтрино. Невидимый, неосязаемый луч широким конусом посылался на Юпитер со скоростью, чуть меньшей скорости света. Его ширина была соизмерима с диаметром чудовищной планеты. Практически беспрепятственно пронизав его толщу, луч уходил в глубины космоса. Ни могучие магнитные бури, ни мощное гравитационное поле не могли существенно исказить переданную информацию, в то время как у радиолуча не было шансов пройти даже верхний слой атмосферы. На поверхности Юпитера располагался приемник, некогда доставленный автоматической ракетой. Он преобразовывал нейтринный сигнал вновь в радиоимпульсы и посылал их узким лучом с помощью радиоприцела в четырехдюймовый диск, который ныне носил Теор, сын вождя племени Наярр.

Потребовались усилия нескольких поколений лучших ученых Земли, чтобы создать устойчивую связь с обитателями недостижимой планеты. Но вслед за техническими трудностями возникли проблемы совсем иного рода...

— Теор? Почему ты не отвечаешь?

«Черт побери, а не умер ли он? — с внезапной тревогой подумал Фрэзер. — Теор должен слышать меня, ведь он всегда носил диск на шее...»

Фрэзер достал старую трубку из кармана и стал неспешно набивать ее табаком, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы. Сейчас он не думал о том, что кисет опустеет окончательно и до прихода следующего транспорта с Земли ему придется несладко.

А в это время в тысячах миль от него, в полной темноте, в которой человеческий глаз ничего не смог бы разглядеть, другая рука потянулась к кнопке переговорного диска. Юпитерианин спросил:

— Это ты, Марк?

Через минуту эти слова дошли до Ганимеда. Фрэзер вздрогнул и едва не выронил трубку.

— Да, это я. Надеюсь, не потревожил тебя в неурочный час, друг?

Последовала пауза, в течение которой Фрэзер постарался привести свои нервы в порядок. «Что-то я слишком близко к сердцу принимаю все, что происходит с Наяррами, — подумал он. — Теор, конечно, очень приятный, умный парень, и мне будет очень жаль, если враги изгонят его племя с побережья. Это здорово повредит нашему проекту — ведь приемник-то останется в Доме Оракула. Придется вновь устанавливать контакты с новыми обитателями тех мест, а это займет долгие месяцы, если не годы. Но с другой стороны — так ли уж это важно для меня? Юпитер еще более чужой для меня, чем сама преисподняя...»

— Нет, ты не потревожил меня, — ответил Теор. — Правда, сейчас у нас ночь, и мое

сознание должно было затуманиться, но сейчас я настолько обеспокоен происходящим, что мне не до сна. Хорошо, что ты связался со мной, друг. Мое племя очень нуждается в твоей помощи.

— Чем я могу помочь?

Фрэзер почувствовал растущую тревогу. Он долгие годы общался с Теором, и хотя юпитериане физически отличались от человека более, чем, скажем, медузы, это существо было ему ближе многих друзей.

— Я долго втолковывал своим соплеменникам, кто вы и что может дать наше общение, но они не желали меня понять, — после минутной паузы сообщил Теор. — Сейчас же, когда над нами нависла смертельная угроза, они стали куда сообразительней. Каждый фермер теперь знает, что нас спасет существо с небес.

— Так до них, наконец, дошло, что я не бог и не явление природы вроде наводнения? — обрадованно воскликнул Фрэзер. — Ты их убедил?

Он никогда не придерживался стандартных методов общения с аборигенами, которые использовали другие исследователи Юпитера. Десять лет назад он работал в технической группе, занимавшейся улучшением качества связи с планетой. Постепенно он заинтересовался этим проектом настолько, что стал все свое свободное время посвящать изучению первой версии «общего языка» — лучшего средства общения с юпитерианами тогда не было. После этого он набрался смелости и попросил включить себя в группу лингвистов, занятую непосредственно проблемой контакта. Ему разрешили попробовать установить связь с сыном вождя племени Наярр — и были весьма удивлены быстрым прогрессом Фрэзера в языке. Вскоре выяснилось, что он продвинулся во взаимопонимании с аборигеном куда больше, чем опытные специалисты. Дело, конечно, было не только в прирожденном таланте Фрэзера, но и в его поразительной настойчивости. За 10 лет общения Фрэзер и Теор научились не только понимать друг друга, но и ощущать эмоции собеседника — такого не достиг еще ни один другой землянин.

После долгой паузы Наярр ответил:

— Это не только моя заслуга. Мой полуотец Элкор в свое время немало общался с землянами. И хотя он не нашел среди них друзей, веру в ваше могущество сохранил. Но Элкор мало понимал вас, людей с неба, и теперь очень удивляется, когда я рассказываю о наших беседах. Как такое могло произойти?

— Гм-м-м... раньше я как-то не задумывался на эту тему. Понимаешь, те люди, которые общались некогда с твоим отцом, были учеными, и их в первую очередь интересовали тайны вашего мира. Словарь общего языка был в то время очень узок и не мог выразить никаких оттенков эмоций. Но я — то не ученый, меня интересовало совсем другое — каковы вы, жители огромного, недоступного для нас мира, как вы думаете, чем живете, отчего радуетесь или тревожитесь. Именно по этой причине со временем наш с тобой словарь стал развиваться, мы придумали новые, понятные для обоих слова. В результате мы стали понимать друг друга намного лучше, чем наши предшественники.

«Старый Ян Сильверстайн тоже не был узким специалистом», — подумал Фрэзер, дожидаясь ответа. ДжоКом — так называлась принципиально новая нейтринная система связи — был его мечтой. Многие годы он обивал пороги крупных исследовательских фирм, убеждая бизнесменов, что Юпитер — это козырная карта, которая может стать для Земли новым, неисчерпаемым Клондайком. Затем он взялся за академические институты, уговаривая научных светил отойти от традиционных подходов, развивать иные направления в радиолокации, физике твердого тела, кибернетике и т. д. и т. п. Но дело двигалось медленно, пока на Юпитер не были успешно спущены первые исследовательские роботы. Они были весьма примитивными, с простейшей лазерной телеметрией, так что большая часть информации начисто терялась в атмосфере. Но Сильверстайн уже развернулся во всю мощь. К тому времени он возглавлял «Проект Юпитер», и сотни фирм и научно-исследовательских лабораторий работали под его началом. На планету спускались все более сложные и совершенные модели роботов и, хотя большая их часть бесследно

исчезала, Джуп стал понемногу открывать свои тайны. Настал великий день, когда Земля узнала о наличии на планете-гиганте разумной жизни. Остаток жизни Сильверстайн посвятил совершенствованию системы связи, нейтринный передатчик заработал незадолго до его смерти...

— Мне очень интересно следить за ходом твоих мыслей, Марк, — слышался наконец голос Теора. — Но, увы, эту ночь нам не удастся полностью посвятить отвлеченным размышлениям о природе вещей. Рассвет уже недалек, и улунт-хазулы скоро придут в Найрр.

— Что случилось, Теор? В последний раз, когда мы говорили, ты рассказывал об армии, которую вы послали навстречу врагу.

— Да, — мрачно ответил Теор. — Мы думали, что это — обычный набег дикарей, и послали пограничные отряды разогнать их. Вместо этого враги наголову разбили на побережье наше небольшое войско. Оставшиеся в живых рассказали, что чужаков видимо-невидимо и они иной расы.

— Иной расы? — присвистнул Фрэзер в изумлении. Хотя это было вполне возможно. На такой огромной планете могли существовать несколько совершенно различных разумных рас, даже не подозревающих о существовании друг друга.

— Похоже, враги пересекли западный океан, пройдя через цепь Плавающих островов. Наши торговцы имеют там базу. Если улунт-хазулы захватили их в плен, то они многое могли узнать о нашей стране и о нашем племени. Не сомневаюсь, что у них были и шпионы — мы не раз встречали на побережье странных личностей, но не придавали этому значения. Теперь мы вынуждены были пригласить чужаков на переговоры. Надо же хоть что-то узнать о врагах, прежде чем вступать с ними в бой! Они согласились, и два дня назад в город прибыла их делегация.

— Но чем я могу помочь?

— Ты знаешь, с каким благоговением наше племя относится к большой машине, той, что говорит, — сказал Теор. — Некогда еще мой отец вступил с ней в контакт и из уважения поместил ее в Дом Оракула. Три года назад вы послали нам машину, которая показывает, — и она тоже с почетом была перенесена в храм. Эти устройства много изменили в жизни Найрр, и особенно в роду Рива. Некогда мои предки славились своим магическим искусством, и теперь в глазах соплеменников я тоже стал магом — и все потому, что могу говорить с людьми, живущими на небесах. Наш народ прост и доверчив, ему вполне достаточно моих рассказов, но улунт-хазулы могут оказаться более привередливыми. Думаю, им потребуется более серьезное доказательство моего могущества, скажем, изображение ТОГО, КТО ЖИВЕТ В НЕБЕСАХ.

— А-а... Я догадываюсь, что требуется сделать. Ты хочешь, чтобы я...

Внезапно интерком захрипел и разразился чьим-то басистым голосом:

— Внимание! Говорит Боб Ричарде из штаб-квартиры Администрации. Вы уже знаете, что недавно в космопорте прилунился крейсер «Вега». Его командир адмирал Свейн просит разрешить астронавтам, свободным от вахты, посетить сегодня наш город. Естественно, порядок и дисциплина гарантируются. Я думаю, ребята, вам будет приятно поболтать с парнями, недавно прибывшими с Земли. Так что можете через десять минут подходить к главному входу. Пока.

Фрэзер усмехнулся, услышав объявление. «А Лори была так испугана», — иронически подумал он.

— Что у вас происходит? — с интересом спросил Теор.

— Ничего важного, — ответил Фрэзер. — Давай лучше вернемся к твоей просьбе. Мой внешний вид может смутить любого жителя Юпитера, и, насколько я понимаю, ты хочешь воспользоваться этим. Я должен запретить чужакам вторгаться на вашу территорию под угрозой ужасного наказания, не так ли?

В соседней комнате раздался шум возбужденных голосов. Похоже, парни из лаборатории отправились встречать астронавтов. «Пусть развлекаются», — равнодушно

подумал Фрэзер.

— Ты читаешь мои мысли, — сказал Теор. — У меня предчувствие, что это может изменить баланс сил в нашу пользу. Улунт-хазулы наверняка знают, что на севере находятся страны, пусть и менее богатые, чем Медалон, но куда более беззащитные. Если они услышат, что, кроме армии Наярр, против них выступают сверхъестественные силы, то они могут дрогнуть.

— Хм-м-м... не уверен, не знаю, как устроены их мозги. Возможно, мы встретимся с иной культурой, другим образом мыслей. Но в любом случае постараюсь сделать для вас все, что смогу» Хотя... каким образом? Пришельцы не знают «общего языка», а я не говорю на языке Наярр!

— Знаю. Я уже придумал, как все это можно проделать. Я прочитал свою речь здесь, стараясь говорить измененным голосом. Ты запишешь ее и пошлешь вместе со своим изображением в нужный момент. Никто не догадается о нашей хитрости.

— Прекрасно! Ты мне досконально объяснишь смысл своих фраз, а я уж постараюсь делать соответствующие словам жесты. Ладно, будем считать, договорились. Теперь перейдем к текущим делам. Ты подготовил первый опытный образец бумаги по технологии, которую мы разработали для вас?

— Да, нам удалось сделать первый лист. Я покажу его тебе, но сначала давай немного побеседуем на отвлеченные темы. Ваш образ мыслей настолько сложен и непривычен, что мне хотелось бы уточнить некоторые философские понятия...

Они закончили беседу минут через сорок. Фрэзер взглянул на часы и был неприятно удивлен. «Надеюсь, Ева не очень рассердится на меня», — с раскаянием подумал он.

— Мне пора уходить, — сказал он. — Я приду в лабораторию, когда начнутся ваши переговоры с улунт-хазулами. Позови меня, когда захочешь начать устрашение чужаков. Надеюсь, что наш замысел сработает. До встречи, Теор!

— Пусть твой разум блистает вечно! Прощай, друг.

Связь прервалась. Фрэзер посидел еще минуту, чувствуя себя до удивления одиноко. Затем встряхнулся, заставил себя подняться и пошел к двери.

Она внезапно распахнулась прямо перед его лицом. В комнату ворвался Пат Махони. Его лицо напоминало маску Медузы-Горгоны.

— Марк! — завопил он. — Бежим отсюда! Они арестовали всех в городе, кто мог представлять для них хоть какую-то опасность!

— Ты о чем? — с изумлением спросил Фрэзер.

— Эти безумцы с корабля дали нам прикурить! Стоило этим чертовым астронавтам войти в город, как каждый из них выхватил бластер. Это бандиты, Марк, самые настоящие бандиты. Нет, еще хуже — они сторонники прежнего президента Гарварда!

Глава 3

Без специальных инструментов ни один человек не смог бы увидеть рассвет на Юпитере. Его поверхность, погруженную в вечный мрак, лишь изредка освещали вспышки гигантских молний. Атмосфера состояла большей частью из водорода с небольшими примесями метана и парообразного аммиака, образующего облака толщиной в несколько миль. Однако золотистые глаза Теора — каждый в три раза больше человеческого — отлично видели в красном и даже инфракрасном диапазонах волн. Для него небо стремительно очищалось от ночного тумана, который бурлящими клубами неся по равнинам Мендалона и уходил под мутную арку облаков, увлекая за собой полчища черных, колеблющихся теней. Теор чувствовал, как его лицо обвеивает резкий и холодный ветер. Его чувствительные усики-антенны, расположенные с обеих сторон рта, дрожали, реагируя на острые органические запахи, текущие по равнине.

Теор нетерпеливо переступил ногами. Ему хотелось вновь вернуться к своим обязанностям. И прежде всего это была забота о ценных наркотических специях. Первично

они накапливались в стволах и листьях растений равнины, но в полном виде свои свойства приобретали, лишь пройдя через желудочный тракт местных животных, отдаленно напоминающих земных коров. У фермеров в этот сезон хватало забот, и обязанностью Теора было помогать им, оберегая от непогоды — ветра, дождя, града, молний, землетрясений, гейзеров, вулканических извержений, камнепадов и прочее, прочее, прочее. Это было традиционной работой славного рода Рива. Лишь случайно и изредка его отпрыски становились священниками, магами, судьями и военачальниками. Всегда и везде Ривы были хранителями цивилизованности племени Найрр; без их искусства оно могло скоро вновь вернуться к состоянию варварства или оказаться раздавленным более могущественными племенами.

«Неужели такое когда-то может случиться? — угрюмо подумал Теор. — Мы издавна не опасаемся соседнего племени Ролларик — нас куда больше, мы лучше вооружены, и поэтому эти трусы решили скрыться от нас за Дикую Стену. Но эти новые пришельцы улунт-хазулы! Кто привел такие огромные силы через океан?»

Этот беспримерный переход поразил его так же, как редкая боевая доблесть чужаков. Найрры тоже далеко не домоседы: на южном побережье они торгуют с Лесным племенем, а за морской добычей уходят далеко в океан, до самого Орговера. Несколько разведывательных экспедиций даже отправились на запад, к таинственным Сияющим островам. Но как улунт-хазулы смогли пересечь тысячи штормовых миль в океане из жидкого аммиака? Теор знал об этом из сообщений своего друга-землянина с Ганимеда, который наблюдал поход войска, чужаков с помощью хитроумных инструментов.

Теор невольно поднял глаза к небу. Он никогда не видел ни лун Юпитера, ни даже Солнца. Странно будет, если найрры будут спасены воздействием сил из мест невидимых и недостижимых... Хотя луны и так влияют на происходящее здесь, на поверхности Юпитера — Марк не раз рассказывал ему, что именно они вызывают атмосферные приливы и отливы и тем самым создают четыре Малых Цикла погоды...

— Уллола! — услышал он вдруг чей-то далекий голос откуда-то снизу. — Теор, я вижу тебя, спускайся и побеседуй со мной! — Теор натянул поводья на своем форгаре. Летающий зверь, напоминающий земного богомола, замедлил свой парящий полет и плавно стал спускаться. Теор сидел на его узкой, чешуйчатой спине, крепко упираясь четырьмя ногами в туго натянутые стремяна, и смотрел вниз.

Он был в нескольких милях от города. Впереди, на изгибе реки Брантор, были видны столбы красного дыма. Там располагались мастерские, поскольку именно в этом месте были найдены десятки небольших вулканических жерл — другого вида огня на Юпитере не знали. Опытные ремесленники день и ночь трудились, плавя над жерлами осколки льда и выковыывая из него наконечники для копий и ножи.

Сделав широкий круг, форгар плавно приземлился рядом с пожилым найрром, приветственно размахивающим посохом, богато отделанным перьями. Это был Норлак, полуотец Теора.

Молодой Рив прыгнул с форгара и со вздохом облегчения распрямил свой одеревеневший за время полета торс. Его форгар немедленно устремился к зарослям кустарника с толстыми губчатыми листьями. Растения росли на почве, состоящей из смеси ледяного порошка с органическими веществами и минеральными солями, главным образом натриевыми и аммиачными соединениями. Ледяная крошка хрустела под ногами Теора.

— Моя сила была спокойной в ваше отсутствие, — произнес он формальное приветствие, но затем сразу же перешел к делу. — У нас мало времени, полуотец. Посланцы врагов, должно быть, уже пришли в город.

— Они уже там, — сказал Норлак, — чужаки прибыли еще вчера вечером. Я давно жду здесь — мне хотелось бы поделиться с тобой, сын, кое-какими соображениями, прежде чем ты пойдешь на совещание.

— Но почему вы сами не приняли участие в этой важной встрече? Она могла уже начаться, и...

— Чужаки возражали, — флегматично ответил Норлак. — Они сказали, что по их законам только мужчины могут принимать участие в переговорах. Если с нашей стороны будут присутствовать представители других полов, то чужаки покинут город. Мы с Элкором решили проглотить оскорбление и принять их условия.

Теор замер в изумлении. У наярр все три пола были традиционно равны, хотя женщины мало интересовались государственными делами — им вполне хватало домашних хлопот и забот о потомстве. Правда, дикари из рода Ролларик и Лесное племя по-другому смотрели на равноправие полов, но это были крайности, редкие в этой части Юпитера.

— Вождь улунт-хазулов смеясь сказал, что женщины у них — не более чем часть имущества, а полумужчин вообще убивают при рождении — лишь немногих оставляют для нормального воспроизведения потомства. Хозяевами этого племени являются лишь мужчины, и в этом походе больше ниш о не участвует. Как только мы завоюем вас, сказал вождь, мы привезем сюда и остальную часть нашего племени с Плавающих островов.

Теор поморщился.

— Теперь я понимаю, что они совсем другие, чем мы, — заметил он. — Но просто другое племя — нет, совсем другой вид. Убивать полумужчин — да где такое видано!.. Хотя... хотя это может сыграть нам на руку. Вы, полумужчины, куда слабее нас и излишне эмоциональны, но зато голова у вас более светлая.

— Верно! — самодовольно улыбаясь, согласился Норлак и горделиво выпятил грудь. — Разве не я предложил использовать твоего друга-небожителя, чтобы распугать этих дикарей? Конечно, я хотел бы участвовать в переговорах, чтобы следить за чужаками. Вы, мужчины, недостаточно чувствительны в таких вещах. Ваша сила — в мускулах, увы, и только в них.

Норлак явно преувеличивал. Разве не он, Теор, первым из наярр смог установить тесный контакт с землянином? Норлак в ответ на это обычно ворчливо отвечал, что Теору помогло лишь обычное мужское упрямство, а никак не интеллект.

— Так что ты хотел сказать мне? — спросил Теор.

— Я хотел бы дать тебе, сынок, кое-какие рекомендации, поскольку сам на встрече буду отсутствовать. Я потратил немало сил и времени на изучение этих улунт-хазулов, и тебе полезно будет получить от меня важную информацию. Наша ошибка состояла в том, что мы всегда принимали их за племя дикарей, и не более. Но на самом деле они намного опаснее, намного!

Теор нетерпеливо переступил ногами, но удержался от язвительной реплики. Норлак обожал пространные напыщенные монологи, но их стоило выслушать.

Со стороны эта пара юпитериан показалась бы землянину на удивление похожей на кентавров. Но это сравнение было бы слишком грубым и приблизительным. Да, их тела опирались на четыре ноги и спереди были украшены гордо вздыбленными торсами, но этим сходство с легендарным животным и заканчивалось. Тела Теора и Норлака были безволосыми, красноватого цвета с темными тигриными полосами. Ноги увенчивались не копытами, а тремя цепкими пальцами. Руки были непропорционально длинными и четырехпалыми. На круглых головах отсутствовали уши, но зато Теор, как и все мужчины, мог похвастаться высоким петушиным гребнем. Рот располагался чуть ниже огромных глаз и служил только для принятия пищи и питья. Речевые звуки издавались вибрацией специальных мускулов, расположенных в особом мешочке под челюстью.

Юпитериане не имели носа и легких. Зато на их грудных клетках располагались узкие щели, напоминающие жабры, через которые в кровь поступал водород, играющий основную роль в обмене веществ. В процессе воспроизведения органических соединений участвовали и метан с аммиаком — они поступали внутрь через брюшные отверстия. Чудовищное юпитерианское давление делало эту простую систему дыхания эффективной. Питались «кентавры» в основном водорослями.

За исключением пояса с инструментами и висевшего на поясе диска коммуникатора, Теор был совершенно обнажен, что было типично для жителей Юпитера. Малый осевой

наклон этой планеты обеспечивал небольшой температурный разброс на его широтах, что делало потребность в одежде излишней. Однако полумужчины обожали наряжаться в пышные и безвкусные одежды. Они были низкорослыми, хрупкими существами, вечно жаловавшимися то на холод, то на жару. Отсутствовал у них и «петушиный» гребень, зато антенны были более тонкими и чувствительными — подобных и менее заметных отличий между полами было множество. Для оплодотворения мужчина и полумужчина должны были по очереди заниматься любовью с женщиной, причем с интервалом не более трех—четырех часов. Мать давала жизнь ребенку и кормила его кашей из тщательно пережеванной пищи. Для наярр создание семьи из трех разнополых индивидуумов считалось естественным, хотя многие другие племена придерживались иных обычаев.

Но варварское отношение улунт-хазулов к полумужчинам было шокирующим. И такие дикари смогли переплыть через океан? Теор был менее воинствен, чем другие мужчины, но мысль о том, что чужаки могли бы безжалостно уничтожить Норлака, заставила его судорожно сжать рукоять палицы.

— Я собрал воедино все разрозненные сведения, добытые разведчиками и исследовательскими экспедициями, и добавил к ним свои собственные наблюдения за посланниками, — продолжал распространяться Норлак, закатив глаза от восхищения самим собой. — Родина улунт-хазулов — островной архипелаг в океане. Местность там преобладает равнинная и болотистая. Чужаки — отличные строители, они умеют отливать корпуса своих судов из льда. Их штурманы прокладывают курс на сотни миль через океан — мы таким искусством, увы, не владем. Они своим умом дошли до изобретения компаса, тогда как мы использовали идею землян, пришедшую с Ганимеда. Оружие чужаков совершенней нашего, поскольку они каким-то чудом нашли залежи каменных и железных метеоритов.

В голосе Норлака зазвучали тоскливые нотки:

— Мы должны бесстрастно смотреть в лицо фактам, сынок, — сказал он. — Улунт-хазулы далеко не варвары, нет! Их цивилизация значительно отличается от нашей, но она, увы, столь же полноценна и многогранна.

— Хм... — недовольно буркнул Теор. — И все же они могут здорово испугаться Оракула!

— Что ж, лучше постараться запугать пришельцев чем-то сверхъестественным, чем получить на свою голову фантастическую резню, — грустно согласился Норлак.

— Которой не миновать, если Марк не поддержит нас, — добавил Теор. — Жаль, полуютец, что вас не будет на переговорах!

— Увы, увы... Но, к счастью, делегация улунт-хазулов состоит из одних мужчин, а это значит, что их вполне можно обмануть... Только помни одно, сынок: хитрость лучше, чем сила! Тем более что твой Марк может нам помочь только одними словами...

— Землянин говорил... — начал было Теор, но перебил сам себя. — Ладно, сейчас не стоит об этом толковать. Норлак, а почему пришельцы оставили свой дом?

— В их стране резко ухудшились погодные условия. Бесперывные штормы привели к тому, что добывать морские растения стало все труднее и труднее. Начались голод и эпидемии.

— Верно! Марк как-то говорил мне, что если в верхних слоях атмосферы встречаются два течения, то образуется вихревая область пониженного давления, которая...

— Пощади меня, сынок! Я простой наярр из рода Рива, для меня ты говоришь слишком мудро... Продолжаю. Улунт-хазулы кое-что разузнали о нашем племени — цикл или два назад Скрытный народ поговаривал о каких-то шпионах-чужаках. Их видели всего несколько раз, но наша страна велика и не заселена, так что это совсем не удивительно. Так или иначе, улунт-хазулы неплохо изучили нас и поняли, что вполне могут силой захватить нашу страну. На сегодняшней встрече вы должны...

Норлак продолжал свой пространный диалог, время от времени закатывая глаза и самодовольно покачивая антеннами. Теор слушал его с нарастающей неприязнью. Идеи

полуотца были несомненно хороши, но это были всего лишь благие пожелания, а время безвозвратно утекало. С трудом дождавшись момента, когда Норлак сделал паузу, чтобы передохнуть, Теор воскликнул с напускным воодушевлением:

— Спасибо, полуотец, за ваши мудрые слова! Я сделаю все, что вы сказали. Простите, но теперь мне пора. Пусть пребудет с вами мир!

Теор вспрыгнул на своего форгара и взмыл в небо прежде, чем Норлак сумел остановить его.

Несколько минут спустя он достиг города. Сверху тот выглядел больше похожим на скелет морского животного, чем на поселение. Дома представляли собой ямы, огороженные по сторонам прочными, но тонкими стенами так, чтобы не задавить своих обитателей во время сильных землетрясений. Крышами служили живые растения, настолько густо переплетенные, что без труда могли выдержать самый сильный шторм. Подобные же кустарники составляли живую изгородь, огораживающую город по периметру. Корабли сохли в береговых доках, и вокруг них было непривычно пусто, так же как и на городских улицах, которые вернее было назвать тропинками. Большинство жителей города затаилось в своих домах, с тревогой ожидая результатов переговоров.

Теор приземлился на площади между Домом Советов и Домом Оракула и, спрыгнув с форгара, поспешил к первому из них. Три эскадрона охраняли резиденцию Эскора. Воины были одеты в доспехи из чешуйчатой кожи канника — хищного морского зверя, — и вооружены копьями. Их наконечники были выкованы из льда — юпитерианское давление и температура в минус 100 градусов делали его прочнее стали.

— Стой! — воскликнул один из воинов, угрожающе наклонив копье. — А-а... Это Теор... Проходи. А мы-то гадали, что с тобой случилось?

Теор почувствовал скрытый в этих словах упрек и, смутившись, задал в ответ чисто риторический вопрос:

— Как проходят переговоры, ребята?

— Паршиво, ясное дело. Чужаки только посмеялись над угрозами Элкора и послали подальше его предложение поселиться где-нибудь на равнине Ролларик.

— О-о, это пришел мой сын! — послышался из-за двери глухой голос Элкора.

— Хунда! — ответил ему чей-то хриплый басистый голос с заметным акцентом. — Выходит, простой копьеносец может присутствовать на разговоре вождей?

Теор нахмурился и вошел в здание. Пройдя через длинный, с заметным уклоном коридор, оказался в главном зале дворца. Он был, как обычно, освещен фосфоресцирующими цветами, растущими на вьющихся по потолку кустах. Вдоль стен круглого помещения, на высоких ярусах, стояли старейшины племени, представляющие гильдии фермеров, ремесленников, торговцев и философов... Лица у всех были напряжены, в глазах светилось неприкрытое волнение.

Элкор Рив стоял внизу один, а напротив него полукругом выстроилась дюжина улунт-хазулов. Вождь наярр был крупным, полным мужчиной средних лет, хотя выглядел значительно старше. Он отличался в своем племени мощью и благородством осанки, так что сердце Теора наполнилось гордостью при виде отца. Но, взглянув на чужаков, он вздрогнул и невольно шагнул назад, потрясенный.

Человек Земли не разделил бы его изумления. Все юпитериане показались бы ему на одно лицо — точно так же, как и Теор вряд ли бы отличил человека от гориллы. Улунт-хазулы были почти на фут выше наярр. Под их подбородками росли наклоненные книзу клыки. Ноги чужаков были массивными и заканчивались перепончатыми ступнями. Их хвосты были толстыми и длинными, шкура имела непривычный серый цвет. Все в пришельцах было чужим, грубым, режущим глаз. И от них едко несло запахом ЖИВОТНЫХ!

Улунт-хазулы были одеты в кожаные мантии, а двое из них открыто поигрывали ледяными браслетами, явно снятыми с убитых наярр. Еще хуже, было то, что вопреки обычаю они принесли во Дворец Советов оружие. Оружие! Сердце Теора забилося от гнева и

возмущения.

— Мы уже отчаялись увидеть тебя сегодня, — с видимым облегчением сказал Элкор, бросая на сына укоризненные взгляды. — Я хотел сам показать гостям Оракул, но ты сделаешь это не хуже. Пусть Чалхиз, великий вождь улунт-хазулов, лично лицезрит Силу, Живущую в Небесах!

Теор вспомнил о словах Норлака. Полуотец особо отмечал, что вождь чужаков лично пришел на эту встречу. Этим он хотел не только показать свое бесстрашие, но и дать понять наяррам: мол, мы настолько хорошо организованы, что даже смерть вождя не станет для нашего племени серьезным ударом.

Теор встретился с холодными, мрачными глазами Чалхиза и твердо произнес:

— Мы знаем, вождь, что через своих шпионов ты немало разузнал о наяррах. Мы не препятствовали им: пусть все знают о могуществе нашего племени! Конечно, оно в первую очередь заключается в нас самих. — Чалхиз при этих словах пренебрежительно усмехнулся. — Но и также в нашем дружеском союзе с великой Силой. Я не хочу угрожать тебе, Чалхиз, но будь уверен — Сила не останется в бездействии, если нам угрожает опасность.

Чалхиз вновь улыбнулся, на сей раз плотоядно.

— Тогда почему же жители небес позволяют нам вторгаться в вашу страну?

— Пока мы еще не просили их о помощи.

— Наши старухи часто болтают о всяких чудесах: о духах, гоблинах, Скрытном народе, об этих ваших бесплотных голосах пророков. Мы, мужчины улунт-хазула, верим только тому, что видим своими глазами! — горделиво заявил вождь.

— Что ж, пойдем посмотрим, — кротко сказал Теор.

Следуя совету Норлака, он бесцеремонно повернулся и вышел из зала, даже не оглянувшись. Шепот удивления пробежал по рядам чужаков, но они, помедлив, безропотно последовали за ним. Пройдя через площадь, мимо невозмутимых воинов, держащих пики наперевес, они вошли в Дом Оракула.

На пороге Зала Передатчика чужаки остановились и стали обмениваться фразами на своем языке — они явно были изумлены. И на самом деле обширное помещение, погруженное в вечную мглу, производило ошеломляющее впечатление. Вдоль его стен располагались собранные наяррами разрушенные при посадке обломки юпитероходов, телеметрических ракет и роботов. На отдельном столе лежали металлические пластинки с изображениями Солнечной системы, Земли, людей — с их помощью земляне когда-то намеревались установить контакт с жителями Юпитера.

Серые воины растерянно озирались по сторонам — ничего подобного они в жизни не видели — и потихоньку стали пододвигаться друг к другу, сжимая оружие. Они явно были готовы трусливо сбежать из этого ужасного места, но Чалхиз отдал короткий приказ, и его спутники понемногу успокоились. Сам вождь осторожно обошел зал по периметру, разглядывая поразительные экспонаты, нагнулся, взял рукой кусочек металла и некоторое время изучал его своими антеннами. Затем подошел к высившемуся в центре зала кубу Передатчика и внимательно осмотрел контрольные панели. На его лице ничего нельзя было прочесть.

— Ну как? — небрежно спросил Теор.

— Хм... я вижу какие-то причудливые безделушки, которые могут удивить разве что дикаря, — проворчал Чалхиз. В его голосе уже не чувствовалось прежней самоуверенности.

— Ты увидишь еще больше, — пообещал Теор. — Один из обитателей неба согласился явить вам свой божественный лик и сурово предупредить о недовольстве вашим вторжением! Те, кто летает среди звезд, несут Великую Силу, способную сокрушить...

Теор произнес целую речь, полную восхваления жителей Неба и скрытых угроз в адрес чужеземцев, — так ему рекомендовал Норлак. Чалхиз угрюмо выслушал его, наклонив свою крупную голову и нервно перебирая ногами. Чувствовал он себя неудобно, а на лицах его спутников легко можно было прочесть нарастающий ужас.

— А теперь я включу Передатчик и почтительно попрошу бога Марка поговорить с тобой, вождь, — закончил Теор и, победоносно взглянув на приободrivшегося отца, подошел к металлическому кубу. Это было довольно громоздкое устройство, раз в десять больше, чем распространенный в Солнечной системе передатчик типа «Земля-3В», но иначе на Юпитере и быть не могло. В данном случае это было даже на пользу, на чужаков это произвело дополнительное впечатление мощи. Но сработает ли сейчас прибор?

Теор с важным видом включил тумблеры на контрольной панели, хотя его пальцы слегка дрожали.

— Я предупреждаю тебя, вождь, что жители Неба не любят, когда их вызывают по таким пустякам, как визит каких-то чужеземцев, — продолжал нагнетать страсти Теор. — Я попрошу их показать живые картинки, но они могут разгневаться за это на меня. Стой тихо, пока я буду взывать к великим богам!

Он нажал кнопку вызова на своем переговорном диске.

— Марк, — пропел он торжественно на общем языке, которому его научил землянин, — настал момент, когда ты должен вмешаться. ОНИ здесь и ужасно напуганы. Ты готов?

Экран на кубе передатчика оставался темным.

— Марк, ты слышишь меня?

Пол дрожал от нетерпеливого перестука десятков ног. С крыши из вьющегося кустарника посыпались лепестки цветов.

— Марк, они ждут. Это я, Теор! Есть там кто-нибудь? Поторопись ответить, я очень прошу!.. Марк, или кто-нибудь из землян... Марк!..

Внезапно Чалхиз начал басисто мурлыкать — таков был смех юпитерян. Вскоре он демонстративно повернулся и вышел из зала. За ним бодро последовали его воины, обмениваясь ядовитыми репликами. А Теор продолжал с отчаянием взывать к темному экрану:

— Марк! Почему ты не отвечаешь? Что случилось?..

Глава 4

А было:

— Ты сошел с ума, — растерянно сказал Фрэзер.

— Нет, нет... — Пат Махони сидел на скамье и тяжело дышал. Рыжая прядь волос, влажная от пота, прилипла к его лбу. — Я видел... Это было в южном зале В, около главного входа... Я видел, как они ворвались... отряд разъяренных людей с бластерами в руках... Среди них шли Клем, Том и Мануэль и еще двое или трое наших... все с поднятыми руками... Они заметили меня, когда проходили мимо. «Беги! — крикнул Мануэль. — Они на стороне прежнего правительства!» Один из чужаков ударил его по голове... а офицер прицелился в меня и крикнул: «Стой! Во имя закона стой!» Я был близко к углу, за которым был следующий коридор, и сказал, потихоньку пятясь назад: «Чьего закона?» — «Правительства Соединенных Штатов!» — «У нас нет с ним проблем!»... И тогда офицер сказал: «Я имею в виду законное руководство, а не бунтарей». Он увидел, что я пытаюсь улизнуть, и заорал: «Стой, или я стреляю!» Но я мигом шмыгнул в коридор. Пуля тут же ударила в стену за моей спиной, но я уже бежал...

Фрэзер тяжело опустился в кресло. «Это невозможно, — тоскливо подумал он. — Этого просто не должно быть! Такие вещи случаются только в кино, но уж никак не в тихой, размеренной жизни колонистов».

Он вспомнил, что нечто подобное было в Калькутте, когда он проходил военную службу. Его полк был послан для подавления антиамериканского восстания. Когда огнеметы направили на толпу и люди стали вспыхивать как спички, его затошнило...

Или взять случай с профессором Хавторном. Он, Марк, тогда учился в колледже и был полон розово-голубых юношеских идеалов. Хавторн казался ему воплощением мудрости и

доброты. Он был слишком стар, чтобы всерьез интересоваться тайную полицию, и потому продолжал преподавать СВОЮ версию истории. Вместо того чтобы восхвалять мудрость президента Гарварда, он приводил в своих лекциях цитаты из Джефферсона, Гамильтона и Линкольна. Более того, он призывал своих студентов следовать этим мыслям в жизни, а этого власть имущие вытерпеть уже не могли. Как-то вечером на старика напали юные хулиганы — конечно, совершенно случайно, а на следующий день во дворе колледжа были торжественно сожжены его книги. Хавторн вскоре умер от многочисленных ран, и ни одна газета не решилась опубликовать некролог.

Новый «истинно демократический» режим порой действовал и более гуманно. Однажды сотрудники ФБР взяли молодого Ольсена прямо из его лаборатории, обвинив в распространении подрывных памфлетов. Ольсен вернулся через несколько недель с разбухшими венами и затравленным взглядом. Карьера его была закончена, хотя и было доказано, что его арестовали по ошибке.

Однако этот случай был приятным исключением из правила. Люди исчезали почти ежедневно, и о них никто больше ничего не слышал. Да и вспоминать о них мало кто решался, люди предпочитали в разговорах восхвалять мудрость и дальновидность президента и твердость его администрации. После таких бесед тянуло прополоскать рот...

Фрэзер встряхнулся, стараясь отогнать неприятные воспоминания. Нужно было действовать, и, к счастью, он не чувствовал пока усталости. Что сказала ему Лори? «Потихоньку готовьтесь уйти из города...» Слишком поздно. Хотя... Но что произошло там, на Земле? Если бы восстание было подавлено, то вряд ли экипаж «Веги» вел бы себя подобным образом. Они взяли Клема, Тома и Мануэля... Зачем? Да потому, что все трое были инженерами-связистами и могли послать на Землю сообщение о случившемся. Так-так... Солдаты с «Веги» могут появиться с минуты на минуту. Надо действовать!

Марк вскочил с кресла и вышел в коридор. Вокруг было пусто и тихо.

— Выходи, Пат, — сказал он, обернувшись. — Если мы поторопимся, то можем захватить краулер и бежать из города. А пока пойду, соберу своих.

Пат молча кивнул и последовал за ним. Они вошли в грузовой лифт и стали спускаться на первый этаж. Сердце Фрэзера бешено билось, на лице выступил пот. Если бы он рисковал только собой...

Внизу было полно народа. Просторное фойе гудело десятками голосов. Лица людей были испуганы, на глазах женщин видны следы слез. «Эй, Марк! — позвал его один из мужчин. — Что произошло? Кое-кто говорит...»

Фрэзер пожал плечами и начал осторожно, но решительно пробиваться через толпу, направляясь к своей квартире. Ее дверь оказалась запертой.

— Господи, — с мольбой прошептал ой, — если моих нет здесь... Тогда ты, Пат, уйдешь один...

Но, к счастью, дверь тут же распахнулась. Пятнадцатилетний Колин медленно опустил кресло, которое выразительно было поднято над его головой.

— Отец! — с облегчением воскликнул он. — А я — то думал...

— Мать и Энн здесь? — не дав ему договорить, спросил Фрэзер и торопливо вошел в квартиру. Махони следовал за ним словно тень. Захлопнув дверь, Марк крикнул: — Немедленно все одевайтесь! Ева, где ты?

Жена сразу же появилась из гостиной. Она была миниатюрной брюнеткой с нежными чертами лица и большими серыми глазами. Из-за ее спины выглядывала Энн с заплаканным лицом. Девочка родилась на Ганимеде десять земных лет назад и впервые в жизни столкнулась с серьезными неприятностями.

Ева, всхлипнув, обняла мужа.

— Как хорошо, что ты пришел, Марк... Я не знала, что делать. Хотела позвонить в космопорт, но телефон отключен... — Марк ласково погладил ее по руке — та была холодна словно лед.

— Надо немедленно уходить из города, — сказал он.

— Но... нас же могут убить! — вздрогнула Энн.

Фрэзер шлепнул ее по щеке. Он был зол, но все же сумел сдержаться и ровным голосом приказал:

— Одевайтесь, я кому говорю!

Жена и дети растерянно посмотрели друг на друга и, не переча, пошли к шкафам с одеждой. Фрэзер осмотрел свой запасной скафандр и указал на него Махони:

— Возьми его, Пат. Он великоват для тебя, но что поделать...

Ева нервно стала выдвигать ящики, не зная, что выбрать.

— Сейчас не время модничать, — недовольно заметил Фрэзер. — Возьми только то, что уместится в карманах скафандра. Да положи ты это платье!

Махони отвернулся, пока Ева торопливо переодевалась. Фрэзер пристально смотрел на жену, ощущая — нет, не желание, сейчас не было на это времени, но память о желании, о прожитых вместе годах. Она отказалась от большего, чем он, прилетев на Ганимед: политика мало значила для нее, и на Земле она могла сделать отличную карьеру. «Хорошая девочка», — ласково подумал он.

Фрэзер надел свой скафандр, предварительно тщательно осмотрев кислородные баллоны, емкость с водой, пояс с концентратами, энергобатареи и ранец с инструментами. Шлем он пока оставил открытым и не стал надевать рукавицы. Дело для него было привычным, потому он управился куда раньше, чем остальные. Затем минуту или две он грустно обозревал свою квартиру, отлично понимая, что, возможно, никогда не вернется.

Она была стандартной и простой, подобно другим жилым помещениям в Авроре, но Ева сумела сделать ее уютной. Коробки с микрофильмами на книжных полках, стоящая на столе Колина наполовину законченная модель космолета, шахматы рядом с коробкой сигар... Фрэзер всегда любил шахматы и покер. Черт побери, сколько времени я угробил на все эти забавы! — с запоздалым раскаянием подумал он. Его глаза скользнули по стене и застыли на большой фотографии, висевшей над кушеткой. Над морем с темной, почти фиолетовой водой бушевала метель из чаек. Но оно могло быть и другим, вспомнил Фрэзер. По ночам вода в заливе фосфоресцировала. Можно было опустить руки в волны, плещущие о борт лодки, и зачерпнуть ладонями жидкое лунное серебро...

Свои отроческие годы Фрэзер провел на плавучей морской станции. Ее обитатели пасли стадо китов и собирали морские водоросли. Иногда станция уходила далеко в океан, и тогда перед ними открывался целый мир НЕИЗВЕСТНОГО... Персонал станции состоял из людей многих национальностей и жил, по сути дела, одной большой коммуной. Ни о тайной полиции, ни о доносах здесь и не слыхивали, и это впоследствии больно отозвалось на последующей судьбе Фрэзера. Он оказался слишком доверчивым и мягким, совершенно не приспособленным к жизни в большом и жестоком мире, где ни на кого нельзя было положиться. Только оказавшись много позже на Ганимеде, он вздохнул вновь свободно — ему показалось, что он выбрался из душной субмарины на поверхность моря, на свежий, порывистый ветер...

— Марк, все готовы, — сказал Махони.

— Папа, а куда мы направимся? — смешно пробасил Колин. Мальчик изо всех сил пытался казаться невозмутимым, как и положено мужчинам. Сердце Фрэзера мягко вздрогнуло. Колонисты, как правило, имели чудесных ребятишек — если те, конечно, выживали в тяжелых и непривычных для людей условиях.

— Мы поедем к одной из дальних станций, — ответил Фрэзер. — Мы не можем здесь оставаться, экипаж «Веги» состоит из гарвардистов, от которых можно ожидать любой пакости. Но им не удастся оккупировать весь Ганимед — просто людей не хватит. Спрячемся за хребтом Гленна, а там видно будет. А теперь пойдем. Пат, ты пойдешь последним. Дети, если увидите солдат в голубых скафандрах, не вздумайте бежать. Они могут открыть стрельбу.

Фрэзер вышел в коридор и некоторое время стоял, прислушиваясь. Вокруг было тихо. Тогда он пошел в сторону гаража, моля Господа, чтобы краулеры не успели взять под

охрану.

Свернув в очередной раз, он увидел астронавтов с «Веги». Большой грузный мужчина в голубой униформе с белым поясом выразительно поднял бластер.

— Эй, приятель, ты куда направился? — спросил он настороженно.

Фрэзер замешкался. Вместо него ответила Ева. Очаровательно улыбнувшись, пояснила:

— Простите, офицер, но мы возвращаемся домой.

— Хм-м-м... — недоверчиво пробурчал астронавт, но было заметно, что слово «офицер» ему, рядовому, доставило удовольствие.

— Мы недавно прибыли из поселения, что на равнине Маре. Ваш командир приказал нам вернуться домой и оставаться там, что мы и делаем.

— Ладно, ладно, идите... — неохотно сказал солдат.

Ева дернула мужа за рукав, и он с окаменевшей улыбкой последовал за ней. Когда все вышли в соседний коридор, Махони присвистнул.

— Отличная работа, леди! Как вы догадались так ловко запудрить мозги этому парню?

— Все просто. Кто-то из офицеров должен находиться внутри здания и отдавать подобные команды, — ответила Ева. Ее губы тряслись от пережитого напряжения, и поэтому ей пришлось их крепко сжать.

— Папа, — вмешалась Энн, — может быть, мы лучше...

— Заткнись, — строго сказал Колин и отвесил ей подзатыльник.

Махони открыл дверь, за которой начинался наклонный пандус. На нулевом подземном этаже Авроры располагались склады, гаражи, силовые установки и прочее. В лица им ударил сырой холодный ветер. Когда Фрэзер, шедший последним, вновь закрыл дверь, он увидел, что пар от его дыхания превращается в белый иней, который немедленно осаждается на слабо светящиеся стены.

— Марк, а что мы будем делать, если они охраняют гаражи? — озабоченно спросил Махони.

Фрэзер вместо ответа снял ранец и достал из него молоток и пару увесистых гаечных ключей.

— Возьми, Пат. И ты, Колин. Не бог весть какое оружие, но все же лучше, чем ничего.

— Молоток против бластера? — запротестовала Ева.

— Если потребуется, мы будем драться чем угодно.

Конечно, Фрэзер не был суперменом из ковбойского боевика, и нервы его натянулись до предела. Но рядом с ним находились его дети, и он даже зубами готов был драться за них.

— Энн, — сказал он, — можешь ты пойти вперед? Если встретишь охранника, заговори с ним. Отвлеки его внимание. Он не причинит тебе вреда, не бойся. Только бы он был один...

Фрэзер взял дочку за плечи и заглянул ей в глаза, которые так напоминали ему Еву.

— Ты смелая девочка, — добавил он, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Даже через скафандр он почувствовал, как дрожат плечи Энн.

— О'кей, папа! — нарочито бодро сказала она и, чмокнув его в щеку, быстро пошла вперед.

Ева вцепилась в руку мужа, застывшими глазами провожая дочку. Выждав паузу, они пошли вслед за Энн, стараясь не производить никакого шума. Вскоре девочка подошла к повороту в коридор, ведущий к гаражу, и застыла на месте. Тут же послышался чей-то грубый голос:

— Эй, малышка! Что ты здесь делаешь?

— Я не могу найти папу, — заныла девочка и исчезла за поворотом. — Пожалуйста, дядя, помогите найти его!

Фрэзер махнул рукой Махони и Колину. Они осторожно дошли до угла. Энн все время истерически всхлипывала, не обращая внимания на окрики солдата, в голосе которого появились нотки безнадежности.

— Пора, — шепнул Фрэзер. — Бегите изо всех сил и бейте его чем и куда попало!

Он прыгнул к противоположной стене коридора и, мгновенно развернувшись, метнул молоток в стоявшего метрах в пяти от него охранника. Сразу же плечо отозвалось резкой болью — он вывихнул его, когда играл в баскетбол в спортивном зале Авроры.

Солдат в голубом мундире согнулся пополам и рухнул на колени. На лице застыла гримаса удивления, бластер выпал из ослабевших рук. А когда стал приходить в себя, Махони был уже рядом. Схватив солдата за волосы, он несколько раз с силой ударил его головой о пол, а затем со злостью стал бить ногами, пока Фрэзер не остановил его. Энн стояла в стороне и с ужасом смотрела на лежавшего ничком солдата. Фрэзер успокоил дочь как мог. Вопреки желанию он сочувствовал астронавту. Это был молодой парень, наверняка попавший в переплет волей случая. Он не мог не выполнять приказов командира-фанатика, но стрелять в девочку, конечно же, не стал бы. Колин поднял с пола бластер и встал рядом с Махони.

— Он сам напросился, папа! — гордо воскликнул мальчик, потрясая оружием. Фрэзер вдруг вспомнил парней, некогда до полусмерти избивших профессора Хавторна, и помрачнел.

— Нам надо идти, — встревоженно сказала Ева, озираясь по сторонам. — Здесь нас могут услышать...

Фрэзер кивнул в знак согласия и разрешил жене увести Энн. Они вышли в соседний коридор и вскоре оказались в обширном гараже, погруженном в полутьму. Эхо их шагов звучно отражалось от стен. Краулеры стояли в ряд. Это были большие квадратной формы машины с гладким куполом кабины, отлитым из прочнейшего металлопласта. Для передвижения использовались две альтернативные системы — колесная и шаговая. Мощные аккумуляторы на всех машинах было принято держать заряженными, а продуктовые отсеки — полными, так что Фрэзер открыл люк ближайшего краулера и махнул рукой, приглашая свой небольшой отряд в салон. Сам уселся на место водителя и сразу же включил двигатель для разогрева.

Через минуту машина плавно стронулась с места и направилась в сторону кессона. Когда дверь позади закрылась и воздух стал с шумом уходить из камеры, Фрэзер вытер рукой пот со лба. «Мы все-таки сделали это!» — с изумлением подумал он, еще не до конца веря в удачу. Но радости особой не чувствовал — события последних часов слишком его измотали.

Ева, словно поняв его состояние, порылась в аптечке и протянула ему тонизирующую таблетку. Фрэзер, благодарно улынувшись, проглотил ее и закрыл глаза. Когда выходная дверь кессонной камеры открылась, он чувствовал себя совсем иным человеком — психостимулятор сработал на славу. Фрэзер ощущал себя могучим воином типа Конана-варвара, способным с одним мечом в руках разбросать целую армию врагов. Чувствительность его невероятно обострилась, так что, даже не поворачивая головы, он ощущал каждое движение, каждый взгляд членов своего экипажа и одновременно — состояние всех агрегатов краулера. Он слился с окружающим миром, пророс в него каждым своим нервом, воспринимал его всей кожей...

Когда краулер выехал на равнину, ночь уже воцарилась в небе, расцветив его фейерверком разноцветных звезд. Среди них ледяным водопадом низвергался в бездну белесый поток Млечного Пути. Впереди, прямо по курсу, возвышалась черная вершина пика Гленна, над которой серебристой короной сияла Европа. Город остался позади, закрытый мягко флуоресцирующим защитным куполом. Рядом с ним, словно рухнувшая на равнину луна, лежал массивный шар крейсера, оцетинившийся стволами орудий. А на востоке, над иззубренной стеной скал, нависал чудовищный диск Юпитера, уже выплывший на три четверти из-за горизонта.

Планета-гигант царила в небе. В диаметре она в пятнадцать раз превышала Луну, видимую с Земли, и была несравненно ярче. Большая часть поверхности имела оттенок темного янтаря, с поясами цвета меди, синего кобальта и малахита. Среди них тускло светился глаз Большого Красного Пятна, частично ушедшего на ночную сторону.

Фрэзер с трудом заставил себя оторваться от величественного зрелища, которым невозможно было пресытиться, и стал смотреть только вперед, крепко сжимая в руках руль. Каменная равнина, основу которой составляли вулканические породы, мягкими волнами уходила к гряде скал; ледяной панцирь над восточным хребтом пылал от переливов небесного цвета. Он напомнил Фрэзеру Тихий океан в ночи. «Почему я так мало обращал на него внимания там, на Земле?» — с неожиданной тоской подумал он.

Фрэзер повернул краулер в сторону хребта Гленна. Там, за расщелиной Шепарда, находилось множество одиночных поселений. В них жили в основном горняки, добывающие руду или лед на равнине Беркли.

— Дело идет неплохо, — сказал Фрэзер, не обнаружив позади погони. — Мы в безопасности, по крайней мере на несколько часов.

Махони недоверчиво хмыкнул.

— В безопасности? Вряд ли, Марк, ведь разбойники всю хозяйничают в Авроре и скоро непременно займутся ее окрестностями. Но в любом случае мы правильно сделали, убравшись из города.

Фрэзер кивнул и прибавил скорость, следя неотрывно за дорогой. Правда, дороги как таковой не существовало — по равнине в сторону скал была прочерчена светящаяся линия, указывающая направление пути. До горизонта было рукой подать — на Ганимеде он был удален всего на две мили. Но машина смогла скрыться от наблюдения еще раньше, свернув налево, к кратеру Апачи. Да и изломанная стена скал, напоминавшая развалины древнего замка, также давала длинную тень. Так что минут через двадцать о погоне можно было не беспокоиться.

Но в эту минуту интерком захрипел, прокашлялся и басистым голосом заорал:

— Эй, вы, в краулере! Стойте именем закона!

Фрэзер чертыхнулся и посмотрел на зеркало заднего обзора. Со стороны Авроры их преследовал точно такой же краулер. До него было не больше мили.

Он включил передатчик, не теряя хладнокровия — благодаря действию тонизирующей таблетки. Но из глубин его души уже стал выползать страх.

— Что вас тревожит, приятель? — насмешливо спросил он, нажимая на педаль газа до предела.

— Отлично знаете что! Мы нашли часового, на которого вы напали. В моей машине находится отряд вооруженных солдат. Немедленно остановитесь, иначе мы начнем стрелять!

Лицо Махони позеленело — впрочем, быть может, на него упал свет Юпитера. Он дерзко ответил:

— Ваш краулер не быстрее нашего, к тому же мы лучше знаем местность. Так что поворачивайте свои оглобли, ребята, пока не сломали шеи в какой-нибудь расщелине — здесь их видимо-невидимо.

Что-то щелкнуло по защитному колпаку, заставив вздрогнуть Еву и детей.

— Наши пули быстрее любой машины, предатель, — зло сказал командир отряда с «Веги». — И еще у нас есть тяжелые лазеры. Остановите краулер, иначе я сожгу вас как цыплят!

Фрэзер оглянулся и увидел ужас в глазах Энн.

Глава 5

Корабли наярр спустились по Брантору, вышли в залив Тимлан и поплыли на север. Стоя на верхней палубе, Теор смотрел поверх высоких серых волн на берег. Там двигалась сухопутная армия, состоящая в основном из фермеров. Копья со сверкающими ледяными наконечниками были наклонены вперед, а над ними развевались на несильном ветру знамена. Конница на форгарах следовала среди красно-рыжих облаков, стараясь не отставать от флотилии. Позади всех двигался тяжело груженный обоз. Колеса редко применялись на неровной, лишенной дорог юпитерианской поверхности, поэтому здесь куда чаще

использовались своеобразные сани. Могучие шестиногие канниксы тащили за собой оглобли, к концам которых были привязаны ремнями большие ящики. И оглобли, и ящики были изготовлены из стволов хоука — породы дерева, обладающего способностью плыть в воздухе при малейшем разогреве.

Топот ног канниксов доносился до Теора словно отдаленный грохот множества барабанов и смешивался со скрипом гребных колес и плеском волн.

— Хорошо, — сказал Теор, наслаждаясь величественным зрелищем. — Мы вновь в пути!

Его глаза скользнули чуть выше, и за лесом пик он увидел уходящую в бесконечную даль равнину Медалон, заросшую редким кустарником. Внезапно он вспомнил о своих близких — жене и полумуже, с которыми распрощался на рассвете. Теор редко говорил о них, но они часто занимали его мысли, особенно супруга: сейчас она носила его первенца...

Не без труда он отвлекся от несвоевременных мыслей и повернулся к стоящему рядом Норлаку:

— Мы должны сокрушить чужаков, другого выхода у нас нет. Полуотец, вы не до конца рассказали мне о своих наблюдениях над улунт-хазулами. Насколько, по-вашему, мы превосходим их в численности?

— От 16 до 64 процентов, — без колебаний ответил Норлак. — Но пришельцы — прирожденные воины, а мы мирное племя.

Стоявший на капитанском мостике Элкор слышал эти слова, но никак не отреагировал на них. Оглянувшись, он с гордым видом осмотрел свою флотилию, состоящую из десяти эскадр. Заметив появившегося среди облаков вестового, он сделал ему знак рукой. Всадник тотчас натянул поводья, и форгар плавно спланировал на палубу.

— Скажи капитану «Клюва», чтобы его корабли сблизил ряды, — приказал он.

Вестовой тотчас взмыл в небо.

— Зачем вы делаете это? — ворчливо спросил Норлак. — Мы все равно не скоро прибудем в Орговер.

Вождь недовольно нахмурился.

— Нам нужна постоянная практика в выполнении военных маневров, — резко ответил он и отвернулся. Он терпеть не мог советов от подчиненных, особенно от полумужчин.

Гребные колеса, расположенные по бокам судна, медленно поворачивались с монотонным скрипом. Вращавшие их матросы сильно уставали после нескольких часов работы, поэтому вахта менялась довольно часто. Очередная смена запрягалась в длинные тяжла, а еле державшиеся на ногах матросы шли к корме, где и засыпали, стоя на ногах. Корабль сразу начинал раскачиваться, когда гребные колеса замедляли свое движение, но затем рулевой выравнивал его и выходил на прежний курс.

Как было принято на Юпитере, все суда имели длинный корпус и относительно малое водоизмещение (хотя правильнее было бы сказать «аммиакоизмещение»). Морские волны на этой планете двигались на две трети быстрее, чем на Земле, поэтому весла здесь почти не применялись — гребные колеса действовали в этих условиях куда эффективнее. Наяррам был известен и парус, но они редко использовали его, так как ветер был обычно слабым.

Элкор вновь обернулся к своим родственникам и уже более спокойным тоном произнес:

— Мы слишком долго вели себя мирно, и теперь приходится за это расплачиваться. Приграничные патрули до сих пор легко отбивали набеги дикарей, да и скалы Дикой Стены служили нам надежной защитой. Быть может, это не пошло нам на пользу. Если бы враг постоянно угрожал нашей стране, то каждый наярр был бы опытным воином.

— Это порочная логика, вождь, — недовольно поморщившись, возразил Норлак.

Теор не поддержал его. Отец был прав — относительно спокойная жизнь разнежила их, и это было опасно, поскольку ни на суше, ни на море война фактически никогда не прекращалась. И они, род Рива, всегда были в ряду лучших воинов племени наярр. Но все же их призвание было в другом. Ривы всегда боролись — но не столько с живыми

противниками, сколько с природными катаклизмами. Их магия и мастерство всегда были необходимы, если после обильных дождей поток разрушал дамбу, или на равнине внезапно вскрывалось вулканическое жерло, или землетрясение грозило поглотить поселения в бездонных пропастях. Но руки Ривов были привычны и к оружию — Теор вспомнил о многочисленных охотничьих экспедициях, в которых ему приходилось принимать участие. Бешеная скачка по степи, хлесткие удары ветвей кустарника, свист воздуха над головой... И блеск копья, поднятого над головой в диком азарте погони! Он бывал во многих опасных переделках и не должен испугаться, когда встретится с врагами лицом к лицу!

С точки зрения земного мужчины, тревоги и сомнения Теора показались бы излишне преувеличенными, кое-кто мог бы даже презрительно назвать его трусом. Дело в том, что Теор нес лишь треть характерных признаков расы наярр. Он был индивидуальностью, со своим характером и сложившимся взглядом на жизнь — но все же в меньшей степени, чем это было типично для сильной половины рода хомо сапиенс. То, что его волновало, основывалось не столько на страхе смерти, сколько на обостренном чувстве несправедливости происходящего. Нападение чужаков, коренным образом изменившее мирную жизнь наярр, было случайностью, его вполне могло и не быть — эта мысль потрясала Теора буквально до его биологических основ.

Матросы, тянувшие канаты гребных колес, завели монотонную песню, смешавшуюся с острым запахом вспотевших тел и скрипом палубы:

*Правый! Левый!
Не думай, куда мы идем и зачем,
Брось все свои тревоги за борт,
Но не надейся, что высохнет океан
И мы вернемся домой...
Правый! Левый!
Крути колесо и радуйся, что жив!*

- Предчувствую, что мы будем разбиты в бою, — тоскливо прошептал Норлак.
— Постараюсь, чтобы вы ошиблись на этот раз, — холодно возразил Элкор.

*Сердце кипит, словно вулкан,
Колеса скрипят, нуждаясь в смазке,
Но нам, матросам, смазка не нужна,
Верно, друг?
Так и только так.
Давай, левый, не отставай!*

Норлак явно нервничал. Подняв посох, он указал в сторону скрытого туманом берега:

— Равнина Медалон велика. Мы можем уйти от побережья и построить новый город...

— Бежать, даже не попытав счастья в бою? Более шестидесяти лет назад наши предки пришли сюда и завоевали эту страну. Сколько сил было потрачено на то, чтобы обжить дикую местность! И все это просто так отдать наглому врагу? Мы многое потеряли из обычаев наших диких предков, но одно их ценное качество нам сейчас понадобится: лучше умереть в бою, чем сдаться!

Теор отошел от своих родителей, раздосадованный. Безусловно, полуотец прав, но ему не по душе было трусливое бегство.

Он опустился по сходням на главную палубу и пошел среди застывших на месте фигур отдыхающих матросов. Его рука сама нашла черную коробочку, лежащую в кармане пояса, и включила ее в режиме воспроизведения — этот земной прибор мог служить и в качестве магнитофона. Тихо зазвучала мелодия одной сентиментальной баллады, известной с детства каждому наярру. Никто из дремлющих моряков не обратил на это внимания.

— Теор!

От неожиданности он выронил коробку на палубу.

— Теор, это Марк. Ты слышишь меня?

Он поспешно включил переговорный диск, висящий на груди.

— С тобой все в порядке? — зазвучал встревоженный голос Фрэзера.

— Да, да! — лихорадочно воскликнул Теор. Впрочем, чувство самообладания быстро вернулось к нему, и он после паузы заговорил спокойнее, чем сам ожидал:

— Как твои дела, Марк?

Через несколько секунд с Ганимеда пришел ответ.

— Все хорошо, — довольно мрачным тоном ответил Марк.

— Что с тобой случилось, брат? Почему ты не ответил на мой срочный вызов, как мы договаривались?

— Прошу прощения, Теор. В тот момент пришлось спасти свою жизнь... Но что произошло, когда я не ответил?

— Я привел улунт-хазулов в Дом Оракула и попытался испугать их, вызвав тебя. Но ты не отозвался, и чужаки вдоволь поиздевались над моими угрозами. Теперь у нас нет иного выхода, кроме как разбить их головной отряд прежде, чем враги высадятся на берег. Я сейчас на борту корабля.

— Вот как? Выходит, вы можете воевать и на море?

— Да. Но чужаки наверняка разделят свои силы, так что мы выслали навстречу им свой отряд и по суше. Мы имеем заметное преимущество в численности, но улунт-хазулы превосходят нас в росте, да и в боевом искусстве.

— Погоди, Теор, есть шанс дело не доводить до драки. Главный передатчик в Авроре в любой момент может передать мое послание с угрозой, записанной на пленку. Так что, если вы встретитесь с чужаками в ближайшее время...

— Боюсь, что уже поздно. У нас нет теперь другого пути, как бороться и победить.

После паузы Теор озабоченно спросил:

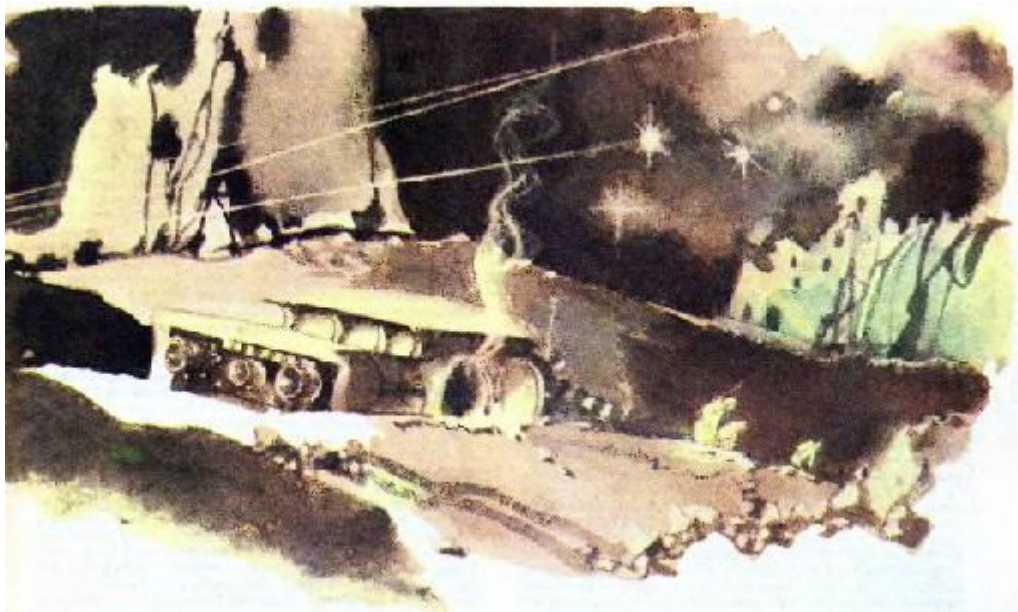
— Но что произошло у вас, на Ганимеде?

— Хм... ничего приятного. Ты помнишь мой рассказ о том, как было свергнуто прежнее правительство моей страны?

— Конечно. Я часто пытался это понять, но так и не смог. Как могли эти люди держаться за власть, зная, что большинство населения их не поддерживает? Уму непостижимо.

— Видишь ли, большинство из прежних правителей полагали, что они приносят стране огромную пользу. Может быть, частично они и были правы. Дело здесь в другом — они решили, что свободой можно пожертвовать ради безопасности. Многие же, в том числе и я, считают иначе.

— Я не совсем понимаю значение этих слов, Марк. Но продолжай, я тебя слушаю.

— Все произошло неожиданно. На Ганимед сел военный корабль. Мы полагали, что он прибыл с дружескими целями, однако экипаж напал на нас и обманом завладел Авророй. Оказалось, что эти люди поддерживают свергнутый режим. Мы не знаем, какова сейчас на Земле ситуация, поскольку связи с ней пока нет. Быть может, там разгорелась война и восстание подавлено. Но я решил, что не буду служить сторонникам тирании, и с помощью друга захватил краулер. Вместе со своей семьей я сбежал из города и направился в горы.

— Ах, так... — сказал Теор, когда землянин сделал паузу. «А ведь я тоже мог бы сбежать», — подумал он, но тут же с негодованием отверг эту мысль. — Но постой, Марк, ведь ты же не раз говорил, что ваша раса не может жить на Ганимеде без искусственной среды, которая может быть создана только в закрытом колпаке города!

— Верно. Но за хребтом есть немало небольших поселков и даже отдельных домов, тоже закрытых куполами. К сожалению, враги заметили наше исчезновение и послали за нами погоню — другую машину с вооруженными людьми. Когда мы отказались остановиться, они начали стрелять. Мы надели скафандры и продолжали движение в сторону гор. Ну и гонка это была, Теор! Кабина получила несколько пробоин, и весь воздух из нее мгновенно вытек. Мы лавировали по равнине, прячась в каждой встречной тени, избегая трещин и пуль. Если бы не наш опыт в езде по поверхности Ганимеда, которого не имели наши враги, то мы никогда бы не спаслись. Мы успешно миновали проход в горах и передали сигнал бедствия. В этот момент наш краулер был поврежден точными выстрелами. Мы покинули его и пошли пешком. Вскоре нашли пещеру и скрылись в ней, заняв круговую оборону. У нас была пара ружей, так что мы могли некоторое время продержаться. Но помощь пришла не скоро, да и справиться с врагами оказалось непросто.

— Хм... разве у поселенцев за горами не хватает оружия?

— Оно у них есть. Но солдаты с военного корабля вооружены дальнобойными лазерами, имеющими в два раза больший радиус действия, чем наши ружья. Нас вполне могли убить, но один поселенец по имени Хоши со своими сыновьями спас нас. Затем привел к себе домой, откуда я сейчас и говорю. Было непросто соединить мой передатчик с ближайшей релейной линией... Впрочем, это неважно. Я связался с тобой так быстро, как только мог. Теор, я очень сожалею, что опоздал.

Его голос дрогнул.

— Ты молчал несколько дней, — сухо сказал Теор. — Неужели все эти события происходили так долго?

— Н-нет... Хотя в тот момент, когда я должен был сыграть роль грозного Оракула, я находился в пещере. А затем... честно говоря, я некоторое время приходил в себя после всего происходящего. Но теперь, когда наша связь восстановлена, я предлагаю обсудить

план контрудара.

— Думаешь, это возможно? — с надеждой спросил Теор.

— Не уверен, но попробовать стоит. Подожди, я сейчас соберусь с мыслями... Должен же быть выход из положения, в которое попало твое племя, Теор!

Землянин замолчал.

Теор подошел к борту и стал вглядываться в глубокую тьму, царящую на севере. Холодный ветер, несущий брызги аммиака, бил ему в лицо. Он стал покрепче, чтобы качка не сбивала его с ног.

«Так уж случилось, Марк, что наши беды встретились в одни и те же дни, — подумал он. — Нам обоим предстоит драться, и я очень надеюсь на твою помощь. Кто знает, быть может, и я чем-то сумею тебе помочь?»

Правый! Левый!

Океан — это дьявольское место!

Идем в никуда, одни среди волн.

Только молния пишет мне письмо.

Дорогая, почему молчишь?

Неужели забыла?

Эй, левый, давай не отставай!

Глава 6

Комната была просторной — в Авроре таких не знали. Стены отделаны нешлифованным камнем, мебель тоже вырезана из камня. На креслах и диванах лежали мягкие подушки, искусно расшитые женой хозяина дома. Окном служил круглый иллюминатор, снятый с разбитого космолета. Из него открывался впечатляющий вид на север. Равнина, лежащая внизу, была окутана мглой, на которой черными пятнами выделялись метеоритные кратеры. Вдали на сотни футов вздымалась ледяная гора Беркли, расцвеченная желто-зеленым светом заходящего Юпитера.

Рядом с домом находилась шахта Хоши — решетчатый кран и железный навес, защищавший оборудование от мелких метеоритов. На фантастическом фоне пейзажа Ганимеда земное оборудование выглядело жалким и более чем неуместным.

Впрочем, сам Хоши этого, казалось, не замечал. Он выглядел, как всегда, бодрым и энергичным. Допив кофе, он поднялся с кресла и пружинистым шагом направился к телевизору.

— Время послушать, что скажет наш новый друг адмирал Свейн, — с усмешкой сказал он, щелкнув выключателем.

— Ха, — буркнул Том, старший из пяти сыновей. — Я не поверю ему, даже когда он объявит, который час.

— О, этому вояке можно верить! — возразил Махони. — Я знаю эту породу людей, они твердокаменные.

Один из младших внуков Хоши начал вопить, и мать тут же стала утешать его. Немедленно вокруг них собрались все женщины в доме, кроме Евы, засыпая молодую мать советами, как лучше всего успокоить ребенка. Скорее всего они просто боялись услышать неприятные новости. Мужчины же уселись напротив телевизора. Колин Фрэзер был среди них, но старался держаться поближе к отцу.

Экран пока был пуст. Махони не удержался и первым нарушил напряженное молчание.

— А этот Свейн парень не промах! — с натужной улыбкой сказал он. — Одним своим присутствием он сделал из нас конформистов. И то же самое он сделает на каждой луне, где высадится его банда головорезов. А что будет, если он раскроет рот? Глядишь, мы сразу же станем сторонниками президента Гувера, чтобы ему гореть в адском огне!

Никто не среагировал на шутку. Махони вздохнул и пожал плечами.

— Да, ребята, весельчак из меня никакой. Но комедия, похоже, будет здесь разыграна

славная...

Фрэзер крутил свою трубку, нервно поглаживая ее пальцами. Ему чертовски хотелось закурить, но он сдерживался. Наконец на экране появилось лицо Лоррейн Власек.

— Я уполномочена сделать важное заявление, — чуть хриплым голосом сказала она. — В первую очередь я обращаюсь к гражданскому населению системы Юпитера — а это практически каждый из вас. Предупреждаю, вам не понравится то, что вы услышите, но в интересах ваших семей прошу набраться терпения. Хотим мы этого или нет, но мы должны в этот ответственный момент истории следовать за нашими законно выбранными лидерами...

— Великий Бог! — взорвался Махони. — Я знаю, что Лори была сторонницей Гарварда, но не думал, что она окажется предательницей.

Фрэзер покачал головой. Ему было тошно как никогда.

— Лори способна и не на такое, — сказал он. — Она же самая настоящая фанатичка.

Ева успокаивающе погладила его по плечу.

— Может быть, у нее не было выбора, — мягко сказала она. — Крейсер мог разрушить Аврору огнем своих орудий, разве не так?

— Помолчите, пожалуйста! — раздраженно воскликнул Хоши.

— ...командиру «Веги», адмиралу Лионелу Свейну.

Лицо Лоррейн исчезло с экрана. Вместо нее появилось изображение худого, даже хрупкого мужчины, с красиво посаженной седой головой и голубыми глазами, такими же холодными и непоколебимыми, как библейская небесная твердь. Он был одет в темно-синюю адмиральскую форму с золотыми погонами, на груди сияли ордена и медали.

— Мои собратья-американцы! — на удивление бархатным голосом произнес он. — Я пришел к вам в черный час нашей страны. Вновь пламя войны развевается над Соединенными Штатами, вновь брат пошел на брата, как это было некогда в годы Гражданской войны. И вновь ничто не сможет спасти нашу великую державу, кроме мужества и мудрости Линкольна и железной воли Гранта.

— Когда этот дуралей вернется домой, к своей мамочке? — тихо спросил Колин. Отец укоризненно посмотрел на него и подумал: «Хороший он все-таки парень! Уже разбирается, что к чему. Мне для этого потребовалось полжизни...»

— ...Но сейчас опасность как никогда велика, — продолжал вещать адмирал, сверля зрителей своими ледяными глазами-буравчиками. — Вы знаете, каких трудов стоило Соединенным Штатам победить в последней ядерной войне и как часто они были на грани полного уничтожения. Не прояви наш народ в то время всей своей преданности, мужества и силы воли, от нашей страны не осталось бы ничего, кроме выжженной радиоактивной пустыни. Но мы выстояли и этим спасли планету. Сам Господь вручил нам в руки оливковую ветвь и поручил сохранять мир и спокойствие на Земле. И наше правительство взяло на себя это тяжелое бремя хранителей человечества. Мы были вынуждены отказать другим государствам, даже нашим ближайшим союзникам, в праве на суверенитет — иначе демон ядерной войны мог где-нибудь вновь вырваться на волю. Все мы выросли в этом суровом, но прочном мире, и ваши дети — тоже. Разве мы не были счастливы все эти годы? Неужто вы хотели бы, чтобы война вновь раскинула над нами свои черные крылья?

Уверен, что нет. Снова и снова американский народ с чистым сердцем повторял вслед за своим правительством: МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ И МУДРОЕ РУКОВОДСТВО НАД ЗЕМЛЕЙ. Разве президент Гувер не отменил устаревший путь периодического переизбрания всех ветвей власти? Конгресс, имеющий отныне лишь совещательный голос, от имени наций предложил Гуверу пожизненно занимать пост Президента — разве не в этом проявились новые грани нашей демократии?

Но вы знаете и о другом, о банде изменников, живших среди нас. Согретая на груди Америки, эта ядовитая змея коварно ужалила ее. Долгие годы Сэм Хилл, поддерживаемый иностранными спецслужбами, собирал свои темные силы из всякого отребья, из отбросов общества. На деньги наших заклятых врагов он построил на Луне тайные базы, готовил штурмовые отряды из числа самых отъявленных головорезов. И вот настал час, когда это

орда обрушилась на нашу многострадальную страну. Корабли врагов сели на наших полях, кованные башмаки стали топтать нивы, снаряды разорвались на мирных улицах городов. Наше руководство обратилось за помощью к мировому сообществу, но недавние союзники отвернулись от нас в трудный час, в который раз проявив отсутствие благодарности за все, сделанное Америкой для дела мира. Но еще хуже, что оболваненная вражеской пропагандой часть наших граждан встала под пиратский флаг Сэма Хилла. Многие были пассивны, старались не высовывать носа из дому, словно их драгоценные шкуры важнее, чем судьбы страны! Мятежники располагали новым оружием, которое давало им заметное преимущество. А наш президент Гувер был слишком гуманным, чтобы применить против врагов ядерные бомбы.

«Хм, это что-то мало похоже на то, что я слышал до того, как Земля ушла за Солнце, — подумал Фрэзер. — Гарвард, судя по всему, все-таки хотел сбросить на восставших ядерные бомбы, но они у тех тоже имелись. Президент дрогнул — ведь война могла погубить все и всех. Только в самом конце, когда поражение стало очевидным, Гарвард приказал нанести ядерный удар — и один из офицеров охраны застрелил подлеца».

Лицо Свейна болезненно дернулось.

— Вы слышали о трагическом финале, — тихо сказал он. — Сейчас предатели торжествуют. Они заняли Вашингтон. Их агенты по всей стране охотятся за мужественными людьми из службы безопасности, преследуя их как бешеных псов. Новая законодательная власть начала с разрушения основ нашей демократии, которая основывалась на жестком, но справедливом порядке. Генералы, пришедшие в Пентагон, стали распускать нашу победоносную армию, оплот мира на планете. Дипломаты-изменники ведут переговоры о создании новой, коллективной системы безопасности. Я могу этому дать иное название — коллективное предательство и безумие. Война научила нас, что нельзя верить и ближайшим союзникам; уроки бунта говорят, что мы не должны доверять даже собственному народу.

Это безумие должно быть остановлено! Ради спасения будущего человечества изменника Сэма Хилла необходимо низвергнуть, и мир по-американски вновь воцарится на планете.

Адмирал Свейн сделал паузу. Его глаза блестели от возбуждения, губы дрожали. Да, это был безумец, но опасный и волевой безумец.

— Неужели он на самом деле верит во все это? — недоуменно спросил Фрэзер.

Хоши кивнул.

— Угу. И это хуже всего...

Свейн положил локти на стол и нагнулся, словно желая нырнуть в экран. Бархатные нотки исчезли из его голоса, он стал сухим и бесстрастным.

— Вы, конечно, задаетесь вопросом, как мой корабль сумел пройти через этот кошмар. Я буду откровенен с вами, друзья. И очень надеюсь на вашу помощь и потому не желаю ничего от вас скрывать.

«Вега» была на патрулировании, когда в стране начались беспорядки. Мы получили приказ искать вражеские орбитальные станции. Это могло бы изменить баланс в нашу пользу, но мы, к сожалению, ничего не нашли. Затем мы вернулись к Земле. Восстание было в самом разгаре. Сесть на планете наш крейсер не смог — он не рассчитан на такое сильное гравитационное поле и рассыпался бы под собственным весом. Стрелять с орбиты ядерными зарядами мы не могли по двум причинам. Во-первых, правительство Америки не хотело, как я уже говорил, гибели миллионов невинных людей. Во-вторых, этих зарядов попросту не было — в мирное время патрульным крейсерам запрещалось нести на борту ядерные боеголовки. Мы пытались перевооружиться на лунной базе, но ее в первый же день заняли мятежники.

А затем пришла весть о капитуляции правительства. Всем кораблям и подразделениям военно-космических сил было приказано вернуться назад для демобилизации. Я посоветовался с экипажем. Мои люди высказались за лояльность прежним, законным властям. Они были готовы бороться, если командиры поведут их в бой. И я горд доложить

вам, что ни один из моих офицеров не дрогнул.

Итак, друзья — а я надеюсь, что мы будем хорошими, добрыми друзьями, — я рассказал вам всю правду. Возникает естественный вопрос — а что делать теперь? Разве может один крейсер изменить ход истории?

Да, может, и в этом состоит мой план. Ганимед — это не только исследовательская станция, но и мощное производство. На ваших шахтах добывается ядерное сырье, вы имеете установки по его обогащению. Стало быть, вы имеете исходные компоненты по производству атомной бомбы.

От имени законного руководства Соединенных Штатов мы заняли Ганимед, и Аврору в том числе. Скоро Земля станет вновь доступна для радиоконтактов. Бандиты в Вашингтоне немедленно свяжутся с вами и узнают, что здесь все идет хорошо и вы не нуждаетесь в ближайшее время ни в каких поставках. Надеюсь, вам поверят. Но даже если этого не произойдет, вряд ли Сэм Хилл будет заниматься организацией дорогостоящей экспедиции на Юпитер — у него сейчас хватает дел и на Земле. Если разведывательный корабль все же приблизится к системе Юпитера, наши орбитальные шлюпки издали обнаружат его и уничтожат залпом ракет. На Земле наверняка предпочтут решить, что эта гибель была случайной.

Действуя сообща, мы сумеем сохранить изолированность системы Юпитера на ближайшие три месяца. За это время мы сумеем создать ядерное оружие, в котором остро нуждаемся. Затем мы разрушим ваш Главный передатчик — надеюсь, вы понимаете, что это необходимо, и на предельной скорости направимся к Земле.

Со своим новым оружием «Вега» сумеет несколькими внезапными ударами разрушить основные космодромы на Земле, а также уничтожить любой напавший на нее космолет. И тогда, завоевав первенство в космосе, я смогу предъявить ультиматум предателям из Белого дома. Под угрозой немедленного уничтожения я потребую от бунтарей сложить оружие.

Надеюсь, эти безумцы поймут всю безнадежность сопротивления. Если же они начнут военные действия, то мы, увы, с болью в сердце должны будем нанести ракетный удар по Земле. Но я не верю, что до этого дойдет дело. Народ наверняка поднимется и свергнет предателей. Лояльные прежнему режиму люди сейчас молчат, но при нашем содействии они восстановят прежний закон и порядок. Тогда мы выполним то, что требовала от нас воинская честь и присяга. И вы, колонисты, будете в почете — ведь именно вашими руками будет коваться наша будущая победа. Гарантирую — система Юпитера будет цвести, как райский сад! Благодарное человечество не пожалеет для вас никаких средств.

Но не сделайте сейчас ошибки! На войне как на войне, и предателей мы щадить не будем. Несколько ваших сограждан уже сбежали из города. Они убили семь человек из экипажа «Веги». Обещаю — никто из преступников не избежит суровой кары! С этой минуты ЛЮБОЕ проявление нелояльности к экипажу «Веги» будет подавляться с предельной жестокостью. Вы, колонисты, отныне считаетесь солдатами армии освобождения Америки. Напоминаю: даже без ядерного оружия мы способны уничтожить все живое на любой из ваших лун.

Молю Господа, чтобы нам не пришлось прибегать к этой крайней мере. Надеюсь, что вы будете действовать плечом к плечу с мужественным экипажем «Веги». Да здравствует Америка!

Камера еще минуту задержалась на Свейне, а затем переместилась на стоящий рядом звездно-полосатый флаг. Торжественно зазвучал гимн.

Вскоре на экране вновь появилось лицо Лоррейн Власек.

— Вы прослушали заявление адмирала Свейна ко всем колонистам системы Юпитера, — сказала она. На ее лице нельзя было прочесть никаких эмоций, девушка казалась неестественно спокойной. — Как временно исполняющая обязанности руководителя колонии, я хочу пояснить, что нам надо конкретно делать в этот критический...

Хоши вскочил и выключил телевизор.

— Я включил запись, — сказал он, услышав протестующий возглас Махони. — Позже мы узнаем, что нам; хотела поведать эта милая дама — сейчас слушать я больше не в состоянии. Душу воротит от одного вида этих лицемеров...

— Эти люди — безумцы, — прошептала Ева, притронувшись дрожащими пальцами к побледневшему лицу. — Один корабль против всей Земли! Они обречены...

— Да, они безумцы, — согласился Фрэзер. — Но они могут многих заразить этой чумой фанатизма. Ситуация на Земле будет неопределенной еще несколько месяцев, пока новое руководство Америки не встанет твердо на ноги. Если поднимется новое восстание, то паники не избежать. Вы понимаете, что может сделать «Вега» с помощью нескольких боеголовок? Тысячи мегатонн, взорванные в атмосфере, могут размолоть в пыль миллионы квадратных миль.

— Это верно, — вздохнул Хоши. — Даже если Свейн промахнется, от страны все равно останется немного... И тогда, будьте уверены, найдутся страны, которые отведут душу на том немногом, что уцелеет.

— Но тогда план адмирала становится бессмысленным! — запротестовал Махони. — В любом случае нашей стране грозит ужасный конец.

— Этот сорт людей невозможно переубедить, — заметил Хоши. — Они готовы все и всех принести в жертву своей ненависти.

— Приятно слышать, — с сардонической улыбкой сказал Фрэзер. — Особенно когда МЫ — часть этих ВСЕХ. Нет, ребята, надо сделать все, чтобы миляга Свейн сломал себе шею именно здесь, на Ганимеде.

— Другого выхода нет, — согласился Хоши. — Думаю, после такой пламенной речи адмирал лишился последних возможных сторонников в нашей колонии. Впрочем, сие еще неизвестно...

Он начал расхаживать взад-вперед по комнате, заложив руки за спину. Все молча следили за ним. «Хорошо, что у нас по крайней мере нашелся лидер, — с облегчением подумал Фрэзер. — Я для этой роли не гожусь...»

— Вот что я предлагаю, — после долгой паузы сказал Хоши. — Мы можем рассчитывать по крайней мере на несколько сотен парней из дальних поселений. Краулеров у нас тоже хватит. Мы наметим несколько мест сбора и оттуда колоннами с разных направлений двинемся на Аврору. Если повезет, то мы успеем сделать это до окончания затмения.

— И чем вы собираетесь бороться с пушками «Веги»? — с сомнением спросил Махони.

— Разве мы плохо поработали в проходе Шепарда? — ответил вопросом на вопрос Том.

— Верно, сынок, — улыбнулся Хоши. — Ружья в умелых руках — это тоже сила. К тому же кое-что из нашего промышленного арсенала вполне можно использовать для боя на близкой дистанции. У нас вряд ли были бы шансы против регулярных войск, но экипаж «Веги» большей частью состоит из обычных астронавтов. Мы намного превосходим их в численности. Конечно, крейсер может уничтожить краулеры огнем своих орудий, но не думаю, что многие из них можно снять и установить на вездеходах. Зато мы устроим для них веселенький фейерверк! Нам понадобится всего лишь несколько сотен фунтов торденита. Мы разместим его под посадочными опорами, и...

— И корабль взлетит раньше, чем мы приблизимся к нему, — покачал головой Фрэзер.

— Хм... это действительно проблема. Но вряд ли у «Веги» есть шансы удрать вовремя. Горизонт здесь недалек, равнина изобилует трещинами, скалами и кратерами, и мы знаем ее как свои пять пальцев. Когда мы появимся из тени, останется слишком мало времени, чтобы поднять в небо такую махину. Взлет крейсера — это не такая простая штука, Фрэзер, как тебе кажется. Одного пилота здесь мало, нужна слаженная работа десятков членов экипажа. А у них сейчас в Авроре хватает работы! Конечно, наши гости не должны ни о чем подозревать, но мы уж постараемся их попусту не тревожить. Я думаю, Свейн все-таки рискнет послать патрули сюда, за хребет, но сам знаешь — чтобы здесь все прочесать как

следует, требуются недели. А мы их Свейну не дадим! Краулеры же с «Веги» мы до поры до времени уничтожать не станем, а будем попросту дурачить. Мы им устроим такую радиоперекличку — пальчики оближешь!

Он расхохотался, с довольным видом потирая руки.

— Ладно, поговорили, и хватит на сегодня, — сказал Хоши. — Эй, мать, разве не видишь, что гости проголодались?

Пока женщины накрывали на стол, Колин подошел к отцу и тихо спросил:

— Что-то не нравится мне эта затея с радиоигрой, папа. Как бы кто-нибудь не проболтался и не перехитрил сам себя...

— Не бойся, сынок, — уверенно ответил Фрэзер, потрепав мальчика за вихры. — Пограничные жители — парни не промах. Среди колонистов неженки вообще нет, но они даже среди нас выделяются своей цепкостью и смекалкой. Не случайно они отказались жить в благоустроенном городе, а предпочли строить свои дома здесь, за горами. Такие люди некогда осваивали Клондайк, им никакой адмирал Свейн не страшен... Кстати, тебе-то об этом беспокоиться в любом случае не стоит. Ты останешься здесь.

— Черт побери!

— Черт побери, сэр, — поправил его Фрэзер. — Будь всегда вежлив, сынок. И не злись — кто-то должен позаботиться о матери и Энн, верно? Я не могу, значит, остаешься ты.

Колин хмуро кивнул.

«Черт побери, но я завидую тебе, — подумал Фрэзер, безмятежно улыбаясь. — Я вовсе не герой, сынок, но сейчас об этом лучше не заикаться...»

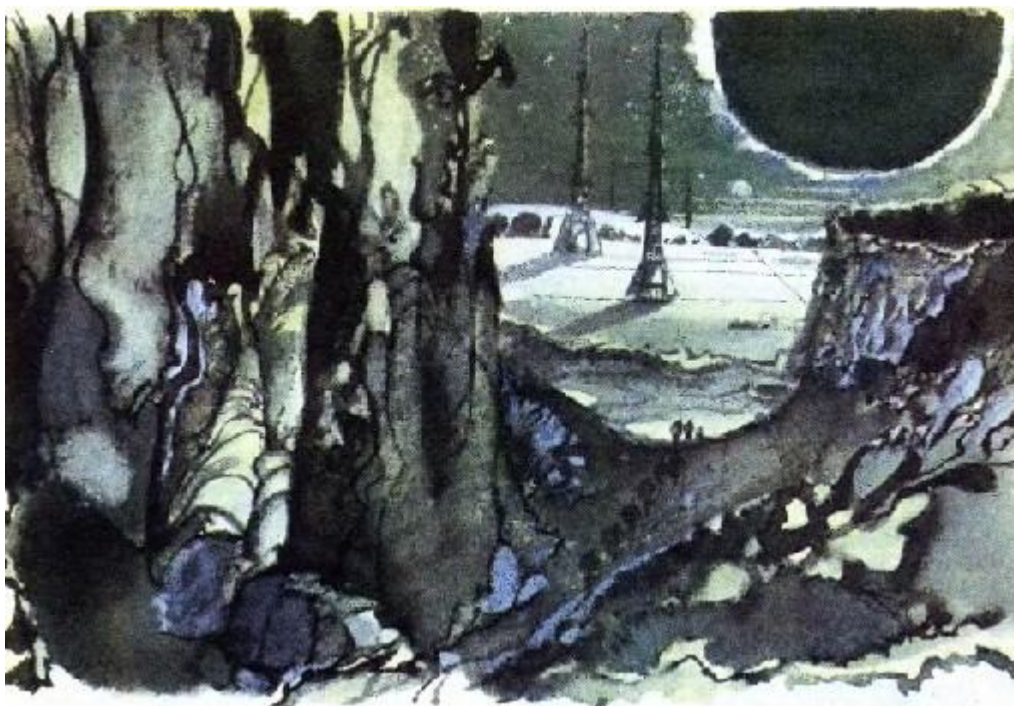
Глава 7

Том Хоши посмотрел на обзорный экран телевизора и остановил машину.

— Прибыли, — хрипло сказал он. Фрэзер взглянул на часы.

— Не слишком-то быстро, — пробурчал он. Его сердце бешено стучало, во рту неприятно пересохло, но самообладания он не терял. — Ничего, ребята, мы доберемся до «Веги» как раз через час после начала затмения.

В салоне вместе с ним находились все пятеро братьев Хоши. Они казались спокойными — ведь план нападения на крейсер придумал их отец, которому они свято верили. Без лишних слов они надели шлемы и взвалили на плечи тюки со взрывчаткой. Фрэзер терпеливо ожидал, пока воздух будет выкачан из кабины краулера, но Том Хоши резким ударом распахнул дверь раньше времени. Воздух белым облачком вырвался наружу и растворился в звездном небе. Том прыгнул на землю, а за ним поспешно последовали остальные.

Перед ними поднималась головокружительная стена расщелины Данте, столь широкой, что другой ее край скрывался за горизонтом. Над стеной темной громадой лежал Юпитер, окаймленный золотистой полоской света. Солнце уже почти коснулось края гигантской планеты, так что до начала затмения оставались считанные минуты. Тьма постепенно окутывала все вокруг, а здесь, на дне расщелины, уже вступила в свои права. Фрэзер не различал ничего, кроме нерассеивающихся лучей фонарей. Люди из его отряда также покинули краулеры и, негромко переговариваясь, готовились к предстоящему марш-броску. Все-таки удивительно, как они смогли пройти такой путь по дну расщелины, подумал Фрэзер. И все благодаря искусству Тома Хоши, который каким-то чутьем угадывал впереди трещины, невидимые даже на экране локатора.

Словно читая его мысли, Том довольным голосом произнес:

— Эй, ребята, я думаю, для астронавтов с «Веги» будет приятным сюрпризом, когда мы вдруг появимся из расщелины прямо перед их носом! Я так проведу вас между трещинами и кратерами, что нам и пули будут не страшны.

Фрэзер с сомнением покачал головой. В одном Том был прав — другого способа подобраться к «Веге» незамеченными с этого направления не было. План Сэма Хоши состоял в том, что отряды колонистов должны максимально использовать все изгибы и возвышенности местности и появиться на виду только в сотне метров от крейсера. Но враги могли послать патрули на равнину, поэтому было решено последний этап преодолеть пешком, рассредоточившись на местности.

Все продумано замечательно, кисло подумал Фрэзер. Сэм Хоши мог стать хорошим генералом. Одно неясно — зачем я влез в это опасное дело? Из меня-то даже толкового солдата не получится, это я знаю по службе в армии. Конечно, в космолетах я разбираюсь лучше многих колонистов. Могу подсказать, куда заложить под «Бегу» взрывчатку, чтобы причинить ей как можно больший ущерб, но я не единственный, кто на это способен. Борьба за свободу Соединенных Штатов, за свержение тирании — увы, для меня все это лишь красивые лозунги. За Еву драться я готов, а за детишек — даже рвать врагов зубами, но насколько пойдет им на пользу то, что я сейчас делаю? Эх, до чего мне сейчас нужны стимулирующие таблетки...

Но нет, наркотические вещества в бою — плохие помощники. Ничто, кроме мужества всех до единого колонистов, не могло помочь, пока Аврора находилась в руках врагов.

— Говорит Том Хоши, — раздался знакомый молодой голос — Все слышат меня?

Дальше идем пешком, словно индейцы на военной тропе. Светите фонарями только вниз, стараясь все время видеть ноги впереди идущего. Ну, с Богом!

Фрэзер последовал за ним. Камни хрустели под его башмаками. Вскоре они подошли к сравнительно пологому склону и начали подъем, обходя крупные обломки разрушенных скал. Низкая гравитация Ганимеда помогала преодолевать препятствия куда легче, чем казалось на первый взгляд. Но Фрэзер скоро устал, дыхание его стало прерывистым, скафандр быстро наполнился испарениями, с которыми очистительные фильтры не справлялись. Ориентироваться в полной темноте было нелегко, стрелка радиокompаса то и дело норовила прыгнуть в сторону. Когда Фрэзер поднялся на край расщелины, ноги его дрожали от напряжения. Он уселся на первый же попавшийся камень, чтобы отдохнуть.

Один за другим члены его отряда появлялись на равнине. Жидкий солнечный свет едва позволял различать их лица. Том Хоши размеренно считал:

— ...Пятьдесят девять, шестьдесят... шестьдесят один... Так, большинство уже здесь. Пошли дальше.

Он направился на север через сине-черную лавовую равнину. Ничто сейчас не закрывало больше нападавших, за исключением иззубренных валов возле кратеров и их неровных теней. Том Хоши умело пользовался этим, идя вперед широкими зигзагами, но все же риск быть замеченными с крейсера был велик. Фрэзер вскоре вошел в размеренный ритм движения извилистой цепочки людей, ощущая невидимую силу, которая словно бы толкала его в спину, не давая сбиться с шага. Пат Махони шел впереди. Внезапно он обернулся и с насмешкой спросил:

— Ну что, герой, трусишь? В хороший же переплет мы попали, верно?

Фрэзер хрипло ответил:

— Пат, будь другом, напомни, чтобы я после боя пристрелил тебя за эти слова. Договорились?

— Извини, Марк. Просто я немного нервничаю. А здорово будет одним ударом вогнать этот железный мячик прямо в ворота ада? Я с детства любил ломать дорогие игрушки...-

Фрэзер промолчал. «А вот я давно, лет уже тридцать, как вырос из таких примитивных желаний», — подумал он. На океанской станции, где он вырос, как-то не было принято среди ребят действовать по принципу «круши все подряд!». Может быть, потому, что последствия таких шуток вдали от берега могли оказаться весьма плачевными... Но, попав на материк, он вдруг с изумлением увидел, что очень многие люди, в том числе и взрослые, более чем агрессивны. Таким же — заряженным на вечную борьбу — был и весь Большой мир. «Может, это совершенно естественно, и не они, а я — ошибка природы?» — с грустью размышлял Фрэзер.

Он некоторое время думал об этом — вероятно, просто потому, чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем бое. Вскоре все вокруг внезапно потемнело — это Солнце наконец зашло за диск Юпитера. Звезды сразу же ярко засияли, и равнина покрылась прозрачно-серым покрывалом. На небе легко можно было разглядеть планеты, очерченные красноватым ободком атмосферы. Затмение должно было продлиться часа три, и за это время Сэм Хоши планировал завершить операцию по захвату крейсера. Фрэзер взглянул на темную гору Юпитера и подумал — интересно, а как воспринимает наступившую ночь Теор? Что-то он рассказывал, но сейчас Фрэзер ничего не мог толком вспомнить.

— Мы уже близко! — зазвучал в шлеме чей-то знакомый голос — Видите впереди башню Главного передатчика?

Фрэзер посмотрел в сторону Авроры и увидел шпиль, уходящий прямо в облако Млечного Пути. На равнине же не было видно никакого признака присутствия людей. Он подумал с тревогой: а успеет ли вовремя отряд Сэма Хоши?

— Теперь мы должны рассредоточиться, — продолжил голос Тома Хоши. — Держитесь друг от друга не ближе тридцати метров и не включайте переговорные устройства как можно дольше. Я пойду впереди, и, как только подам знак, бегите за мной, словно дьяволы!

Колонна распалась в широкую цепь и направилась к Авроре. По команде Хоши люди постепенно перешли на бег. Фрэзеру это удалось нелегко, он совсем потерял форму за время полета на Ио. Дыхание его стало хриплым, сердце буквально вырывалось из груди, ноги налились свинцом. Ему казалось, будто он бежит в каком-то кошмарном сне...

Наконец впереди, не далее чем в миле, показался белый купол Авроры, перед которым серой громадой лежал шар «Веги». На восток от него уже шла битва. Равнина кишела краулерами, лавиной накатывающимися на крейсер. Среди них то и дело вспыхивали огненные цветы разрывов. Поле боя окутывали облака дыма, фонтаны каменных обломков, но они быстро оседали, не закрывая нападавших от залпов с крейсера. Наушники переговорного устройства Фрэзера сразу наполнились шумом возбужденных голосов:

- ...здесь, этим путем, Тим!
- ...отряд Арнесена, развертывайте строй!
- ... Стайнмейер, поднимай своих людей!
- ...черт побери, черт побери, черт побери...

Фрэзер отключил приемник и побежал быстрее. Больше не было времени для страха. Он попытался напоследок еще раз вызвать из памяти образы Евы и детей, но не смог — сейчас было не до этого.

Отряд Тома Хоши приблизился к космопорту с запада — там, где боя еще не было. С востока к крейсеру тоже бежали нападавшие, должно быть, отряд Бровниана. Навстречу к ним из-под брюха «Веги» двигалась редкая цепь солдат. Свейн явно не хотел рисковать своими людьми в открытом бою, больше полагаясь на мощь орудий. Со стороны Авроры он нападения не опасался — город был под постоянным прицелом, но, судя по вспышкам среди зданий, на улицах также разгорелась схватка.

Что-то внезапно обрушилось на Фрэзера и швырнуло его на землю. Он упал и едва не потерял сознание от боли в боку. В глазах потемнело. Через несколько минут он опомнился и с трудом сел, ошеломленно покачивая головой. Он не мог еще поверить в то, что остался жив. На губах ощущался соленый привкус крови, но он был жив, жив!..

Инстинктивно он сразу же проверил, нет ли в скафандре утечки воздуха. Слава Богу, все было нормально. Оглядевшись, он увидел в нескольких метрах впереди еще дымящуюся воронку. Снаряд разорвался совсем близко, но осколки пролетели рядом, и лишь ударная волна пороховых газов задела его. Боеголовка снаряда была явно ударного действия, рассчитанного на бой в космосе, иначе Фрэзера превратило бы в решето. Несмотря на всю мощь орудий крейсера, у нападавших оставались определенные шансы на победу.

Он встал на ноги и вновь побежал, двигаясь зигзагами, как и все нападавшие. Массивный овал «Олимпии» — крупнейшего корабля Ганимеда — был уже недалек. Снаряды продолжали рваться где-то за спиной, но Фрэзер старался не оглядываться. «Они заметили нас, — подумал он, — но мы уже прорвались в «мертвую зону».

— На штурм! — загремел голос Тома Хоши, и люди побежали вперед изо всех сил. Крейсер, словно стальная гора, нависал над ними, опираясь на опоры, каждая из которых была величиной в небоскреб. «Вега» казалась несокрушимой, но если бы удалось подложить заряд торденита хотя бы под одну из опор, гигант рухнет, смяв свою обшивку собственным весом. Тогда появится шанс заложить взрывчатку в сопла, и...

Внезапно из-под брюха крейсера брызнуло огнем. Один из нападавших вскинул руки и упал, даже не вскрикнув. Луч лазера продолжал полосовать его скафандр, окутанный белесым облачком вытекающего воздуха.

Атака мигом захлебнулась, и цепь нападавших отхлынула назад. Фрэзер опомнился, увидев себя бегущим рядом с Махони. Каждую секунду он ожидал гибели, но ему повезло. Вскоре они уже стояли за опорой «Олимпии», с трудом переводя дыхание. Махони вышел из укрытия и, размахивая руками, стал созывать беспорядочно бегущих людей. Тома Хоши не было среди них.

— Черт побери, они ударили по нам из лазерных ружей! — хрипло воскликнул Махони. — У Свейна был небольшой отряд солдат, и он их спрятал в засаде. Они неплохо

стреляют, но их мало. Надо лавиной ринуться к крейсеру со всех сторон, и тогда мы сомнем этих парней, словно яичную скорлупу!

Один из колонистов возразил:

— Вы не пройдете и полпути, как запылаете как факелы!

— Мы задавим их числом! — запальчиво воскликнул Махони.

— Не так уж нас и много. Надо подождать, пока подойдут остальные.

— Черт, да вы просто трусили! Тогда я пойду один! Фрэзер успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Пат, не горячись. Не строй из себя героя. Свейн перехитрил нас. Мы не думали, что он ожидал атаку с этого направления. Теперь нам не остается ничего другого, как только ждать, когда Сэм Хоши прорвется поближе к кораблю. Тогда и мы войдем вновь в игру. Солдаты метко стреляют, но сразу сотню человек им не остановить.

— Если Хоши прорвется, — усомнился Махони.

— Пойду посмотрю, — сказал Фрэзер.

Короткими перебежками он стал переходить от одной лунной ракеты к другой, пока не увидел все посадочное поле. Затем внимательно оглядел все темные пятна и тени, которые хоть слегка напоминали людей или краулеры. Несколько машин были разбиты, но в целом ущерб от обстрела оказался не столь велик, как опасались. Постепенно люди стали подниматься с земли и собираться в группы около уцелевших машин. И в этот момент в небе вспыхнула сигнальная ракета — это Сэм Хоши давал сигнал к началу нового наступления. Двигатели машин взревели, и колонисты поспешно устремились в открытых кузовах, держа ружья на изготовку. Зажглась вторая ракета, и лавина краулеров разделилась на два потока, охватывая крейсер в клещи. Его орудия палили без передышки, но особого вреда нападавшим причинить уже не могли — отряд Хоши уже прорвался сквозь зону обстрела.

Фрэзер поспешил назад. Его группа безмолвно ожидала за опорами «Олимпии».

— Сэм Хоши пошел в атаку! — закричал он. — Выждем пару минут и тоже вступим в бой. Все готовы?

Со стороны Авроры внезапно хлынул смерч огня — это астронавты с «Веги» выстрелили из передвижных ракетных установок. Посадочное поле окуталось клубами дыма, сквозь которые было трудно что-либо рассмотреть.

— Пошли! — заорал Махони и первым побежал в сторону крейсера. Фрэзер последовал за ним, стараясь не отставать. Он был уверен, что защищавшие «Вегу» солдаты не смогут сдержать атаку сразу с двух сторон.

Он тут же едва не ослеп от яркого луча, прошедшего в метре от его головы. Махони внезапно остановился и упал на колени, словно споткнувшись. Из рассеченного на боку скафандра хлынуло белесое облачко воздуха. Один из бегущих колонистов с боевым кличем перепрыгнул через раненого, но, вскрикнув от боли, упал на камни шлемом вниз.

Вновь и вновь из-под брюха «Веги» словно иглы неслись вспышки лазерного света. Фрэзер инстинктивно лег на землю и прижался к ней как можно теснее. Лишь через несколько минут он вновь рискнул поднять голову. То, что он увидел, повергло его в ужас. Там, где недавно лихо неслась стальная орда Сэма Хоши, теперь возвышался дымящийся вал из разбитых вдребезги машин. Экипаж «Веги» все-таки смог снять с корабля несколько пушек и вел смертоносный огонь из-за опор. Колонисты не разглядели в тени нового противника и поплатились за это.

Закричав от ярости, Фрэзер на бегу снял с плеч ранец и дрожащими руками достал из него импровизированную гранату из торденита. Установив взрыватель на трехминутное срабатывание, он изо всех сил швырнул взрывчатку в сторону крейсера, за ней вторую, третью... Вскоре он увидел, как под стальной сферой вспыхнули огненные факелы. Быть может, ему удалось убить нескольких солдат, но из-за отсутствия воздуха фугасное действие было слабым, так что гранаты вряд ли смогли повредить орудия противника.

Краем глаза Фрэзер увидел какое-то движение неподалеку. Оглянувшись, он увидел, что Махони ползет вперед, держа в руках гранату.

— Пат! — крикнул Фрэзер, бросаясь к другу. — Надо спрятаться за «Олимпией», там ты будешь в безопасности!

Махони не обратил на его слова внимания и продолжал упрямо ползти. Рваная дыра на боку скафандра была заклеена вакуумным пластырем, но воздух все же сочился из нее тонкой белой струйкой. Фрэзер обхватил раненого за плечи, пытаясь остановить, но Махони в ответ стал вырываться, осыпая его хриплыми ругательствами.

— Пат, опомнись! Ты ранен, тебе нужна помощь...

Внезапно наушники едва не взорвались от громоподобного голоса:

— Внимание, мятежники! С вами говорит адмирал Свейн.

Махони внезапно обмяк, и Фрэзер, подняв его, понес в сторону «Олимпии». В любой момент его могли убить солдаты с «Веги», но он старался об этом не думать.

— Колонисты Ганимеда! Вы были только что отброшены назад. Ваши силы разбиты, и при повторной попытке захватить «Вегу» вас ожидает то же самое. И не пытайтесь пробиться к Авроре. В перестрелке может пострадать гражданское население. Вам остается одно — немедленно сдаться. Все оружие и вездеходы будут конфискованы. Любое нарушение законов, установленных мною, будет караться смертной казнью. Исключений не будет ни для кого, даже для женщин и детей.

Собирайтесь у кратера Апачи и не вздумайте оказывать сопротивление моим солдатам. Если вы полностью капитулируете, я гарантирую вам жизнь. Орудия «Веги» пока будут молчать, и мы будем только наблюдать за тем, как вы выполняете мой приказ.

У Фрэзера почти не осталось сил. Он прошел мимо космобота, около которого дымились обломки одного из краулеров. Течь воздуха из скафандра Махони продолжалась, и Фрэзер сказал себе: остановись, идиот, и заклей дыру как следует, пока Пат не задохнулся!

— Я готов начать переговоры с вашими лидерами — при условии, что все мои требования будут выполнены, — после паузы продолжил адмирал Свейн. — Вы должны понимать, что никаких шансов на победу у вас нет. Если вы будете упорствовать, то «Вега» даже с неполным экипажем сможет в течение часа подняться с Ганимеда и уничтожить Аврору одним ракетным залпом с орбиты. Примиритесь с поражением, колонисты, ничего больше вам не остается.

Фрэзер осторожно положил Махони на землю и стал шарить в сумке с инструментами. Вновь настала тишина, так что в наушниках был слышен шорох космического фона. Фрэзер достал пластырь и вдруг увидел отблеск звезд в остеклевенных глазах друга. Фрэзер замер, пытаясь различить дыхание Махони, но слышал лишь вечный шорох межзвездного пространства.

Глава 8

На западе из-за туманного горизонта медленно вырастали мерцающие скалы островов Орговера, отделенные от материка лишь мелководным проливом. Теор едва различал их очертания, зато отчетливо видел пенистые буруны, кипевшие между рифами. Еще более ясно он слышал яростные удары волн о берег, напоминавшие бесконечные раскаты грома. Они заполняли все окружающее пространство и уходили под своды пурпурного купола неба. Не было еще построено судно, которое могло уцелеть в местных прибрежных течениях и прибое. Но в одном месте острова закрывали друг друга от бешенства морской стихии и образовывали довольно тихий проход, ведущий к самому крупному из них. Этим-то путем и прошел флот наярр к черным пескам побережья Лесистого острова. Серая поверхность аммиака здесь была задернута лишь легкой рябью. Отлогие берега, служившие отличными пастбищами, тянулись на восток и юг, пока не терялись в тумане. С севера круто в небо уходили отроги гор Джоннари.

Теор мрачно смотрел на разграбленные руины рыбацкого поселка, на пятнадцать флотилий вражеских судов — по восемь в каждой, — стоящих на приколе возле берега, и на армию улунт-хазулов, собиравшуюся рядом с поселком под глухие удары барабанов. Вскоре

со стороны гор появились и отряды наярр, также оглашая все вокруг быстрой барабанной дробью. Над обеими армиями взвились знамена и засверкали острия пик.

Элкор мрачно сказал:

— Улунт-хазулы покинули свои корабли и почти полностью сошли на берег. Они явно готовятся дать главный бой на суше.

Норлак в отчаянии сжал свои тонкие руки.

— Мы рассчитывали, что противник разделит силы! — воскликнул он. — Смогут ли наши пехотинцы выдержать их напор?

— Похоже, улунт-хазулы опасались атаки с моря, — с гордостью сказал Теор. — Они знают о непобедимой мощи нашего флота.

Элкор в сомнении покачал головой.

— Чужаки твердо рассчитывают захватить Медалон и остаться там жить, — сказал он. — Корабли в этом случае им не так уж будут и нужны, так что они вполне могли ими пожертвовать ради победы. Они явно что-то задумали...

— Не согласен, — отозвался Норлак. — Флот улунт-хазулов необходим хотя бы для того, чтобы перевезти в Медалон гражданскую часть своего населения.

Вождь наярр в раздумье стал ходить взад и вперед.

— Чалхиз мог бы действовать и по-другому, — наконец сказал он. — Например, после победы построить новые корабли или использовать остатки нашего разбитого флота. Но он привел свои флотилии к берегу. Это разрушило все наши планы. Мы-то делали ставку на превосходство на море! Конечно, мы можем высадиться на берег и присоединиться к сухопутной армии... Нет. Это займет слишком много времени. Враги блокируют нас, прежде чем мы справимся с неизбежной в таких случаях неразберихой.

Элкор постоял некоторое время, размышляя. Подул легкий бриз, развевая туман.

— Будем действовать как планировали, — наконец сказал вождь. — Мы направимся к стоянке флота чужаков, перебьем оставшийся на судах немногочисленный экипаж и начнем высадку. Бели мы сделаем все быстро и слаженно, то успеем напасть на армию улунт-хазулов прежде, чем подойдут наши сухопутные силы. Умфокаер, пошли вестника к командиру гвардии Валфило. Пусть ему передадут, чтобы он держался любой ценой. Мы скоро придем ему на помощь.

Офицер связи отдал салют и позвал сигнальщика.

— Пора готовиться к высадке, — сказал Элкор.

Он стал надевать свои боевые доспехи. То же самое сделали и все остальные на борту.

Теор надел на горизонтальную часть туловища панцирь из кожи канника. Подобную же куртку натянул на торс. Кольчуга из ледяных пластин закрыла его жабры. На голову он водрузил остроконечный шлем, в левую руку взял щит, а на талию повесил пояс с металлическими ножами. В правой руке сжимал топор. Тяжелые доспехи так стиснули его грудь, что стало трудно дышать. Он попытался успокоить себя тем, что битва с чужаками будет не опаснее, чем охота за хищной «снежной колючкой», но сам не поверил этому. Нелепость, несправедливость происходящего морально угнетала, и это было хуже всего. Теор взглянул на лицо Элкора и прочитал в нем лишь одну непреклонность. Норлак же был настолько возбужден, что Теор почти успокоился. Он не вправе вести себя как полумужчина!

Барабаны загремели еще громче. Улунт-хазулы неспешно перестроили свои ряды и двинулись навстречу армии Валфило. Над серым воинством поднялся лес пик.

Теор перевел взгляд на юг, где у берега колыхались на волнах суда неприятельского флота. До них было не меньше двух миль, но он смог разглядеть многие детали. Корабли чужаков были короче и шире, чем галеры наярр, и полностью закрыты палубами. Отсутствие резных фигур на носу придавало им вид торговых судов. Но что за странные коробчатые каркасы водружены на их носовых частях? И как они могут двигаться без гребных колес?

Несколько фигур в панцирях из роговых пластин появилось на палубах. Через минуту, подняв треугольные паруса, десятка два кораблей двинулись вдоль прохода среди островов

— туда, откуда только что пришел флот наярр.

— Куда они идут? — удивился Теор. — Что они задумали?

— Ничего хорошего для нас, — угрюмо отозвался Норлак.

— Странно, — пробормотал Элкор. — Я не вижу таранов на этих кораблях. Да и экипажи их слишком немногочисленны, чтобы атаковать нас с тыла. Быть может, Чалхиз просто хочет отвести свой флот в открытое море, спасая от гибели?

— Бели так, то мы сможем беспрепятственно высадиться на берег! — с облегчением воскликнул Теор.

— Не нравится мне это, — обеспокоенно сказал Норлак, нервно подергивая усиками. — Воздух пахнет зловеще. Чую беду — вот только откуда она придет?

Корабли наярр продолжали приближаться к берегу. Не было слышно обычных в таких случаях песен и шуток — мужчины устроились на верхних палубах, держа оружие на изготовку. Между тем две армии на берегу быстро приближались друг к другу. Разноцветные знамена раскачивались как деревья над низкими стелющимися облаками.

— Уллола! Что это? — вдруг воскликнул Элкор, указывая назад.

Теор обернулся. Вражеские суда остановились в миле позади них и развернулись, словно готовясь напасть с тыла. Рулевые сложили ладони вокруг горловых мешочков и закричали так громко, что их было слышно даже сквозь рокот барабанов. Заросшее водорослями море внезапно закипело, и на поверхность всплыли огромные черные туши. Вскоре они, казалось, заполнили весь пролив.

— Что это? — встав на дыбы, взвизгнул Норлак.

— Морские чудовища, — ответил Элкор, стараясь не выдавать своей растерянности. — Я никогда не слышал, что их можно приручить, но улунт-хазулам это удалось. Они-то и приводят в движение вражеский флот!

Животные, интенсивно работая плоскими хвостами и плавниками, направились к кораблям улунт-хазулов. На носовых надстройках встали моряки с длинной упряжью в руках. Наярры отозвались на это встревоженными криками. Лишь Элкор сохранял хладнокровие.

— Эти животные — настоящие гиганты, — хрипло сказал он. — Они лишь наполовину короче наших кораблей и почти столь же массивны. Не знаю, как враги собираются их использовать против нашего флота, но улунт-хазулы явно на них рассчитывают. Вот почему они сконцентрировали часть своих сил на суше.

Он оперся на древко копья и задумался.

— Пожалуй, я не рискну вести бой на море, — наконец сказал он. — Нам надо как можно быстрее высадиться на берег. Эти монстры кажутся неповоротливыми, так что у нас есть немного времени. Будем причаливать прямо здесь, не доходя до порта.

— Здесь? Но это невозможно! — запротестовал Теор. — Я не раз ловил рыбу в этих местах. Дно здесь местами поднимается вверх. Мы разобьем гребные колеса на отмелях!

— Колеса можно будет починить, — возразил Элкор. — До острова, в крайнем случае, дойдем и вброд. — Он осмотрел берег. — Бели мы высадимся вон на той песчаной косе, то отряд Валвилоса сможет прикрыть нас от ударов врагов. Конечно, лучше бы ударить в тыл улунт-хазулам, но у нас нет на это времени. Умфокаер, посылай вестника.

— Айя! — отозвался офицер. Он сделал знак рукой сигнальщику, и тот немедленно развернул один из своих флажков. Ближайший из форгаров спустился вниз. Офицер передал ему приказ вождя, и форгар немедленно вновь взвился в небо. Он повторил слова Элкора другим вестникам, и те понесли приказ командирам флотилий.

Тем временем морские чудовища приблизились к кораблям улунт-хазулов. Один из моряков бесстрашно прыгнул в волны и поплыл к ближайшему животному. Вскоре он вскарабкался на изогнутую спину чудовища, прямо за его длинной шеей, увенчанной небольшой зубастой головой. Моряк махнул рукой, и помощник бросил ему с корабля конец упряжи. Вскоре она была надета на рога животного, которое вело себя на удивление смирно. Подобную же нехитрую операцию проделали и на других кораблях улунт-хазулов. Флот

наярр едва успел изменить курс, как те пришли в движение. Аммиак запенился под ударами мощных ластов чудовищ, на спинах которых, широко расставив ноги, стояли мужественные наездники с поводьями в руках. Их обдавали фонтаны белых брызг. Животные высоко подняли над поверхностью моря головы с раскрытыми пастьми и с протяжными воплями устремились на наярр..

Элкор подошел к сыну и, положив ему руку на плечо, тихо сказал:

— Я вновь ошибся. Они поймали нас в западню. Бели я не переживу этот день, ты заменишь меня.

Теор горестно опустил голову. На Юпитере не знали слез, но он страдал не меньше, чем на его месте переживал бы человек.

Норлак в ответ воинственно потряс кинжалом. Бесповоротное случилось, и обычный для полумужчины страх покинул его.

— Пусть они идут! — закричал он высоким голосом. — Мы разрежем их на куски и съедем!

Кое-кто из моряков поддержал его, но большинство членов экипажа стояли молча и ждали, крепко сжимая копьа.

— Теор, организуй оборону с правого борта, — сказал Элкор. — Я же лучше пойду на корму и останусь рядом с рулевым. Да пребудет с нами удача!

Две армии на суше сошлись почти вплотную. Опустив копьа, они галопом помчались навстречу друг другу.

Теор прошелся вдоль борта и отдал несколько приказов. Моряки были готовы встретить чудовищ остриями пик. «Но как животные будут атаковать корабли? — размышлял Теор. — Их головы выглядят ужасно, но вряд ли чудовища будут идти на таран, рискуя сломать свои сравнительно тонкие шеи. Скорее уж они попытаются приблизиться и поднять высокие волны, способные раскачать суда. Таким образом они могут сбросить моряков с палуб, но мы в ответ пустим в ход копьа...»

— Ближе, ближе... — шептал Теор, пристально глядя на приближающееся к кораблю животное. Он не сомневался, что перерубит шею монстра одним ударом топора.

Через минуту чудовище было уже рядом. И тут же в его широкую спину вонзилось первое копье. Наездник с громким криком натянул поводья и сумел развернуть животное, выведя его из-под града копий и дротиков. Тот же маневр сделали и другие наездники. Отойдя чуть в сторону от кораблей наярр, морские животные подняли свои плоские хвосты и стали с пронзительными воплями бить ими по аммиаку. Поднялись пенистые волны, которые с грохотом ударились о борта кораблей. Борты затрещали, в море посыпались обломки. Двое наярр не удержались на скользкой палубе и упали в кипящее море. За ними последовали и другие.

Строй кораблей был немедленно нарушен. Животные не обращали внимания на барахтавшихся в море наярр. Чудовища не были плотоядными хищниками, но могучие удары их хвостов сокрушали все вокруг.

По команде Элкора форгары закружились над ними. Всадники пытались достать своими пиками головы чудовищ, но те неожиданно ловко уклонялись от ударов.

Внезапно из глубин рядом с кораблем Элкора поднялся еще один монстр. Всей своей массой он обрушился на левое гребное колесо и вдребезги разбил его. Судно накренилось и стало беспомощно кружиться на месте. Под его киль поднырнуло еще одно животное. На него была надета упряжь, и оно не могло уйти далеко вглубь, но монстр одним могучим толчком спины опрокинул корабль на борт.

Судно стало тонуть, окутанное фонтанами брызг.

— Вперед, к берегу! Бейте врага! — в бессильной ярости кричал Элкор, но его приказ было уже невозможно выполнить. Теор вцепился в сильно накренившийся борт и увидел, как враги торжествующе подняли оружие над головами. Флот наярр был развеян по проливу, часть кораблей затонула, остальные спасались бегством.

Палуба встала на дыбы, и моряки с криками отчаяния скатились в волны. Теор

уцепился за форштевень одной рукой, а другой лихорадочно стал стаскивать с себя доспехи, оставив лишь пояс с ножами. Он увидел краем глаза, как Норлак с воплем упал за борт и сразу же ушел вглубь, увлекаемый тяжестью своего вооружения. Вскоре и Теор последовал за ним.

Он быстро всплыл на поверхность и увидел вокруг десятки голов. Моряки отчаянно боролись за жизнь и пытались плыть в сторону берега. Теор разглядел среди них Элнора и направился к нему на помощь. Корабль тем временем окончательно лег на борт и медленно пошел ко дну.

— Ко мне, наярры! — кричал Элнор, с трудом удерживаясь на поверхности. — Боритесь до конца, бейте врагов!

Он поднял над головой кинжал и метнул его в сторону ближайшего чудовища. Повинуясь приказу своего наездника, оно, в свою очередь, ринулось на наярра, нанося налево и направо удары своим ужасным хвостом. Пена немедленно окрасилась кровью. Воины погибали один за другим под смех улунт-хазулов.

Теор набрал в грудь как можно больше воздуха и глубоко нырнул. Его окутал мглистый, красно-бурый свет. Голова закружилась от едкого запаха разлагающегося углеводорода. Глубинные течения подхватили его и понесли к берегу. Теор держался несколько минут, пока не стал задыхаться от недостатка воздуха, и только тогда вновь всплыл на поверхность.

Бойня вблизи разбитых кораблей продолжалась, но он успел достаточно далеко отплыть от этого места. Ни Элнора, ни Норлака не было среди оставшихся в живых моряков, но сейчас было не время впадать в отчаяние. Из всех сил работая ногами, Теор поплыл к отмели.

— Хунги рогх мам лун!

Теор оглянулся. Один из улунт-хазулов плыл вслед за ним. Перепончатые ноги и длинный хвост толкали его серое тело втрое быстрее, чем это мог сделать наярр. Враг поднял кинжал над головой. Лицо его было искажено ненавистью.

Теор также выхватил кинжал. «Он хочет немного поразвлечься? Хорошо!» — со злостью подумал он. Наярр хладнокровно обдумал свои действия. Да, он уступал чужаку как пловец, но...

Улунт-хазул быстро приближался, готовясь вот-вот метнуть свой кинжал. Теор напрягся и в момент броска сумел погрузиться в волны. Остро отточенное лезвие пролетело чуть выше его виска. Быстро всплыв, он схватил запястье врага, сжимавшее второй кинжал. Тот, в свою очередь, вцепился в руку Теора, не давая нанести смертоносный удар. Противники закружились на месте. Чужак превосходил Теора в силе, но наярр сумел оплести его туловище ногами и с криком увлек его вглубь.

Он почти не помнил, что произошло там, под поверхностью моря. Сознание его быстро помутилось, грудь разрывалась от нехватки воздуха. Враг с силой выворачивал его правую руку. Силы Теора таяли, но ему каким-то чудом удалось нанести противнику удар в живот. Чужак сразу ослабил хватку, и наярр, уже почти ничего не сознавая, стал наносить по нему удар за ударом.

Очнулся он уже на поверхности. Голова раскалывалась от боли, так что ни о каком чувстве триумфа и речи не было. Он думал сейчас лишь об одном — как достичь берега, до которого было еще довольно далеко.

На острове между тем разгорелась суровая битва. До Теора доносились победные крики, вопли боли, звон топоров, топот сотен ног. Земля была засыпана серыми трупами улунт-хазулов, но половина знамен наярра уже пала.

— Братья, я иду! — крикнул Теор и поплыл изо всех сил, проклиная свою слабость.

Флаг Вальфило все еще развевался под низкими тучами. Оставшиеся в живых наярры собрались вокруг него, пока еще сохраняя видимость порядка. Их арьергард стойко держался, отражая одну атаку врага за другой. Форгары тучей носились в воздухе, метая в улунт-хазулов камни и дротики. Чужаки падали, обагрняя землю кровью, но их место сразу

же занимали другие.

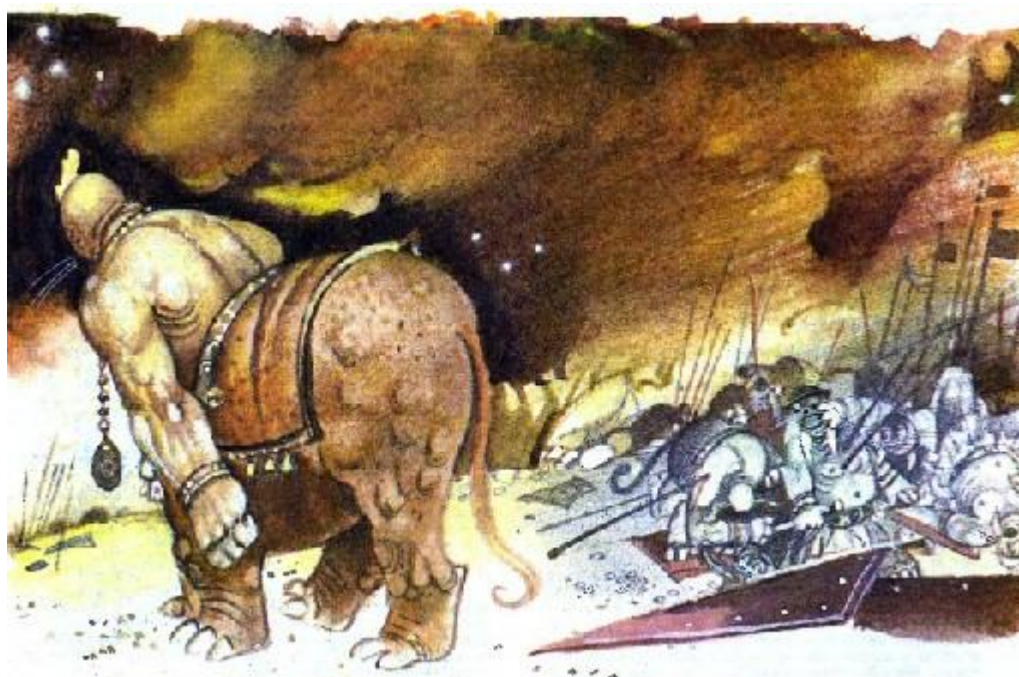
Барабаны врага били не переставая. Внезапно один из их отрядов отделился от главного войска и, сделав стремительный бросок, напал на обоз наярр. Чужаки быстро перебили немногочисленных охранников и обрушились на отряд Вальфило с тыла.

Наярры были вынуждены начать отступление. Они двинулись на север, к горам Джоннари. Другого пути у них не было, на остальной части острова хозяйничали улунт-хазулы, гоняясь за отставшими наяррами и безжалостно убивая их. «Часть нашего войска все-таки уцелеет, — с горечью подумал Теор, — но для чего? Наш народ обречен...»

Его ноги коснулись дна. Теор встал и едва не упал опять от слабости. Отчаяние овладело им.

Но в конце концов к нему вернулась рассудительность. Все обстояло не так уж безнадежно. Враги не стали преследовать отряд Вальфило: тот состоял в основном из опытных профессионалов и прихватил бы с собой в царство теней сотни улунт-хазулов. Чалхиз, по-видимому, понимал это и решил оставить разбитую армию наярр в покое. Без продовольствия ее и так ожидала гибель в дикой, необитаемой местности.

«Надо успеть догнать товарищей», — подумал Теор.

Наконец он добрал до берега и вышел на отмель. Ему пришлось прокладывать дорогу среди груд искалеченных тел. Воздух дрожал от стонов раненых. Один из наярр, имя которого Теор не смог вспомнить, увидел его и умоляюще прохрипел:

— Друг, дай мне пить! Пить, пить...

Копье торчало из его груди. Рана была смертельной. Теор нагнулся и в отчаянии сжал протянутые к нему руки.

— У меня ничего нет, — сказал он. — Прости.

— Не уходи, Теор, не оставляй меня здесь одного!

Теор стал размышлять, чем он может хоть как-то облегчить страдания воина. Внезапно чья-то тень упала на его лицо. Обернувшись, он увидел двух улунт-хазулов. Они направили острия копий прямо ему в грудь.

Один из чужаков сделал выразительный жест рукой, и Теор, устало опустив голову, побрел в глубь острова.

Глава 9

День подходил к концу. С юга дул сильный ветер, гоня стаи черных облаков. Среди них то и дело вспыхивали молнии, и чуть позже на остров накатывались раскаты грома. В узком проливе поднялось сильное волнение. Мириады плавающих микроорганизмов фосфоресцировали, так что волны несли к прибрежным льдинам мерцающий свет, рассыпающийся при ударе о берег на фонтаны живых искр.

Улунт-хазулы поспешно затащили свои корабли на берег и, собравшись в толпы, о чем-то тихо беседовали друг с другом. Пленные наярры лежали неподалеку на окраине лагеря, забывшись в тяжелом сне.

Теор очнулся от острой боли. Острие алебарды вонзилось ему в плечо. Оказалось, что за ним пришли двое чужаков. Перемолвившись несколькими словами с охранниками, они заставили Теора подняться и грубо погнали куда-то. Наярр едва шел, пошатываясь от слабости. На его ноги были надеты путы. Руки также были связаны, но, к счастью, перед грудью, так что он мог незаметно прикоснуться к диску коммуникатора. Улунт-хазулы были весьма суеверны, и это могло помочь ему. Исхитрившись, он все-таки сумел нажать кнопку вызова.

— Марк, — прошептал он, — отзовись! Кто-нибудь из землян, кто слышит меня, ответьте...

Диск молчал.

Вскоре Теора подвели к одной из юрт, в которых жили военачальники улунт-хазулов. Острие копья вновь вонзилось в его плечо, толкая ко входу. Внутри юрты, сложив руки на груди, стоял Чалхиз. Фосфоресцирующие цветы лили дрожащие лучи с потолка, едва освещая его лицо, но глаза вождя горели, как два лезвия кинжалов под ярким солнцем.

— Добрый вечер, — усмехнулся Чалхиз.

Теор не ответил.

— Может быть, ты хочешь освежающего?

Вождь указал рукой на стоящие на столе чашу с аммиаком и тарелку, полную рыбы. Теор понял насмешку и едва не закричал от ярости, но сумел овладеть собой. Ему надо было восстановить силы.

Чалхиз подождал, пока пленник насытится, а затем заметил с дружеской улыбкой:

— Очень хорошо, что ты остался в живых, сын Элнора. Один из парней, бывших в составе моей свиты в Наярре, к счастью, узнал тебя среди пленников. Возможно, мы сумеем заключить взаимовыгодную сделку.

— Вот как? И что же я должен сделать? — устало спросил Теор.

— Немного. Тебе повезло — ваш город стойко держит оборону, так что ты мне пока нужен.

— Вам будет дорого стоить его взятие, — глухо сказал Теор. — Сейчас все жители нашей страны, даже мирные фермеры, идут в Наярр со своими семьями, чтобы дать отпор врагу. Это серьезная сила.

— Не сомневаюсь. Хотя, так или иначе, со временем мы вынудим их сдаться. Но есть и другой путь — заключить перемирие.

Теор на секунду потерял самообладание.

— Перемирие — с животными, подобными тебе?! — яростно воскликнул он.

Чалхиз схватился за рукоять топора и с угрозой произнес:

— Мы напали на Медалон по праву. Если ваша страна была бы затоплена наводнениями, бури разрушили ваши города, а население голодало месяцами — разве вы не попробовали бы захватить территорию у более удачливых соседей?

«Это верно, — подумал Теор, — так бы мы и поступили. Но это не значит, что мы разрешим сделать такое другим».

Сильный порыв ветра так ударил по юрте, что ее деревянный каркас жалобно закрипел. По обшивке, сшитой из шкур животных, забарабанил дождь.

— Ладно, не будем говорить об этом, — успокоившись, предложил Чалхиз. — Сейчас

не время обмениваться оскорблениями. Я приговорил твоих родителей к смерти. Насколько я понимаю, ты теперь становишься главным Ривом и унаследуешь титул лидера. Наярры повинуются тебе, если ты прикажешь им капитулировать.

— Нет. Мы свободный народ. Наши вожди не могут приказывать наяррам делать то, чего они не хотят. Никто не обязан прислушиваться к моим словам, и я надеюсь, что народ так и сделает. Тем более что я не собираюсь предавать свое племя.

— Послушай меня, Теор, — с угрозой сказал Чалхиз. — Если твои соплеменники вздумают упрямиться, мы попросту уничтожим их. Если же они сдадутся на милость победителя, то мы позволим им уйти в горы. Я знаю, земли там бедны и полны воинственных дикарей, зато наярры останутся живы. По-моему, это выгодная для вас сделка.

Теор сжал кулаки.

— Нет!

— Подумай хорошенько, сын Элнора. Медалон не стоит таких жертв.

— Не вам, варварам, судить об этом! — запальчиво возразил Теор. — Ваша прежняя страна состояла всего лишь из нескольких жалких островов, покрытых болотами. Не так ли? Мы же осваивали Медалон 64 года. Все стоило нам крови и тяжелого труда: дома, дамбы, поля, рудники. Неужто непонятно, что это значит для каждого наярра?

— Для вас, Ривов, — может быть. Ваш род руководил всем этим, я знаю. Но рядовые наярры могут отнестись к нашему предложению иначе.

Теор пожал плечами, стараясь сохранить хладнокровие. Чалхиз оказался куда проницательнее, чем он ожидал.

— Народ вам тоже не поверит, — сказал он. — Кто даст гарантию, что ваша орда не нападет на мирное население, как только мы откроем городские ворота?

Чалхиз расхохотался.

— Придется уж вам положиться на мое слово. И на наш здравый смысл тоже. Подумай, Теор, ведь наше племя немногочисленно и к тому же мало искушено в земледелии. Чтобы прокормиться, многим воинам придется стать фермерами. К тому же, захватив Медалон, мы унаследуем также ваших многочисленных врагов-варваров. Какой же смысл рисковать своей армией, посылая ее в опасную погоню за вами? Сам видишь, мир выгоден для обеих сторон. Согласен?

Теор чувствовал, что силы понемногу начинают возвращаться к нему.

— Вот что я тебе отвечу, Чалхиз, — сказал он. — Ядро нашей армии уцелело в сегодняшней бойне и ушло в горы. Вскоре оно получит солидное подкрепление и возвратится. Вам придется уничтожить наярр до последнего, прежде чем вы захватите Медалон. В любом случае улунт-хазулы обречены.

Чалхиз взвыл от ярости, и, словно вторя ему, в небе прокатился оглушительный раскат грома.

Успокоившись, вождь продолжил прежним, спокойным тоном:

— Мы пробудем в этих местах еще несколько дней, готовясь к походу на наярр. Я отделию тебя, Теор, от остальных пленников, дабы ты мог подумать как следует над моим предложением. Иначе я собственноручно разрежу тебя на куски перед городской стеной — в назидание соплеменникам.

Чалхиз позвал стражника и отдал приказ увести пленника, а сам выразительно повернулся к нему спиной.

Рука воина с силой сжалась вокруг запястья Теора. Тот послушно вышел из юрты и последовал за улунт-хазулом в другой конец лагеря. Здесь стояла небольшая хижина, наспех сооруженная из неотесанных бревен. Охранник грубо втолкнул в нее пленника и встал у входа с копьём в руке. Вспышки молний то и дело рельефно освещали несущиеся на север облака. За ними следовали все приближающиеся раскаты грома. Наконец по земле ударили первые капли. Дождь быстро набирал силу и скоро превратился в сплошной хлещущий поток.

Теор прилег в углу. Он испытывал злое удовлетворение от мысли, что охранник сейчас

мокнет около входа, но скоро на смену пришло отчаяние. Что он может предпринять в этом безнадежном положении? Захватчики одержали победу. Вместе с Элкором и Норлаком на дно моря ушли их мудрость и твердость. Чужаки готовятся к осаде города. Они могут без труда взять его в кольцо и начать всю хозяйничать по всей территории Медалона. А время идет к сбору урожая... С таким трудом возделанные земли порастут сорняками, и оставшиеся в живых наярры скатятся к варварству. Вчерашние свободные фермеры и ремесленники станут жалким скотом, погоняемым кнутами улунт-хазулов. Неужто и его будущий ребенок, вынашиваемый Линантой, станет рабом?

— Теор!

Он вскочил, удивленно озираясь. Не сразу понял, что голос доносился из диска коммуникатора.

— Теор, это Марк. Ты слышишь меня? Наярр дрожащей рукой поднес диск к губам.

— Слышу, — едва скрывая волнение, ответил он. — Почему ты так долго молчал?

Последовала такая ослепительная вспышка молнии, что он смог отчетливо различить фигуру часового, терпеливо стоящего около входа. Чужак не обернулся — в шуме ветра и плеске волн он не расслышал голосов внутри хижины.

— Я был очень занят, Теор, — после паузы вновь послышался голос землянина. — Только сейчас я получил шанс выйти на связь с тобой через ДжоКом. Как дела, друг?

Теор несколькими скупыми словами рассказал о случившемся.

— О, черт побери! — пробормотал Фрэзер, выслушав его.

— А что случилось с тобой, брат? — спросил Теор.

Воздух заметно похолодал. Давление повысилось настолько, что при дыхании в жабрах ощущалась глухая боль. Теор вспомнил, что Фрэзер рассказывал ему о климате Ганимеда. Там настолько холодно, что аммиак лежал на поверхности в виде снега. Атмосфера Юпитера сохраняла тепло, но по ночам часть его уходила туда, к мертвым каменным шарам, которые Фрэзер называет лунами. От мысли, что его друг находится так далеко, юпитерианин невольно вздрогнул.

— Теор, я так встревожен тем, что ты рассказал! — наконец послышался голос землянина. — Теперь я буду беспокоиться о твоей жизни... — Фрэзер усмехнулся. — И о своей, кстати, тоже. Нас тоже разбили, Теор. Чужаки с космолета отбили атаку и теперь диктуют условия. Всем колонистам, принимавшим участие в битве, приказано безоружными явиться в определенное место. А командиры космолета сейчас ведут переговоры с нашими лидерами об условиях капитуляции Ганимеда.

— Плохие настали времена, — мрачно сказал Теор. — Неужто все во Вселенной пошло наперекосяк? Но объясни мне, Марк, — если враги так сильны, зачем же они ведут с вами переговоры?

Ожидая ответа, он с надеждой подумал: «Возможно, где-то здесь и зарыта истина, которая очень может сейчас мне пригодиться. Ведь Чалхиз не зря оставил меня в живых!»

— Я могу только догадываться, чего хочет Свейн, — после паузы ответил Фрэзер. — Мы же идем на соглашение по очень простой причине — иначе колонисты будут просто стерты в порошок. И в первую очередь будет уничтожена Аврора. Не могу утверждать, но мне кажется, что адмирал Свейн приписывает нам свои собственные фантазии. Он нуждается в нас и потому готов идти на компромисс.

— Но у вас есть какая-нибудь надежда со временем вновь напасть на крейсер? Или вы полагаетесь только на помощь извне?

Песок под ногами Теора был сырым и холодным. Ожидая ответа, он потер ноги одна о другую, стараясь хоть немного согреться.

Фрэзер вздохнул.

— Не представляю, что и делать. Мы можем захватить одну из лунных ракет, но они не предназначены для полетов за пределы системы Юпитера. Вернее, они могут сделать это, но двигатели не смогут разогнать их до гиперболической скорости. Так что полет к Земле займет многие месяцы. Свейн вернется куда раньше...

— Держитесь, Марк, — сказал Теор, не зная, как подбодрить друга. — Дела ваши плохи, но, по крайней мере, никто вас не гонит с Ганимеда. И враги — такие же люди, как и вы. Нам, наяррам, куда хуже сейчас...

Вновь вспыхнула молния, и вслед за ней оглушительно загрохотал гром, сотрясая землю. Гроза приближалась.

— Не отчаивайся, Теор, быть может, я смогу помочь вашему племени.

— Но как? — спросил Теор.

Несмотря на всю безнадежность положения, он испытал прилив надежды. Земляне имели столько удивительных вещей там, на небе, — быть может, что-нибудь они сумеют сделать?

— Теор, изложи поподробнее то, что произошло, — попросил Фрэзер.

Теор рассказал о событиях последних дней, стараясь не упускать ни одной важной детали. Когда он закончил, передатчик молчал так долго, что наярр даже забеспокоился: а не испортился ли он?

— Хм... ты находишься не так далеко от города, и вокруг бушует буря, — продолжил наконец Фрэзер. — Это уже кое-что. Ты можешь убежать от охранника?

— Я сильно хромаю, и к тому же у меня связаны руки, — с сомнением ответил Теор. — Стражник же вооружен копьем и кинжалом.

— Если сможешь чем-то отвлечь его внимание, то у тебя есть шанс завладеть его оружием, — продолжил Фрэзер. — Чертовски опасно, но другого выхода нет. Включи свой коммуникатор на полную мощность и брось его рядом с хижинкой — так, чтобы охранник этого не видел. А я уж закричу во всю глотку!

— Айя! — одобрительно воскликнул Теор и не без труда снял диск с шеи.

— Подожди, Теор... Если ты ранен, то... — заколебался Фрэзер.

— Ты сам сказал, Марк, что другого выхода у меня нет. Дай немного подумать...

Вскоре план бегства сложился в голове Теора, и юпитерианин сказал:

— У меня действительно есть шанс, друг. Я могу украсть одну из лодок и выйти в море. По суше мне не убежать — я ранен, и к тому же улунт-хазулы бегают куда быстрее. Но в море я могу поставить парус и уйти от погони. Может быть, мне понадобятся твои советы — вы, земляне, куда искуснее в мореходстве, чем наярры. А теперь будь внимателен, Марк. Когда я громко закричу, закричи и ты. Произнеси какие-нибудь фразы, имитируя наш язык. Не сомневаюсь, что стражник перепугается — ведь твоя речь звучит так чуждо для нашего слуха... Ну, а я уж постараюсь, чтобы эта ночь прошла для улунт-хазулов спокойно.

Теор помедлил, не зная, какими словами проститься с другом. Все могло случиться, и, быть может, скоро он будет лежать на песке с ножом из остро отточенного льда в груди. Марк нарушил молчание первым.

— Не знаю, поможет ли это, но я все-таки скажу: да хранит тебя Господь, Теор! Пусть вся удача во Вселенной сегодня придет тебе на помощь!

— Нет, пусть половина ее достанется тебе, Марк! — пылко воскликнул наярр. — До свиданья, друг. Жди моего сигнала.

Он подошел к выходу, держа диск между ладоней. Помедлив, осторожно выглянул наружу. Дождь хлестнул в лицо. Охранник сразу же заметил его и, угрожающе подняв копье, приказал немедленно вернуться в хижину.

Теор протянул вперед связанные руки и издал изумленный вопль, словно разглядев что-то во мраке ночи.

Стражник невольно повернул голову, и тотчас Теор швырнул коммуникатор в другую сторону. Теперь надо было выждать...

Улунт-хазул вновь повернулся и сделал угрожающий выпад копьем.

— Иди в свою конуру, иначе я проткну тебя насквозь! — угрожающе зарычал он.

Внезапно откуда-то из темноты раздался громкий голос Марка.

Стражник подпрыгнул, а затем стал испуганно озираться по сторонам. Вновь вспыхнула молния, осветив белым пламенем голый берег. Теор даже смог разглядеть ножны

воина, заклепки на его копье и длинный шрам на щеке. Диск сверкал среди камней, как отполированный кусок льда, но никого рядом не было. Никого!

Стражник понял, что звуки странной речи доносятся именно из сверкающего круга, лежащего на земле. Его лицо исказила гримаса дикого ужаса. Издав сдавленный вопль, он отпрыгнул в сторону. Теор был начисто забыт. Вновь небо раскололось от раскатов грома, и тогда наярр бросился на врага.

Его руки сомкнулись на рукоятке кинжала, висевшего на поясе улунт-хазула. Стражник не успел еще поднять копье, когда сверкающее лезвие вонзилось в его нижнюю челюсть.

Враг издал еще один вопль — на этот раз это был крик боли. Но у него хватило сил сжать торс наярра своими могучими руками так, что у того перехватило дыхание. Теор, теряя сознание, все глубже и глубже вонзал кинжал. Кровь брызнула ему в лицо. Вскоре хватка врага ослабела. Со стоном стражник упал на песок и задергался, безуспешно пытаясь вырвать кинжал. Вскоре он умер.

Теор, задыхаясь от пережитого напряжения, огляделся. Все вокруг было закрыто пеленой дождя, и только тусклые отблески зарниц просачивались через низкие слои облаков — гроза уже ушла далеко на север.

— Я сделал это, — хрипло сказал Теор, подняв с земли диск. — Враг мертв. Надеюсь, никто не видел нашей схватки.

Он вновь надел коммуникатор на шею и только затем занялся своими путами. Сжав копье между ног, он разрезал наконечником веревки на запястьях, то и дело тревожно озираясь по сторонам. Но он ничего не услышал, кроме шума дождя и плеска разбушевавшихся волн.

Свободен! Он все-таки сумел освободиться!

Теор слишком устал, чтобы по-настоящему ощутить радость победы. Нагнувшись, он выдернул кинжал из тела стражника и побрел прочь, сильно хромая. Постой... надо взять еще пояс и ножны... Он с трудом перевернул тяжелое тело и расстегнул тугую пряжку. Помедлив, решил прихватить и копье. Затем побрел к берегу.

Вспыхнула молния. Теор увидел двух улунт-хазулов, неторопливо идущих вдоль кромки моря. Топоры, лежащие на их плечах, ослепительно засверкали. К счастью, воины смотрели в другую сторону, но шли явно по направлению к хижине.

Вновь настала тьма, и с первым раскатом грома Теор побежал к лодкам, лежащим невдалеке на отмели. Якоря их были на всякий случай вбиты в землю. Наярр вырвал на бегу один из них и уперся грудью в нос небольшого суденышка. Оно медленно сдвинулось с места и заскользило вниз по песчаному склону. Каждый раз, когда вспыхивала молния, Теор ждал, что его заметят, но вокруг было пока тихо. Зато в лагере вскоре начался переполох — видимо, те два воина обнаружили тело мертвого стражника. Хорошо еще, что никто, кроме Чалхиза, не знал, кого тот охранял.

Брызги аммиака окатили беглеца. Лодка со всплеском опустилась на волны. Теор лег на дно лицом вниз и, дрожа, стал ждать, когда ветер отгонит суденышко от берега.

Нет. Он не может бездействовать! Нужно как можно скорее уйти от острова. Теор поднялся и нащупал кормовую мачту. Парус был обернут вокруг реи неизвестного назначения, линии и кольца закрепляли его. Хорошо еще, что море слабо фосфоресцировало и кое-что во мгле можно было разглядеть.

Некоторое время Теор размышлял, что делать. Лодка качалась на волнах. Ветер нес ее на север, и это было неплохо. Наярр стал развязывать парус. Вскоре тот, освободившись, сам натянулся с пушечным грохотом. Лодка немедленно зарылась носом в волны. Теора обдал фонтан холодных брызг. Он поспешно перебрался на корму и схватил румпель.

Лодка выпрямилась. Парус вновь наполнился ветром, и суденышко, развернувшись, пошло прочь от берега. Теор ощутил восторг — лодка слушалась его!

Но вскоре она снова накренилась. Огромные волны вздымались и с грохотом падали в бездну, увлекая за собой лодку. Борта трещали от их ударов. Дождь усилился и всю забарабанил по снастям и дну. Надо было спешно откачивать аммиак, но как оставить румпель? Осмотревшись, Теор увидел рядом с ручкой румпеля два фиксирующих штыря, торчащих из бортов. «Хорошая штука!» — с радостью подумал он и, закрепив руль, пошел к носу в поисках какой-нибудь емкости.

Вскоре нашел ковш и энергично стал вычерпывать аммиак из лодки. Закончив работы, он решил вновь вернуться на корму — в такой сильный шторм лодку нельзя оставлять без управления. Дождавшись очередной вспышки молнии, он обернулся и инстинктивно посмотрел в сторону берега. Земля уже потерялась из виду. Но среди волн он увидел черную тень. Она быстро приближалась. Внезапно из аммиака поднялась тонкая шея, увенчанная маленькой зубастой головой.

Надежда на спасение покинула Теора.

Глава 10

— Марк, — сказал Теор, — ты слышишь меня?

Одной рукой он взялся за румпель и выровнял крен. Сквозь шум волн прорвался голос Фрзера:

— Конечно, я слушаю. У тебя все хорошо? Ты сумел бежать?

— Да. Но, боюсь, мы разговариваем в последний раз. Враги, должно быть, заметили мою лодку и послали погоню. Меня преследует огромное морское чудовище с наездником на спине. Именно такие недавно разбили наш флот. Я не могу уйти от монстра, но не хочу и сдаваться. — Теор помешкал, подыскивая прощальные слова. — Живи с радостью, друг! Пусть все твои беды уйдут прочь!

Он посмотрел в сторону кормы. Сквозь пелену дождя увидел, что его преследует только одно чудовище. Впрочем, этого вполне достаточно...

— Эй, Теор, ты что, готовишься к смерти? — встревоженно закричал Фрэзер. — Не рано ли?.. Ты способен пристать к берегу?

— Вряд ли. Да и все равно меня настигнут на суше.

Дождаясь ответной реплики, Теор взглянул в сторону правого борта. Берег был пока невидим даже при вспышках молний. Может быть, стоит снова сесть к рулю и попытаться развернуть лодку? Или лучше прыгнуть за борт и плыть самому? Нет, в шторм такое расстояние не одолеть.

Фрэзер сказал, страдая от своего бессилия:

— Я отдал бы правую руку за то, чтобы послать тебе сейчас ружье! У тебя есть какое-нибудь оружие?

— Нож и длинное копьё... — Внезапно в голову Теору пришла дельная мысль. — Погоди, я кое-что придумал... Очень рискованно, но это мой последний шанс. Жди, я позову тебя, если останусь цел.

Он схватил копьё и пошел к мачте. Подняв со дна лодки якорный канат, стал старательно привязывать копьё к мачте, наподобие реи. Эта была медленная, нелегкая работа, которой мешали темнота, дождь и сильная качка. Когда он закончил, монстр был совсем близко.

— Марк! — воскликнул он, пытаясь перекрыть шум волн. — Мне нужен твой совет. Помнишь, ты рассказывал как-то о том, как люди ходят под парусами по земным морям? У меня почти нет опыта в управлении судном. Могу ли уйти от преследователей против ветра?

В ожидании действий Теор забыл о своих страхах. Коротко и ясно он рассказал о своем плане и об оснастке лодки.

Фрэзер тоже успокоился. Он объяснил другу, как менять галсы. Теор взял в одну руку древко копьё и повернул парус, а другой переложил руль вправо. Лодка сильно накренилась,

едва не зачерпнув бортом аммиак, но вскоре вновь выровнялась и нехотя вышла на другой галс.

Монстр был слишком тяжел и неповоротлив, чтобы быстро совершить подобный маневр. Теор же упрямо держался нового курса. Аммиак переливался через борт и струился по его ступням холодным, искрящимся потоком, время от времени окатывая его брызгами с ног до головы. Монстр прошел так близко от лодки, что Теор увидел даже отражение вспышки молнии в огромных глазах. Улунт-хазул стоял на его спине, держась за длинный повод, наброшенный на рога животного. Море кипело вокруг его плавников и хвоста. Вскоре преследователи оказались впереди и скрылись во мгле.

Теор перешел к решению другой задачи. Он ждал, когда монстр развернется и двинется назад.

— Не сомневаюсь, что улунт-хазул решил, будто я иду к берегу сдаваться в плен, — сказал он.

Он вновь развернул лодку и пошел навстречу врагу. Затем отвязал копье от мачты. «Только бы воин не увидел оружие в моих руках!» — мелькнула мысль.

Через несколько секунд прямо перед ним выросла черная стена — это была грудь монстра. Теор не раздумывая метнул копье, и оно попало точно в цель.

Лодка затряслась так, что Теора отбросило к противоположному борту. Он услышал шипящий вопль. Монстр отпрянул и ударом хвоста швырнул лодку на гребень высокой волны. Когда она соскользнула вниз, Теор увидел прямо перед собой покрытую костистым панцирем голову. Животное ревело от боли. Копье глубоко вонзилось ему в горло. Теор бросился на дно лодки — скамья гребца переломилась под его тяжестью. Лежа в темноте, под брызгами аммиака, он мрачно размышлял: «Как бы там ни было, чертов улунт-хазул уйдет на дно вместо со мной!»

От яростных ударов чудовища лодка буквально разваливалась на части. Нахлебавшись аммиака, она стала тяжело заваливаться, так что перекошенная мачта вскоре едва не коснулась пенных гребней. Теор, наполовину ослепленный и избитый, изо всех сил цеплялся за борт. Волны перекачивались через него.

Каким-то образом остатки снастей смогли вновь выровнять лодку, и уцелевший чудом парус понес ее на север. Теор выглянул из-за борта и увидел, как монстр бьется среди волн, пытаясь удержаться на поверхности. На его изогнутой спине не было видно наездника. Казалось, беда пронеслась мимо, но внезапно животное ринулось к лодке. Его огромный хвост взмыл в небо и с оглушительным грохотом обрушился на суденышко. Еще один удар, и чудовище скрылось среди волн.

Теор плавал среди обломков, не веря тому, что остался жив. Его конечности с силой били по аммиаку, но волны постоянно захлестывали, не давая вздохнуть. Теор пытался плыть, но сознание медленно покидало его.

Внезапно что-то сильно ударило его в бок. Теор чисто автоматически вцепился в это «что-то» руками и ногами. Больше ничего он не помнил...

Он очнулся, когда дождь ослабел, перейдя сначала в изморось, а затем в густой туман. Шторм угас, и его сменил тяжелый напор обычного для Юпитера ветра. Море еще свирепо шумело, не желая утихать. Прибрежное течение швыряло в Теора обломки лодки. Но он мог теперь держаться на поверхности, и постепенно его сознание стало проясняться.

Теор осмотрелся. Туман закрывал видимость на расстоянии больше двух—трех метров, но брызги от волн висели в воздухе искрящимся водопадом. Теор плыл в вихре фосфоресцирующего света, раскачиваясь на крутых волнах. Он невероятно устал, каждая клеточка его тела болела — но он был жив, жив! Вскоре к нему вернулась надежда, и он впервые взглянул на спасительное «что-то», которое помогало ему держаться на поверхности.

Это был кусок обшивки с остатками шпангоутов. Сказочная, невероятная удача! Теор осторожно оседлал свою небольшую «лодку» и впервые смог перевести дух. Наверху он обнаружил клубок якорного каната, в котором запутались несколько обломков дерева, включая половину лавки для гребца. Ее можно было использовать вместо весла.

«Да, я могу выжить», — подумал Теор и поднес к губам диск коммуникатора.

— Марк!

Что-то захрипело и зашуршало, и словно издали послышался знакомый голос:

— Угх... ухх... Это Теор?

— Да, я все-таки уцелел, друг! — Теор попытался улыбнуться, ощущая саднящую боль на разбитом лице. — Ты удивлен? Я снова выкарабкался из могилы!

Жизнь постепенно возвращалась к нему, и вскоре он почувствовал острый голод. Утоление жажды не было проблемой — морской аммиак был вполне пригоден для питья. Содержание минеральных веществ в нем было крайне низким, зато присутствовали некоторые питательные вещества в виде аминокислот. Они синтезировались в верхних слоях атмосферы, где ультрафиолетовые лучи Солнца воздействовали на газообразный метан и аммиак. Образовавшиеся органические молекулы опускались в нижние слои атмосферы. Некоторые из них достигали океана и составляли питательную среду для микрофлоры его поверхности. Та, в свою очередь, служила кормом для многочисленных высших животных. Но, конечно, морской аммиак не мог насытить Теора, а лишь раздражил его аппетит. Он не ел почти день — с тех пор, как по собственной инициативе сбежал от гостеприимства Чалхиза.

Вновь послышался радостный голос Фрэзера:

— Вот это сюрприз! Я чертовски переживал за тебя, друг. Как дела?

Теор объяснил ситуацию.

— Когда я выберусь на берег, постараюсь найти остатки отряда Вальфило, — заключил он. — Они должны были уже пройти перевал через хребет Джоннари — это в нескольких милях на север. Может быть, удастся нагнать их. Но мне предстоит идти через огромную и дикую страну. Старик рассказывали, что в этих горах живет Скрытый Народ. Но я надеюсь, что он меня не тронет.

— Отлично! Я так переживаю, что ничем не могу помочь тебе, Теор. Не могу даже больше оставаться возле передатчика. Пока ты дрался на море, я уже успел сходить на совет колонистов. Сейчас же меня срочно хочет видеть один человек. Я не знаю, что случилось, но это наверняка очень важно...

— Позови меня, когда сможешь. Удачи тебе, друг!

Вскоре небо чуть посветлело, но Теор продолжал плыть, окруженный мерцающим туманом. Только к полудню зыбкая пелена стала расползаться, превращаясь в лохмотья. И тогда Теор увидел землю.

До нее было еще далеко, и тем не менее наявр закричал от восторга. Около двух миль он проплыл среди скал из черного льда. Вершины были окутаны туманом, так что можно было только догадываться об их высоте. Буруны накатывались на белые отмели у подножий с убийственным грохотом. Казалось, невозможно проплыть среди скал и остаться целым, но Теор настолько обессилел, что даже не задумывался об этом.

Он осторожно отвязал обломок скамьи и начал грести, борясь с прибрежным течением. Несмотря на отчаянные усилия, он едва продвигался вперед. Так продолжалось час за часом. Любой человек мог сойти с ума от этой бесконечной «гребли на месте», но Теор сумел сосредоточиться на боли в теле и сильном жжении в жабрах. Время, казалось, совсем остановилось... Наконец среди скал он увидел узкий фиорд. «Уллола! Сила все же благосклонна ко мне!» — с восторгом подумал наярр. Он стал работать веслом еще неистовее. Вспенившийся аммиак клочьями летел назад под его энергичными гребками, и желанная мирная бухта постепенно приближалась.

Но вскоре продвижение совсем прекратилось. Отливное течение было слишком сильным и постепенно теснило его назад в море.

Теор рискнул встать на свою «лодку» и оглядеться. Он увидел сравнительно спокойную поверхность аммиака в фиорде, а в устье его — странный серый склон, резко выделявшийся среди черных скал.

«Лодка» внезапно сильно накренилась, так что Теор едва не упал в волны. Поскользнувшись, сильно ударился головой о доски. Прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя. Когда его сознание прояснилось, он нашел объяснение только что увиденному природному феномену.

Поверхность Юпитера редко настолько охлаждалась, чтобы аммиак мог замерзнуть, но в высокогорьях такое случалось, когда с полюсов приходили холодные воздушные течения. В результате на склонах образовывались огромные ледники. Достигая моря, они не раскалывались на айсберги, как это происходило с земными ледниками. Дело в том, что твердый аммиак плотнее жидкого, и потому обломки попросту тонут в море. На мелководье они тают быстро, создавая довольно сильное течение. Оно-то и относило Теора от берега. Возможно, корабль наярр с двумя гребными колесами и мог бы противиться ему, но одинокому пловцу это было не под силу.

«Уш! — с тоской подумал Теор. — Надо искать другой фиорд. Быть может, он окажется более гостеприимным...»

Но он не хотел обманывать себя. Ему приходилось видеть карты штурманов этого морского района. Они были весьма грубыми, но все же достаточно достоверными, чтобы понять: он на краю смерти. Если он не сможет выбраться на берег в этом месте, то сильное прибрежное течение отнесет его в Котел, густо усеянный рифами и бурлящими водоворотами. Гибель его будет неизбежной...

— Марк! — позвал он. — Ты слышишь меня?

Только плеск волн был ответом ему. Не сразу наярр вспомнил, что Фрэзер ушел на какую-то важную встречу. Бессмысленно было ждать его возвращения. Да и чем землянин мог помочь ему?

Или все-таки подождать? Марк так много рассказывал о море — ведь он сам вырос на земной океанской станции. Постой... Что-то Марк однажды объяснял ему... Ну конечно, он показывал живые картинки в Доме Оракула о том, как земляне плавают на досках среди гигантских волн. Если поймать очень высокую волну, то ее гребень может вынести человека на берег! Почему бы нечто подобное не проделать и здесь, на Юпитере? Обломок борта имел снизу плоскую форму. Если освободить его от остатков снастей...

С новыми силами Теор взялся за работу. Он вытащил из-за пояса нож и стал яростно разрезать намокшие веревки. Волны то и дело захлестывали его, пена залепляла глаза и жабры, затрудняя дыхание. Теор работал почти вслепую, вскоре забыв даже о цели своих действий.

В конце концов он освободил плотно сбитые доски и улегся на них животом, свесив ноги по краям. Вновь взяв в руки весло, он направился вслед за гребнем только что прошедшей под ним волны. Его неуклюжая «лодка» двигалась крайне медленно, и он опоздал. Только после невероятных усилий ему удалось наконец-то оседлать очередную высокую волну, которая стремительно понесла его в глубь фиорда.

Здесь царило сверхъестественное спокойствие. С высоты огромной волны Теор с

ужасом смотрел на подножие скалы, около которой кипела пена. Правее нее лежала область зыби, за которой находился возделенный берег. Но его упрямо сносило влево, навстречу гибели.

Теор отбросил бесполезное теперь весло и стал управлять своей «доской» одним перемещением тела по ее поверхности. Только тренированному человеку удался бы такой фокус, но Теор с детства имел дело с силами природы и обладал в этом отношении поразительной чувствительностью. Ему удалось-таки проскочить мимо скалы. Тут же волна с грохотом опала, бросив Теора в сторону ледника.

Аммиак закипел вокруг него. Берег стремительно приближался, грозя разбить его вдребезги, но Теору удалось зацепиться ногами за резко поднимающееся дно и немного замедлить свое движение. Вскоре он с трудом встал и по пенистому мелководью добрался до суши. Не сделав и нескольких шагов по берегу, он упал и погрузился в забытие. Ночь, длинная ночь...

Когда Теор очнулся, Солнце уже спустилось над западной частью фиорда. Буруны ревели среди скал, расцвечиваемые последними лучами света. Впереди лежал крутой склон ледника, из которого словно титаны поднимались в небо черные скалы. Вокруг лежала дикая, необитаемая страна. И Теор был единственным живым существом на десятки миль вокруг, с одним ледяным ножом в качестве оружия.

Глава 11

Фрэзер сидел, глядя на передатчик. Затем, не выдержав, обрушил кулаки на панель управления в бессильной ярости. Звук от удара глухо прокатился по кабине, погруженной во тьму. Солнечный луч прорвался через обзорное стекло, осветив все вокруг с предельной четкостью, так что Фрэзер мог разглядеть даже набухшие вены на своих руках. От недавней усталости и головной боли не осталось и следа. «Перестань ныть! — зло сказал он самому себе. — В сорок лет рановато чувствовать себя стариком. Ты еще сможешь вставить адмиралу Свейну фитиль в то место, которое заменяет ему голову».

Он решительно поднялся и пошел в кормовую часть краулера. Донни Мендоза предоставил ему оборудование для связи с Главным передатчиком, как только узнал, что Фрэзер хочет установить контакт с Теором. Здесь же ему было выделено крошечное помещение для отдыха. Фрэзер разделся до пояса, налил немного воды в таз и тщательно протерся губкой. Еще больше ему хотелось бы очистить свою совесть после встречи с предательницей. Но, черт побери, Лоррейн нравилась ему все больше и больше, и с этим ничего нельзя было поделать!

Он вспомнил, как Лори сунула ему записку с просьбой о встрече, и криво усмехнулся. Это было во время встречи конфликтующих сторон в Авроре — на переговоры в крейсере, естественно, колонисты не согласились. Фрэзер пришел вместе с Сэмом Хоши. В зале заседаний административного корпуса их ожидали Лоррейн и двое офицеров с «Веги», включая бравого адмирала. Все расселись по креслам, пытаясь выглядеть непринужденно, но присутствие Свейна действовало угнетающе. Нет, он не кричал и не грозил репрессиями — у него был вид победителя, и от одного этого становилось тошно.

— Не собираюсь сегодня играть в дипломата, — резким тоном начал адмирал. — С моей точки зрения, вы все — мятежники. Вы убили и ранили множество достойных граждан, верных законному правительству. Погибшие в бою колонисты меньше вас заслуживали смерти!

Хоши хотел было возразить, но промолчал, лишь с силой сцепив пальцы и помрачнев. Двое его сыновей погибли при попытке захвата «Веги».

Свейн скупо улыбнулся.

— Конечно, вы смотрите на прошедшие события по-другому, — продолжил он. — Я понимаю, переубедить вас сейчас невозможно. Но я не дипломат, а военный, и меня интересуют не столько эмоции, сколько реальные дела. Куда важнее выполнение моих

планов, чем немедленная расправа, пусть и справедливая.

— Немедленная? — переспросил Фрэзер. — Выходит, о расправе вы хотите поговорить позже, когда на Ганимед прибудет полиция? А вы всерьез считаете, что мы будем помогать вам, зная, что через некоторое время нас посадят в тюрьму или даже расстреляют? Я уже не говорю о возможном промывании мозгов...

Лоррейн нахмурилась.

— Это последнее — уже слишком, Марк.

— Ах, простите, что я оскорбил ваши прелестные ушки неприличным выражением! — с иронией заметил Фрэзер. — Хорошо, заменим его на официальное название: принудительное перевоспитание. Звучит куда приятнее, не правда ли?

Свейн насупился.

— Я не собираюсь давать никаких стопроцентных гарантий, — сказал он. — Однако надежда у вас появится. После того, как мы ВМЕСТЕ восстановим законное руководство в США, встанет вопрос о контроле над Землей и остальными планетами. Думаю, правительство не станет тратить силы и средства на то, чтобы изолировать систему Юпитера, — конечно, если я замолвлю о вас словечко. Я сделаю так, слово офицера, если вы будете сотрудничать с экипажем «Веги».

Фрэзер с сомнением посмотрел на строгое, очень серьезное лицо адмирала и вопреки желанию поверил. Так же, как в неизбежный арест в случае, если колонисты заартачатся. Свейн был человеком аккуратным и слов на ветер не бросал.

Хоши наклонился вперед.

— Здесь, в системе Юпитера, находится пять тысяч человек, — сказал он бесцветным голосом. — Куда меньше, чем в любой из целей, по которым вы хотите нанести удар там, на Земле. Все мы хотим жить, но если это способно вас остановить, то колонисты готовы погибнуть.

— Не поможет, — спокойно ответил адмирал. — Да, это серьезно задержит нас на некоторое время, но не более того. «Вега» вы ничего не сделаете. Если Ганимед придется уничтожить, то мы прилетим на другие луны — надеюсь, люди там окажутся более разумными. В принципе, производство боеголовок можно наладить даже на астероидах. Не так удобно, как здесь, но попробовать можно. Впрочем, я верю, что вы не самоубийцы.

Свейн обвел колонистов цепким взглядом.

— Посмотрите фактам в лицо. Вы разбиты наголову. Теперь колонистам надо заботиться не о мятежном правительстве, а о своих близких. Еще раз повторю предложение: возвращайтесь домой и постарайтесь больше не причинять нам хлопот. Вскоре мы вернемся на Землю и оставим вас в покое.

— Вы можете даже присоединиться к тем людям, которые хотят оставить Аврору, — добавила Лоррейн. — Горожане соберут для вас все необходимые припасы.

— Прекрасный трюк, — фыркнул Хоши. — Проявив великодушие, вы хотите избавиться от потенциальных бунтарей и саботажников, не так ли?

— Конечно, — усмехнулся Свейн. — Неужто вы настолько неблагоприятны, что откажетесь от такого предложения?

«И этот человек говорит о гуманности! — подумал Фрэзер. — Я никогда не пойму хомо сапиенс. Наверное, поэтому мы и нашли общий язык с Теором. Кстати, надо побыстрее вернуться в краулер — Теор может вызвать меня».

Тем временем разговор крепко увяз в болоте взаимной подозрительности.

— Мы не можем уйти, — настаивал Хоши, — нам надо заботиться о раненых. В городской больнице для этого есть все условия.

— Я могу послать с вами несколько врачей и все необходимое оборудование и медикаменты, — пообещала Лоррейн.

— Согласен, — кивнул Свейн. — Берите с собой все, что нужно, только побыстрее убирайтесь из города.

Спор вновь разгорелся.

В конце концов обе стороны пришли к соглашению. Колонисты поднялись и направились к выходу.

— Хороший день для вас, господа! — напутствовал их Свейн и сразу же погрузился в разложенные на столе бумаги.

Лоррейн догнала Фрэзера в коридоре.

— Марк, подождите!

Он окатил девушку холодным взглядом.

— Марк, я так сожалею...

— Я понимаю, вы только выполнили свой долг, — спокойно сказал он.

— О, Марк, неужели вы не можете понять? Я считаю, что поступаю правильно — так же, как и вы. Кто знает, на чьей стороне истина? Где найти сейчас такие весы?

Лицо девушки выражало искреннее отчаяние. Только сейчас Фрэзер заметил, что она пришла на совещание в новом эффектном платье, несколько коротковатом, но прекрасно подчеркивающим ее стройные ноги. Слезы заблестели в ее глазах. Лори выглядела сейчас как никогда красивой, но одновременно и жалкой. Фрэзер вопреки желанию едва не рассмеялся — нет, ненавидеть ее он не мог.

— Давайте пожмем друг другу руки, а? — пробормотала Лоррейн.

Хоши только пожал плечами и пошел к выходу. Фрэзер же машинально протянул руку. С удивлением он почувствовал, что в его ладонь проскользнул клочок бумаги. Коридор был полон астронавтов с «Веги», и ему показалось, что за ним следят десятки подозрительных глаз.

— Пока, Марк, — сказала девушка и исчезла за соседней дверью.

Фрэзер догнал Хоши у кессонной камеры. Здесь дежурили двое охранников с оружием в руках. Вокруг было непривычно пустынно: по приказу Свейна жителям Авроры было приказано находиться в своих квартирах. Лидер колонистов шел, опустив голову. В мыслях Фрэзера царил полный хаос, так что он не смог найти слов утешения. Да и что можно сказать отцу, потерявшему сразу двух сыновей?

Только возле краулера Мендозы он улучил момент и прочитал записку, гласившую: «Встретимся в 8.00 следующего цикла за стоянкой лунных ракет, рядом с кратером Апачи. Держите это в секрете».

День на Ганимеде равнялся 7,15 земных суток, так что колонисты использовали для отсчета времени условные 24-часовые циклы. На других лунах население было слишком мало, чтобы вводить свои временные системы.

Забравшись в кабину, Фрэзер стал снимать скафандр, с раздражением думая: «И какого дьявола Лори настаивает на встрече? Чтобы вновь попытаться оправдать свое предательство? Вряд ли, она же знает, что меня не переубедить. Или она...»

Он усмехнулся. Самое приятное объяснение было самым невероятным. Он был некрасивым, немолодым и к тому женатым мужчиной. Других подходящих объяснений Фрэзер не нашел. Да и не время было думать об этом — Ева с детьми ждала его в поселке за горами, а Сэм Хоши готовился к возвращению домой. Очень грустному возвращению: двое его сыновей, а с ними несколько десятков колонистов, включая Пэта Махони, остались на поле боя...

Фрэзер с трудом отвлекся от воспоминаний. Он закончил свой утренний туалет, выжал губку над тазом и осторожно налил воду в очиститель, стараясь не расплескать ни капли. Затем смазал щетину депилатором и через минуту вытер лицо, уже без следов волос. Надев скафандр, он вышел наружу и осмотрелся. Вокруг стояли лунные ракеты, мерцающие серебристым светом, а над ними возвышалась иззубренная стена кратера Апачи. Колонисты сновали взад и вперед, занятые своим делом, но их было немного: большинство сидело в краулерах, ожидая команды к отправлению. Над пиком Гленна густо высыпали звезды, а на востоке из-за горизонта выползал чудовищный шар Юпитера, наполовину окутанный тенью.

Фрэзер шел между космолетами, направляясь в северную часть взлетного поля. Он старался оставаться незамеченным. Предчувствия у него были самыми скверными — от

встречи с Лори он не ждал ничего хорошего.

Внезапно из мглы вынырнула фигура в серебристом скафандре и, вцепившись в его руку, повела в укрытие между опорами космолета. Вновь шлем прижался к шлему, и начался неслышный ни для кого постороннего разговор.

— О, Марк, спасибо, что вы пришли! Я опасалась, что вы уже мне не доверяете.

— Почему же я должен был не приходить, — глухо сказал Фрэзер, безуспешно пытаюсь разглядеть черты лица Лори за стеклом шлема.

— Это могла быть ловушка. Вспомните ваш побег из Авроры, и чем он закончился. Свейн был разъярен! Если бы вы слышали, какими карами он грозил вам! И все же во время подготовки к переговорам я назвала ваше имя. Я сказала адмиралу, что вы — один из самых влиятельных людей среди колонистов и сможете представлять интересы Ганимеда даже лучше, чем Сэм Хоши.

— Хм... спасибо, Лори, но вы же прекрасно знаете, что это не так. Я никогда не лез в лидеры. Не настолько уж я уверен в себе, да и в людях разбираюсь не очень хорошо.

— Это не так! — пылко воскликнула Лоррейн. — Вы человек ответственный, а это самое главное.

— Смешно слышать, Лори, — буркнул Фрэзер и вдруг с подозрением спросил: — Постойте, так вы не были уверены в моей безопасности и все-таки пригласили на встречу с этим людоедом Свейном?

— Я тоже рисковала, — оправдываясь, ответила Лоррейн.

— Вы? — негодуя заорал Фрэзер. — Первая леди этой банды контрреволюционеров?!

— Марк, я на вашей стороне! Он недоуменно пожал плечами.

— Почему вы не хотите меня понять? — с дрожью в голосе сказала Лоррейн. — Я вовсе не поддерживаю адмирала. Он честный человек, но мне не нравится, как он действует, а еще больше — то, что он задумал. Повернуть ядерное оружие против своей собственной страны... То же самое он может проделать и с другими государствами Земли — теми, кто не захочет подчиниться его приказам. Марк, услышав это, я проплакала весь вечер...

— Но вы же сотрудничали с ним, — упрямо сказал Фрэзер.

— А что мне оставалось делать? По интеркому передали сообщение: Свейн нуждается в добровольцах, готовых помочь руководству крейсера установить контакт с колонистами. Кто-то должен был взвалить на себя эту тяжелую, неблагодарную работу? Я решила, что смогу смягчить неизбежное противостояние двух сторон и по возможности саботировать приказы Свейна. Это непросто сделать, Марк! Офицеры с «Веги» уже собрали сведения о многих из нас. К счастью, у них нет психозондов, иначе я не смогла бы обмануть их. Но среди экипажа крейсера нашлась пара специалистов по политическому сыску. О, эти умеют спрашивать! Они предупредили, что будут следить за каждым моим шагом, и если я вздумаю противиться приказам адмирала... Я до сих пор вижу в кошмарных снах, как эти иезуиты забрасывали меня вопросами, один коварнее другого. Но я прошла через это, прошла! Впрочем, не это главное... Я сумела удержать горожан от бессмысленного бегства. Знаю, многие презирают меня теперь. Когда я прохожу по улицам Авроры, я словно слышу их мысли: «Если нам удастся избавиться от проклятого крейсера, то эта сука пожалеет, что появилась на свет!»

Девушка, всхлипнув, замолчала.

— Простите меня, Лори, — с раскаянием сказал Фрэзер. Лоррейн не ответила. Казалось, она вот-вот разрыдается.

— Ну и какова сейчас ситуация в городе? — торопливо спросил Фрэзер.

— Странная... Я всегда думала, что оккупация — это нечто ужасное, когда на улицах то и дело звучит стрельба, людей арестовывают по малейшему подозрению и бросают в тюрьму... Но нет, жизнь идет своим чередом. Люди пока еще занимаются своей обычной работой. Они возвращаются домой после очередной вахты, готовят обед, играют в карты, болтают о пустяках... Только некоторые важные объекты в городе охраняются астронавтами

с «Веги». Но и те ведут себя довольно мирно. С этими парнями вполне можно поговорить. Вы знаете, как это бывает: слово за слово, и вы вдруг узнаете, что данный верзила — ваш земляк из Айовы, и вы расспрашиваете его, знает ли он вашего кузена Джо и как выглядит новый космопорт в Де-Мойне.

— Какая идиллия! — с насмешкой прервал ее Фрэзер. — У меня аж в глазах защипало от умиления.

— Нет, нет, конечно, не все так хорошо, — поспешно возразила Лоррейн. — Некоторые из горожан арестованы — из числа тех, кто открыто выражал свое недовольство. Но с ними обращаются совсем не плохо, их даже можно навестить в определенные часы.

— Просто прелесть, а не диктатура. Или бравый адмирал называет ее иначе — скажем, **НОВЫЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ**? Не удивлюсь, если многие из горожан поспешили заверить его в своем искреннем восхищении.

— Да, есть и такие... Только вокруг них с каждым днем растет невидимая стена, глухая, непроходимая... — Лоррейн невесело рассмеялась. — Я говорю вам, будто сама нахожусь в оппозиции властям. Но я действительно сотрудничаю не со Свейном, а со своей совестью!

— Хм... И много вас таких... двуликих Янусов? Только не обижайтесь, Лори.

— Не знаю. Я не очень-то стремлюсь сблизиться с такими людьми, да и они меня сторонятся. Хотя, возможно, это мне только кажется. Большинство колонистов слишком давно покинули Землю и далеко не так наивны в политике, как вы, Марк. Каждый знает, с какой стороны масло на бутерброде, и вряд ли станет швырять его в грязь ради победы демократии. Конечно, если мы сумеем сокрушить Свейна, то все они объявят себя пятой колонной Сэма Халла!

«Подобно вам, Лори?» — неприязненно подумал Фрэзер, но вслух спросил:

— И как много в Авроре таких перевертышей?

— Пара сотен, не меньше. И несколько астронавтов с «Веги». Без их помощи, пусть и пассивной, мы вряд ли сможем взять верх. Большинство же людей будет просто выжидать, опасаясь обстрела города. Время примирит их с новоявленным диктатором и тоже сделает соглашателями.

— Боюсь, люди Хоши могут также дрогнуть, — вздохнул Фрэзер. — Поражение здорово подорвало их дух... Когда начнется производство боеголовок?

— Пока мы занимаемся подготовительными работами. Большая часть процесса может быть автоматизирована, но нужны несколько инженеров для установки оборудования и его запуска. Плюс рабочие на рудниках, плюс перевозка руды, очистка ее и производство изотопов. Все участники проекта будут находиться под непрерывным наблюдением, но изредка мы будем встречаться на технических совещаниях. Никто, я думаю, не испытывает особого энтузиазма, но повиноваться придется. Я постараюсь действовать так неумело, как только смогу, но астронавтов с «Веги» обмануть будет нелегко.

— Неужто весь экипаж крейсера настолько верен своему фанатику-командиру? — с раздражением спросил Фрэзер.

— Увы, да. Кадровый состав крейсеров тщательно отбирается и проходит периодические проверки, включая зондирование мозга. Неудивительно, что все астронавты беспрекословно подчиняются своему адмиралу. Свейну пришлось выбросить за борт лишь троих несогласных.

— Понимаю, — устало сказал Фрэзер. Окружающая тьма угнетающе действовала на него, он чувствовал себя словно в ловушке. — И чего же вы хотите от меня, Лори?

— Марк, вы единственный человек, которому я могу доверять! — пылко сказала девушка. — Если вы поможете мне...

— В чем?

— Вы хороший пилот, один из лучших на Ганимеде.

— Приятно слышать. Вы хотите контрабандой пронести меня в кармане на одну из лунных ракет? Это бесполезно.

— Более бесполезно, чем даже вы думаете, Марк. Все космолеты на всякий случай лишены системы воздухообмена. Они будут установлены вновь лишь по личному приказу Свейна, если потребуются совершить полет на одну из лун.

— Погодите, но у адмирала есть свои космоботы!

— Часть из них уже находится на орбите Ганимеда. Любая попытка нападения на «Бегу» из космоса ими будет отбита. Остальные же шлюпки Свейн послал к другим лунам Юпитера. Не только, кстати, для устрашения, но и для шантажа. Если мы вдруг заартачимся, то колонисты на Ио и Каллисто будут обречены на голод.

— Этот чертов адмирал все продумал... Но зачем же я тогда вам понадобился, Лори? Пусть я и опытный пилот, но дышать вакуумом как-то не научился.

— Я и не говорю о лунных ракетах.

— Тогда о чем?

— Свейн проглядел все-таки один корабль. Он имеет достаточно мощные двигатели и сумеет предупредить Землю, прежде чем его смогут настигнуть.

— Любопытно. И что же это за суперкорабль-невидимка?

— «Олимпия».

— Что-о-о?

Фрэзер от души расхохотался.

— Лори, вы ничего не понимаете в...

— Я знаю, Марк, что вы хотите сказать. Да, полет «Олимпии» был отложен из-за неприятностей с племенем наярр, и потому на борту нет пищи, воды и даже воздуха. Но взлететь-то корабль может!

— Что верно, то верно, — после некоторого размышления согласился Фрэзер. — Даже Свейну не могло прийти в голову такое: бежать с Ганимеда на корабле, предназначенном для полета на Юпитер! Прямо из-под пушек «Веги», без припасов и с небольшим количеством горючего — да, для этого надо быть еще безумнее, чем наш бравый адмирал. Хотя, если протащить на борт «Олимпии» все самое необходимое...

— Я не знаю, как это сделать, — призналась Лоррейн. — У меня не было времени об этом подумать. Но вместе мы найдем какой-нибудь путь. Вы сможете управлять «Олимпией», Марк?

Тот только презрительно хмыкнул в ответ.

— Как я попаду на борт, вот в чем вопрос, — после паузы сказал он. — Сэм Хоши уходит к горам на рассвете, а что делать мне?

— Марк, пойдемте со мной! В Авроре вам ничего не грозит. Из-за подготовки к эвакуации там царит настоящий бедлам. Да и людей с «Веги» там немного — Свейн на всякий случай держит на борту крейсера большую часть экипажа. Вы... вы можете скрываться в моей квартире. Там мы все продумаем и составим план действий. Нам придется слегка похудеть, деля мой паек пополам, но это пустяки. Марк, я не буду обвинять вас, если вы откажетесь! Вы человек семейный, а я одинока, и это разные вещи. Но это единственный выход, который я смогла найти.

«Быть снова свободным!»

Нет, это слова из какой-то мелодрамы. Фрэзер подумал, что ему предстоит сделать, и внутри его все похолодело. Насколько приятнее такие вещи наблюдать по телевизору! Конечно, капитан Манли Валиант, Ужас Космических Глубин, справился бы с этим делом одним мизинцем. Он напялил бы поверх скафандра какое-нибудь рубище, нагрузил на тачку несколько тонн груза, запросто прошел бы мимо охраны, а затем прыгнул в раскрытый люк (предварительно швырнув туда тачку) и был бы таков. Он же, Марк Фрэзер, был солдатом разгромленной армии, на его руках умер давний друг Пат Махони. Дома его ждали Ева и двое ребятишек, и это заметно умеряло его геройский пыл. Некогда в молодости он работал в арбитражном суде, изнывая от скуки, но при необходимости вновь этим мог бы заняться. С возрастом он стал понимать, что жизнь не обходится без компромиссов. Нет, дружище, ты не герой, и нечего строить из себя бравого космического волка, которому все нипочем.

Но Свейн явно жаждет его головы! Лоррейн говорит, будто он как участник переговоров удостоен амнистии. Хм... но если он вернется в Аврору и будет арестован, то колонисты вряд ли поднимут восстание, чтобы спасти его. Тюрьмой дело тогда вряд ли обойдется. Свейн разъярен тем, что ему пришлось пойти на компромисс, и наверняка устроит нечто вроде публичной казни — в назидание другим бунтарям.

Лоррейн потрясла его за руку.

— Так что вы собираетесь сделать, Марк? Фрэзер с трудом оторвался от своих мыслей.

— Надеюсь, я помещусь в вашей квартире, — улыбнулся он. — Кстати, у вас там не завалилось какой-нибудь пилюли удачи? Мне бы она не помешала...

Глава 12

Теоретически Фрэзер мог бы ночевать в небольшой гостинице Авроры, обедать в столовой и мыться в городской бане. Практически же уединение было ему жизненно необходимо. Квартира Лоррейн была крошечной, но имела все удобства. В городе не было принято ходить друг к другу в гости без предупреждения, так что неожиданных гостей можно было не опасаться. Тем более что Лоррейн находилась под необъявленным бойкотом большей части населения.

И все же здесь было тесновато. Как и другие холостяцкие квартиры, она состояла из небольшой спальни, миниатюрной кухни и душа. Повернуться Фрэзеру было буквально негде. Еще хуже был постоянный голод, и лишь тонизирующие таблетки помогали ему сохранить бодрость. Первая совместная ночь оказалась не столь интригующей, как ему представлялось: часов до двух они обсуждали план бегства, а затем Марка сморил сон, и он улегся на пол. И хотя такая «постель» при пониженной гравитации была не столь уж неудобна, спал он плохо.

Проснувшись утром, он увидел, что Лори уже ушла. Весь день он мерил шагами комнату, чувствуя себя словно в ловушке. Его навестил Сэм Хоши. Фрэзер передал ему письмо для Евы. Узнав о его планах, лидер колонистов не стал стесняться в выражениях.

— Только недоумок может связаться с бабой типа Лоррейн, — закончил он. — Что, она другого мужика не смогла себе подобрать?

Ты, брат, человек семейный, соображать надо...

— Сэм, о чем вы говорите? — негодуя воскликнул Фрэзер, слегка, впрочем, покраснев. — Мы оба думаем о спасении колонистов! Армия наша разбита, надеяться, кроме как на помощь с Земли, не на кого. На «Олимпию» Свейн внимания не обращает, поскольку она находится рядом с его крейсером. Грех этим не воспользоваться!

— Вот пусть эта красотка и воспользуется, — недовольно буркнул Хоши. — Помнится, для высадки на Юпитер специально готовились двое парней, не так ли?

— Да. Но один из них напал на астронавта с «Веги» и сейчас на: годится в тюрьме. А второй... второй недостаточно надежен. Я же с «Олимпией» справлюсь. На Земле мне не раз приходилось управлять батискафами, а этот космолет построен по их типу. В случае, если за нами пошлют погоню, мы сможем спрятаться в атмосфере Юпитера, и это тоже плюс.

Хоши угрюмо молчал.

— Поймите, Сэм, я вовсе не набиваюсь в герои! Если бы кто-нибудь захотел взяться за это дело, я с удовольствием отдал бы ему все лавры и тернии. Но такого добровольца сейчас в Авроре не найти. Шансов у нас с Лори мало, но они есть. Есть!

В конце концов Хоши со вздохом пожал ему руку.

— Ты молодец, Марк. Не обращай внимания на мое нытье — сам понимаешь, каково мое настроение. Обещаю, если с тобой что-нибудь случится, о Еве и ребятишках я позабочусь.

Хоши ушел, и Фрэзер вновь остался наедине со своими сомнениями. Сможет ли жена понять его?

С трудом он заставил себя вернуться к проблемам, которые казались неразрешимыми.

Вопрос 1. Несколько охранников постоянно дежурят на поле возле «Веги». Они заметят любого, кто подойдет к «Олимпии», тем более если он будет везти ту самую тележку с тремя тоннами груза. Стрелять же эти ребята, увы, умеют...

Вопрос 2. Мой скафандр реквизиrowали при входе в город. Обещали вернуть после ухода армии колонистов, но это будет не скоро. Правда, у Лори есть запасной, но он тесноват. Добежать до «Олимпии» в нем можно, но лететь к Земле?..

Вопрос 3. Охранников можно отвлечь, если Лори сумеет найти добровольцев, готовых пожертвовать собой. Но подобрать таких людей непросто, особенно если учитывать, с какой подозрительностью относятся горожане сейчас к девушке. Пока суд да дело, кто-нибудь из местных доброхотов может объяснить Свейну, что «Олимпия», несмотря на экзотические обводы, все-таки не батискаф, а космический корабль.

Вопрос 4. Как только Лори начнет действовать, соглядатаи наверняка это заметят. Если сюда, в ее квартиру, будут часто заглядывать посторонние люди, это вызовет подозрение.

Подобных вопросов было немало.

«И зачем я так легко клюнул на это безумное предложение? — в который раз упрекнул Фрззер себя. Да, «Олимпия» рядом, но с таким же успехом она может находиться на Альфе Центавра. Нет, погоди. Надо возвратиться к самому началу и спокойно все проанализировать с другой точки зрения. Вопрос 1...»

Фрззер заставил себя успокоиться, сел на кровать и, закрыв глаза, задумался. Через несколько минут он нашел решение.

Лоррейн пришла только к вечеру. Тщательно закрыв за собой дверь, она с надеждой взглянула на Фрззера.

— Привет, Марк. Как дела?

Ее голос был усталым, под глазами лежали тени. И все же Фрззер не без удовольствия заметил, что девушка выглядела безукоризненно — Лори следила за своей внешностью более тщательно, чем любая записная красотка.

— Дела идут неплохо, — бодро сказал он. — Я все-таки нашел решение этой задачки!

— Что?!

Девушка шагнула к нему и в порыве восторга обняла за плечи. У Фрззера екнуло сердце. От аромата духов у него слегка закружилась голова.

— Погодите, погодите, Лори, — пробормотал он, отстраняясь. — Нам надо все обсудить. Быть может, я что-то проглядел...

— Нет, нет, я уверена, что все в порядке! — торопливо сказала девушка и, подойдя к буфету, достала из него бутылку вина и два бокала. — Неужели скоро весь этот ужас будет позади? Предлагаю это отметить, Марк.

— Э-э... я же совсем не пью, Лори. Пилотам такие вещи на пользу не идут, особенно если учесть мой возраст. Но вы можете отпраздновать за двоих, я не возражаю.

Девушка озадаченно посмотрела на него.

— Хорошо, — сказала она, — только сначала я приготовлю что-нибудь вкусненькое на ужин. Кое-что мне удалось припрятать. И вот еще что, Марк, — она слегка покраснела. — Я бы хотела переодеться.

— Конечно!

Фрззер поспешно ретировался в душевую. Когда Лори позвала его, ее было уже не узнать. На девушке было короткое облегающее темно-синее платье с роскошной брошью в виде кометы. Золотистые волосы были распущены, на шее сверкало ожерелье... Фрззер мысленно перекрестился и попытался вызвать образ Евы с ребятишками, но это ему не удалось.

Они уселись за овальным столиком, на котором соблазнительно были разложены диковинные для Ганимеда яства: розовые кружочки ветчины, консервированные омары и несколько апельсинов. И среди них переливались два хрустальных бокала с вином темно-вишневого цвета...

Фрззер с большим трудом удержался от соблазна выпить, зато закуске отдал должное.

Насытившись, он удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Девушка не отрываясь смотрела на него, держа в руках бокал.

— Так что же вы придумали, Марк? — наконец спросила она.

Только сейчас он разглядел за ее спиной висевшую на стене фотографию. Обычно колонисты предпочитали сентиментальные земные пейзажи, но Лоррейн оказалась исключением — из мягкой мглы светилось серебристое облако туманности NGC 5457. На Фрэзера это подействовало отрезвляюще. Нет, они разные, совершенно разные...

— Проблема в целом делится на две части. Первая состоит в том, чтобы проникнуть на корабль незамеченными, прогреть двигатель и взлететь прежде, чем орудия «Веги» начнут огонь. Вторая — в том, чтобы оснастить «Олимпию» всем необходимым для длительного перелета.

Лоррейн кивнула, внимательно глядя на него.

— Насколько я понимаю, в Авроре еще не отключены линии связи с другими поселениями Ганимеда. Это верно?

— Да. По крайней мере, в моем распоряжении находится передатчик, с помощью которого я поддерживаю связь с рудниками. При желании я могу улучшить момент и войти в контакт с кем угодно. Только с кем?

— Скажем, с руководством Блоксберга. Этот городок находится на другой стороне Ганимеда — не думаю, что Свейн сумел добраться до него. Глава его администрации Том Гебхард был с нами во время атаки на крейсер и, уверен, не откажется нам помочь. Кстати, с его помощью можно будет связаться и с Сэмом Хоши.

— Вы попросите людей из Блоксберга подготовить все необходимые припасы для нашего перелета?

— Именно так. Ящики с грузом можно будет забросить в люк за пять минут, а уж в космосе я разберусь, что к чему. Не так много мне и надо: воздух, еда, вода и кое-какое навигационное оборудование. Стимулирующие таблетки тоже пригодятся.

— Вот что вы задумали... «Олимпия» взлетит, выйдет на орбиту, а затем приземлится возле Блоксберга?

— Да. Но сначала я облечу вокруг Юпитера — тогда космоботы Свейна вряд ли сумеют проследить мою траекторию до конца. Адмирал скорее всего решит, что я направляюсь к одной из лун за помощью, и будет ждать меня где-нибудь около Ио или Каллисто. А я тихо-мирно вернусь к Ганимеду.

— Недурно задумано... Но откуда у Гебхарда может оказаться навигационное оборудование?

— У него ничего подобного и нет. Но недалеко от Блоксберга находится старый космодром, который и сейчас используется в непредвиденных случаях. Там на приколе стоят несколько выработавших свой ресурс лунных ракет. С них можно снять все необходимое.

— На это потребуется время, Марк. Вы должны дать людям Гебхарда хотя бы несколько циклов.

— А я и не собираюсь спешить с возвращением. Как вам нравится мой план?

— Отлично... но как же насчет его первой части? Как проникнуть в «Олимпию»?

— Для начала вы должны вывести меня из города. Это возможно?

— Хм... Свейн после неудавшейся атаки на крейсер стал крайне осторожен. У всех выходов стоит охрана, и без специального пропуска отсюда не выйти. О том, чтобы раздобыть краулер, я и не говорю — теперь ни одна машина не уходит в рейс без сопровождения астронавтов с «Веги».

— Мне не нужен краулер, я уйду пешком. С собой я возьму только сумку с инструментами.

— Что ж... я могу придумать правдоподобный предлог, чтобы выйти вместе с вами из

Авроры. Скажу Свейну, что получила сведения о саботаже на одном из рудников и хочу осторожно разведать, так ли это. Предупрежу, что с собой мне нужно взять некоего Криса Койлтера, техника-измерителя, и переносное контрольное оборудование. Охранники знают меня в лицо, но вряд ли сообразят, что вы тот самый Марк Фрэзер, который руководил отрядом мятежников. Я помогу вам пробраться в «Олимпию» и... и полечу с вами в Блоксберг!

— Что? Но тогда вам не миновать тюрьмы? — протестуя, воскликнул Фрэзер.

— Боже, да после взлета «Олимпии» я буду там в большей безопасности, чем в Авроре! Любопытно, что сделает Свейн, когда узнает о нашем бегстве? Против космофлота Земли он бороться не сможет, так что ему останется либо капитулировать, либо сделать из жителей Ганимеда заложников. Но в любом случае он проиграет.

— Вашими бы молитвами... — улыбнулся Фрэзер. — Что ж, от помощи не откажусь, хотя вы здорово рискуете, Лори.

— Пустяки. Меня волнует другое — как проникнуть в «Олимпию»? Едва мы выйдем из города и направимся к ней...

— Нет, мы сделаем иначе. Вы останетесь ждать меня в тени под ее опорами, а я побегу в дальний конец взлетного поля. Заберусь в одну из лунных ракет, отключу систему безопасности и, закрыв сопла, включу двигатель.

— Что-о-о? Да корабль же взорвется!

— Да, но не настолько же сильно, чтобы повредить все космолеты вокруг. И все же фейерверк будет славный!

Лоррейн взволнованно вскочила.

— Марк, но это же очень опасно! Вы можете погибнуть!

— Риск, конечно, есть. Но прогрев двигателя займет несколько минут. Когда после взрыва начнется суматоха, мы под шумок проникнем в «Олимпию» и включим ее двигатели. Вряд ли ребята с «Веги» заметят это.

— Нет, это опасно, опасно...

— Не будьте ребенком. Лори... — Марк наклонился и ласково погладил ее руку. — Я все рассчитал. За полторы минуты я добегу до «Олимпии», секунд тридцать уйдет на открытие грузового люка...

— Больше, Марк, куда больше! Он находится довольно высоко над землей, так что вам придется карабкаться по опоре и, держась за нее одной рукой, другой открывать плотно задраенный люк. Впрочем, вдвоем мы управимся быстрее.

Она замолчала и посмотрела на Фрэзера таким колдовским взглядом, что у него вновь закружилась голова. Не осознавая, что делает, он наклонился и поцеловал девушку.

Лоррейн сначала отшатнулась от неожиданности, затем ответила ему не менее страстным поцелуем. Затем высвободилась с нервным смехом.

— Вы уверены, что не хотите выпить, Марк?

— Н-нет... В этом приятном деле вам придется действовать за двоих.

Остаток вечера прошел чудесно. Они проговорили до полуночи, и Лоррейн много рассказала ему о своей прежней жизни. Фрэзер больше слушал, время от времени вызывая перед своим внутренним взором образ Евы. Это удалось ему настолько хорошо, что в конце концов, не обращая внимания на разочарованный взгляд Лоррейн, он вновь улегся спать на полу.

Глава 13

На запад — и вверх. Где-то за прибрежными скалами находился хребет, который наярры называли Неистовыми горами. Там, возможно, все еще странствовала армия Вальфило в поисках пути к равнинам Мендалона. Но догнать их было нельзя.

Тем не менее Теор упрямо продолжал карабкаться вверх по каменистым кручам. Ему просто не оставалось ничего другого — разве что лечь и умереть. Холодный ветер бил в

лицо, бросая навстречу клочья красного тумана. Этот туман сокращал видимость до нескольких шагов, стелясь мерцающими облаками между ледяными скалами. В таких диких местах Теору еще не приходилось бывать. Где-то направо шумел горный поток. Он подумал: может, добраться туда и половить рыбы? Вероятно, другой пищи в ближайшее время найти не удастся. Но, поразмыслив, он отказался от заманчивой идеи — слишком велики шансы заблудиться в каньоне. Или даже провалиться в какую-нибудь расщелину, закрытую туманом. На Юпитере с его повышенной гравитацией это еще опаснее, чем на Земле.

Теор миновал небольшой лесок и после долгого, изнурительного подъема оказался на обширном плато, на вид совершенно пустынном. То и дело накатывались приступы головокружения, в жабрах ощущалось болезненное жжение. Причина этого была ясна. Из-за большой гравитации атмосферное давление уменьшалось с высотой очень быстро. Он поднялся всего на милю над уровнем моря, а концентрация необходимого для дыхания водорода снизилась почти вдвое. Каждый шаг теперь давался наярру с трудом, приходилось часто останавливаться, опускаться на колени и отдыхать, содрогаясь от бурных ударов сердца.

Горы такой высоты были редкостью на Юпитере. В коре планеты постоянно накапливались фантастические количества энергии, которая высвобождалась в виде землетрясений, вулканических извержений, гейзеров. В атмосфере постоянно бушевали чудовищной силы бури — одна из них, занимающая круг диаметром около 30 тысяч миль, была названа людьми Большим Красным Пятном. Однако гравитация и эрозия заметно подавляли горообразовательные процессы.

Памятуя об этих рассуждениях Фрэзера, наярр надеялся, что до перевала не так далеко и удастся добраться до него, не растеряв последних остатков сил. Но путь в никуда казался бесконечным, и Теор вскоре потерял представление о времени. Широкими зигзагами, в обход скал, он упрямо шел вверх, почти не глядя по сторонам. Он смутно сознавал, что по этим диким местам еще не проходило ни одно живое существо, но у него не было сил удивляться. Он окончательно ослабел от голода, и только мысль о том, что Линанта и Порс ждут его помощи в осажденном городе, заставляла его передвигать отяжелевшие ноги.

Подняв голову, он посмотрел вперед, но увидел лишь стену ущелья, испещренную жилами различных минералов. Испарения аммиака, поднимавшиеся с поверхности моря, конденсировались в атмосфере и, осаждаясь в виде дождей, давали начало бесчисленным горным потокам и ручьям. Частично они успевали замерзнуть и создавали нагромождения снега и льда, которые очень мешали Теору. Дышать стало еще труднее — из-за острого, неприятного запаха.

Зато мгла стала отступать. Несмотря на ночь, в горах было почти так же светло, как днем на равнине. Но Теору это мало помогало — он использовал для ориентации в основном инфракрасное излучение предметов, а на этой высоте камни блестели совсем иначе, чем на относительно теплой равнине Мендалона.

Остановившись передохнуть, наярр в сотый раз щелкнул переключателем на диске коммуникатора. На его призыв завыванием ответил только ветер. Хотя чем мог бы сейчас помочь Марк? Ничем. И все же голос друга подействовал бы на Теора успокаивающе...

Придя в себя, Теор продолжил свой нескончаемый путь. Силы были на исходе. Он понимал, что гибель близка, и в глубине души даже радовался скорому концу мучений. И только воспоминание о семье заставляло его брести вверх по осыпающимся кручам.

Туман вновь стал сгущаться, окрасившись в бурый цвет. Ветер стих, но откуда-то сверху неся прерывистый свист. Едкий воздух жег жабры до боли. «Здесь не должно быть вулканических газов — что же это тогда? — с тревогой подумал он. — Какие дикие места... Однако старики поговаривали, что где-то здесь обитает Скрытный народ и творит среди облаков свое колдовство...»

Навстречу ему внезапно понесся воздушный поток хлопьев, совсем непохожих на снег. Теор протянул руку и поймал одну Из снежинок. К его изумлению, она зашевелилась на ладони. Оказалось, что она состояла из крошечных восьмиконечных звездочек, и они были

живыми существами! Теор тщательно обследовал их усиками. Запах был незнаком, но острый голод заставил положить снежный комочек в рот. Вкус оказался чуждым и неприятным, но желудок принял эту ничтожную порцию пищи и потребовал еще.

И только тогда Теор осознал, насколько все это невероятно. Здесь, высоко в горах, не могло быть ничего живого! Но было. И не легендарные летуны Скрытного народа, в которых он никогда не верил, а еле различимые глазом «звездочки». Они могли спасти его от голодной смерти — только как поймать достаточное количество снежинок? Дома он легко решил бы эту проблему, сделав мешок из листьев дарвы. Здесь же, среди скал, не было заметно и следа растений. Хотя... Раз здесь был один вид живых существ, то могли встретиться и более высокоорганизованные животные. Может быть, он входил в некий высокогорный слой биосферы, о котором наярры даже и не подозревали?

Вновь он услышал откуда-то сверху пронзительный свист и насторожился. Этот звук вполне могло издавать какое-нибудь живое существо. Или... Теор вспомнил легенды о Скрытном народе и поежился, но затем вновь продолжил подъем — что еще оставалось делать?

Облака стали сгущаться. Наярр некоторое время шел, глядя в небо, и потому едва не свалился в пропасть. Оказалось, что он вышел на край горы. Вниз уходила крутая, гладкая стена, словно обрубленная гигантским топором. Ее поверхность влажно блестела от налипшего тумана. Теор подобрал обломок льда и швырнул в пропасть. Он услышал удар о стену, второй, третий... Момента, когда осколок упал на дно, не заметил. Содрогнувшись от ужаса, Теор понял, что находится в верхней точке подъема и, скорее всего, в конечной. Дальше пути не было.

— Уш! — обругал он себя. — Умереть я всегда успею, надо идти, пока остались силы.

Он осмотрел гребень хребта — тот заметно опускался в восточном направлении. Туда и пошел, стараясь не смотреть в пропасть. Теперь ветер дул в лицо, осыпая крупными хлопьями «звездочек». Внезапно позади послышался уже знакомый резкий свист. Теор оглянулся и с проклятием отпрыгнул в сторону. Притаившись за уступом скалы, выхватил нож. Из тумана вынырнуло живое существо и, не обратив на наярра внимания, промчалось над пропастью и исчезло. Землянин мог бы сравнить это животное с длинными плавниками и кустом усиков вокруг огромного рта с китом. Теор же не видел ранее ничего подобного. Несколько минут он выжидал, пытаясь прийти в себя.

«Вот еще одна форма жизни — да еще какая! — ошеломленно подумал он. — Никогда не думал, что такие монстры могут плавать в облаках. Выходит, мы обитаем на дне необъятного воздушного океана, полного поразительных существ!»

Он вспомнил рассказы Фрэзера о том, что приборы землян регистрировали в верхних слоях атмосферы Юпитера наличие большого количества микроорганизмов. Тогда Теору это сообщение показалось неинтересным. Что за важность, если где-то над облаками летают мириады крошечных существ, которых даже нельзя разглядеть? Только теперь он понял, что именно эти незаметные глазу живые песчинки могли послужить пищей для более крупных животных.

Будь Теор менее усталым, он вспомнил бы рассуждения Фрэзера на эту тему. По словам землянина, даже на значительных высотах воздух на Юпитере сжат настолько, что способен удерживать предметы довольно значительного удельного веса. Немало здесь было и распыленных веществ, скажем, соединений натрия, которые и придают Юпитеру его роскошный цветной наряд, а также частиц распавшихся в пыль микрометеоритов. Кроме того, верхний слой атмосферы принимал энергии извне больше, чем отдавал поверхности планеты, и потому был способен поддерживать синтез на основе водорода и аммиака. Все это могло послужить источником существования простейших форм жизни. Марк еще говорил, что на его родной Земле все было иначе: жизнь зародилась в океане и только много позже распространилась в атмосфере до больших высот.

Но сейчас наярру было не до подобных отвлеченных рассуждений. Он едва держался на ногах от голода и усталости, и никак не мог придумать, как преодолеть пропасть. Задача

казалась неразрешимой...

Вскоре он увидел, как из тумана выросла отвесная стена, преграждая ему путь. Обойти ее было невозможно.

«Надо вернуться и поискать новый путь, — вяло подумал Теор. — Только что толку? Лучше потратить оставшиеся силы, вспоминая все лучшее, что было в моей жизни... Но погоди... А это еще что?»

Только сейчас Теор разглядел колеблющуюся массу, лежащую у подножия стены. Дерево? Нет, но чем-то похоже...

Он подошел ближе и увидел огромный лист, почти квадратной формы со сторонами длиною не менее четырех футов. Его поверхность казалась выпуклой, но, приглядевшись, наярр понял, что лист просто лежит на валуне. Из углов тянулись толстые пушистые нити, опутывающие лежащее рядом бородавчатое «бревно». Когда Теор попытался поднять его, выяснилось, что оно почти такое же тяжелое, как и он сам.

Наярр озадаченно задумался. Что же за гигантское растение могло разбрасывать в воздухе эти летающие «парашюты» с семенем? Он приподнял край листа и увидел, что его наружная поверхность вполне могла собирать энергию солнечных лучей, а внутренняя, пушистая, — впитывать аммиак и минеральные соединения из облаков.

Теор попытался вскрыть ножом бородавчатое «бревно» — внутри могли находиться питательные вещества, — но оболочка оказалось твердой, как камень. Вскоре он оставил бесполезные попытки и задумался: а не сделать ли из листа мешок для ловли летающих «звездочек»? Оставшуюся часть вполне можно было бы использовать как одеяло. Ведь он так долго страдал от холода...

Внезапно сильный порыв ветра приподнял лист, и Теор едва удержал его за длинные нити. Наярра поволокло к краю пропасти. «Положись на свое счастье, — сказал он себе. — Ты ведь не раз летал на форгарах. Вспомни о Линанте и Порее, они так ждут твоей помощи!»

Нож дрожал в руке, когда он обрезал нити, освобождаясь от тяжелого бревна. Пальцы немедленно покрыл липкий сок. Нити стали выскальзывать из рук, и тогда Теор лихорадочно обвязывал их вокруг своего туловища. И вовремя — ветер поднял лист, и тот, словно парашют, потащил его по льдистому склону, постепенно поднимая в воздух. Мимо мелькали иззубренные камни. Ударившись о любой из них, наярр мог бы погибнуть, и при невезении не сразу, а после страшных мучений. От этой мысли Теор изо всех сил натянул «стропы» и постарался как можно плотнее прижаться к листу. Нити больно врезались в его тело, так что он едва не закричал. Но вскоре сорвался с края скалы и поплыл над бездной.

Фрэзер ничего не рассказывал ему о восходящих потоках воздуха — на равнинах Мендалона они были редкостью и не отличались особой силой. Здесь же, в горах, где давление было низким, и перепады температур — значительными, тепловые потоки способны были создавать заметную подъемную силу. Она во многом определяла траекторию полета «парашюта» Теора, но тот мог только беспомощно висеть на месте семени этого летающего существа и надеяться на удачу.

Сильный порыв ветра подхватил наярра и понес ввысь, в клубящиеся облака, над которыми, казалось, была бездонная пустота.

Глава 14

Звучал ли этот странный звон в его помутившейся голове, или откуда-то из ночи к нему неслась смерть?

Теор открыл глаза и увидел крылатые тени, вынырывающие из облаков аммиака и вновь исчезающие там. Это их пронзительный свист смешивался с шумом ветра и звоном туго натянутых «строп».

Наярр не знал, как долго продолжался полет, поскольку некоторое время находился в полубессознательном состоянии. Но постепенно ощущение реальности вернулось к нему, и тогда он понял, что воздушный поток несет его вниз, к противоположной стене ущелья.

Внезапно он вырвался из облаков и едва не ослеп от яркого инфракрасного сияния Солнца, низко висевшего над горизонтом. Теор впервые увидел полукруг радуги, создаваемый лучами, проходящими через пыль из мельчайших ледяных кристаллов. Далеко внизу была видна огромная страна, серая, неровная, переходящая на востоке в коричневые полосы лесов. Дальше небо озарялось красными сполохами — вероятно, от извержений вулканов. Сейчас они были окутаны мглой, да и Теору вскоре стало не до них.

Его окружали странные летающие существа длиной фута три. Тела их были плоскими, рыбообразными, с двумя крюкообразными когтями. Змеевидные шеи увенчаны остроносими головами с небольшими глазками. Сначала казалось, что это дикие животные, но вскоре Теор разглядел у них по паре рук с длинными пальцами. Некоторые из летунов несли веревки, остальные — гарпуны.

«Скрытный народ, — похолодел Теор. — Выходит, рассказы об этом племени — не только легенды...»

Сопротивляться здесь, высоко в воздухе, было бесполезно, и наярру оставалось только безропотно ожидать, что с ним будут делать летуны. Крылатые существа вихрем носились вокруг, пронзительно пересвистываясь. Горловых мешочков у них не было — значит, они производили звуки с помощью рта. Не было видно у них и жабер. «Похоже, Скрытный народ дышит таким же способом, как и земляне, — подумал Теор. — Марк, Марк, где ты... Я помню твои рассказы об эволюции на Земле. Неужели нечто подобное происходило и здесь? И некогда у нас, наярр, и у Скрытного народа были общие предки?»

Поначалу летуны не проявляли агрессивности, и Теор стал надеяться, что ему разрешат спуститься. Но внезапно его туловище обвили арканы — один, второй, третий... Наярр и не пытался отбиваться — нацеленные на него гарпуны выразительно говорили, что это бессмысленно. Петли опутали и его передние ноги. Натянув веревки, летуны потащили его за собой, словно взяв на буксир. Крылья с шумом били о воздух. От боли в тесно стянутой груди Теор потерял сознание, но чуть позже ему полегчало. И тогда он решил расслабиться и немного отдохнуть. Как знать, быть может, у него еще будет шанс на спасение?

Вдали появилось странное сияющее облако. Один из летунов ринулся вперед и вскоре вернулся, о чем-то пронзительно свистя. Ему ответил хор голосов, но Теор, как ни пытался, не мог понять ни единого слова.

Увидев, куда его тащат, он не удержался от изумленного крика. Это было невероятное скопление светящихся шаров, какой-то силой спрессованных в плавающее в небе облако толщиной в сотню футов и около полумили в диаметре. Верхняя поверхность этого летающего города была усеяна бесчисленными округлыми вмятинами, похоже, служившими

летунам гнездами.

В одно из таких гнезд и принесли Теора. Пузырчатая поверхность слегка прогнулась под его ногами. Наярр пошатнулся и увидел, как на него угрожающе нацелились острия гарпунов. Двое летунов обрезали острыми обломками костей «парашютные стропы», а затем и веревки, сжимавшие его торс. Пути на ногах предусмотрительно оставили. Теор усмехнулся — неужто пленители всерьез считали, что он попытается бежать?

Несколько летунов все еще кружились над его головой, о чем-то возбужденно пересвистываясь. Надо им как-то ответить, вяло подумал Теор, но силы совсем оставили его. Не обращая внимания на происходящее, он закрыл глаза и погрузился в дрему.

Его разбудил рассвет. Некоторое время Теор тупо озирался, не понимая, где находится. Но постепенно вспомнил, что находится в летающем городе Скрытного народа!

Летуны сутились в гнезде, занятые своими делами, и не обращали на него внимания. Теор рискнул выбраться наверх. С трудом передвигая спутанными ногами, он поднялся по пологому склону и вскоре вышел на край гигантского пузырьчатого облака. Далеко внизу курилась утренним туманом равнина Мендалона. Теор увидел на юге горы Джоннари, тянувшиеся до самых подножий могучего хребта Дикой стены. На севере дымились иззубренные жерла вулканов. Отсюда, с огромной высоты, все это казалось непривычно маленьким, туманным и недостижимым...

Упругие шары под его ногами мягко колыхались на ветру. Пушистые облака неспешно проплывали мимо, уходя к дуге океанского берега, неясно вырисовывающегося на западе. Теор вспомнил о своих приключениях на море и сразу же потерял охоту любоваться потрясающей панорамой. Повернувшись, он поплелся назад.

Летуны — как ему показалось, в основном женщины и молодежь, — неустанно трудились в своих гнездах. Одни из них расстилали полосы мяса на сушку, другие очищали странного вида фрукты, третьи свивали веревки из волокон незнакомых Теору растений. Рядом стояли искусно сплетенные корзины. Инструментами служили обломки трубчатых и хрупких на вид костей. К Теору немедленно подскочил мужчина с гарпуном и, угрожающе жестикулируя, заставил быстрее идти к своему гнезду. Древко его оружия было собрано из тех же трубчатых костей, а наконечником служил остро отточенный клык какого-то животного.

От голода и недостатка воздуха Теор все еще туго соображал, но сон немного приободрил его. «Бедные варвары, — с жалостью подумал он, — да вы менее цивилизованны, чем даже Лесные люди! Ну конечно, у вас нет ни льда, ни минералов, ни даже древесины. Похоже, вы не рискуете спускаться на поверхность и живете только на этих высотах».

Пожалуй, лишь сам летающий город мог вызвать восхищение. Составляющие его легкие шары, по-видимому, были сорваны с каких-то плавающих в воздухе растений. Естественным путем они не могли собраться в такое гигантское облако — это было явно дело рук многих поколений летунов. Но что соединяло шары друг с другом — неужто клей? Теор мог только догадываться об этом.

Его взгляд остановился на веревках, стягивающих передние ноги. Как ни странно, летуны оставили нож на поясе, даже не заинтересовавшись им или просто не разглядев в темноте. Теор мог легко освободиться. Но почему его связали — из осторожности, или причина была в чем-то похуже?

Громкий пересвист заставил его поднять глаза к небу. На край гнезда спустились двое мужчин с гарпунами в руках. Теор невольно залюбовался их странными, завораживающими глазами и вспомнил фантастические истории, которые старики рассказывали о Скрытном народе. Жаль, что они оказались лишь легендами...

— Приветствую вас! — сказал он, но не получил ответа. Вряд ли летуны знали язык наярр, ведь контакты между двумя расами могли быть лишь случайными и мимолетными. Скорее всего только из-за ранений или болезни эти крылатые существа могли иногда спускаться вниз, на равнину — к мраку, удушливо густому воздуху и невыносимой жаре. Но

вряд ли даже эти немногие летуны сумели вернуться к сородичам и рассказать о иной жизни и других племенах.

Трое охранников о чем-то возбужденно пересвистывались — их мелодичный разговор показался Теору прекрасной песней. Но внезапно они подняли гарпуны и угрожающе двинулись к наярру.

Теор невольно отшатнулся. Спутанные ноги подкосились, и он упал.

— Чего вы хотите от меня? — в отчаянии воскликнул он. — Зачем вы принесли меня сюда, если хотели просто убить? Неужто вы, подобно улунт-хазулам, не имеете понятия о жалости и сострадании?

Охранники переглянулись, явно ничего не поняв из его слов. Да и смешно было — надеяться, что взаимопонимания удастся достигнуть в первый же день. Теор вспомнил, каким трудным был путь навстречу друг другу между наяррами и землянами. Немало циклов потребовалось, чтобы наярры стали воспринимать звуки, издаваемые небесными камнями, как речь других разумных существ. Вряд ли летуны знали о поверхности Юпитера больше, чем люди с Ганимеда...

Теор решительно выхватил нож и одним движением разрезал веревки, опутывающие передние ноги. Охранники, не ожидавшие от пленника такой прыти, замерли. Наярр вскочил на ноги и, подняв нож, протянул к летунам другую руку с растопыренными пальцами.

— Я такое же живое существо, как и вы, — четко сказал он. — Я произношу слова, а не издаю бессмысленные звуки подобно диким животным. Взгляните на мои пальцы — разве они могут принадлежать твари, лишенной мозга?

Он старался не двигаться, чтобы не испугать летунов. Им ничего не стоило вонзить гарпуны между его ребер, и даже странно, что они еще этого не сделали. Возможно, они ждали дневного света, чтобы толком рассмотреть пленника.

Теор указал на пояс, стягивающий его торс, и на диск коммуникатора.

— Посмотрите на эти вещи — животные не могут иметь ничего подобного. И еще вспомните, как хитро я сумел лететь в воздухе, привязав себя к листу дерева. Неужто это не доказывает мою разумность?

«Вряд ли эти дикари сознают различие между собой и остальными живыми существами, — безнадежно подумал он. — Они не способны даже удивиться, что пойманное «животное» ведет себя столь разумно».

Но летуны, как оказалось, были весьма озадачены его поведением. Один из охранников опустил гарпун и, повернув к нему свой изогнутый клюв, что-то просвистел, явно обращаясь к пленнику. Наярр покачал головой.

— Прости, друг, но я не понимаю тебя. Хотя... помнится, земляне начали контакт с того, что показали нам множество рисунков.

Он окончательно снял с себя веревки и на одной из них стал завязывать узлы. Затем опустился на колени и выложил на одном из шаров контур, в котором можно было без труда узнать голову летуна. Это произвело на охранников ошеломляющее впечатление. Обрадовавшись, Теор вскочил на ноги, и летуны немедленно в испуге взвились в воздух. Теор замер, не зная, что делать. Охранники кружились над ним, размахивая гарпунами, но никто из них не сделал рокового броска.

Успокоившись, Теор выразительно указал на свой рот, давая понять, что голоден. Летуны поняли его и один из них улетел к центру города. Он вернулся с куском мяса и несколькими шаровидными плодами. Они содержали едкий сок, которым наярр наконец-то смог утолить мучившую его жажду. Поев, он окончательно успокоился — вряд ли его накормили, чтобы убить.

Действительно, один из охранников вскоре спустился на край гнезда и начал делать знаки, которые можно было понять так: говори, я слушаю. Теор, жестикулируя, стал объяснять, что живет на поверхности и его дом там, на горизонте, где светятся огни вулканов. Он дал понять, что хочет туда — конечно, о далеком Наярре и речи идти не могло. Но остатки армии Вальфило, по его представлению, скрывались где-то в лесах за вулканами,

и это давало ему шанс на спасение.

После нескольких повторений этой нехитрой просьбы летун, казалось, понял его. И сразу же отшатнулся в ужасе. Было ясно, что полет к земле его страшит. Да и почему они должны были ради пленника идти на риск?

Теор вновь вынул нож и продемонстрировал на веревке, как здорово ледяное лезвие может резать — куда лучше, чем обломки костей. Затем он объяснил жестами: отнесите меня к вулканам, и нож будет ваш.

Охранник в ответ сделал выразительный выпад гарпуном. Теор понял так: прости тебя убить, чужестранец, и без хлопот завладеть ножом.

Наярр вздрогнул — он понял, что загнал себя в ловушку. Но спасительная мысль пришла ему в голову, и он бросился к краю летающего облака. Встав над пропастью, он поднял нож и объяснил жестом, что если у мрет, то и нож упадет вместе с ним.

Охранники стали озадаченно пересвистываться. Наконец один из них улетел. Теор уселся на шар на краю обрыва и стал ждать.

Летун вернулся довольно скоро — и не один, а в сопровождении, по крайней мере, десятка сородичей. Они закружились над наярром, и тот вздохнул с облегчением — в их руках не было гарпунов. Летуны приняли его условия!

Двое аборигенов подошли к гнезду, таща за собой «парашют» Теора. Он торопливо стал обматывать остатки «строп» вокруг туловища.

— Я могу только положиться на вашу честь, — пробормотал он, лихорадочно пытаясь сообразить, какую ловушку могут ему подстроить. Один из летунов вновь указал на нож, но наярр в ответ твердо указал в сторону вулкана. Существо выразительно вздохнуло и поднялось в воздух. Взяв в руки оставшиеся свободные нити, летуны потащили Теора к краю облака. Вскоре он уже плыл в небе, провожая взглядом летающий город Скрытного народа. Даже странно, подумал он, что никто из наярр ни разу не видел подобных городов и животных, обитавших в этих слоях атмосферы. Впрочем, на такой высоте, составляющей не менее мили, редко появлялись просветы между облаками, а сами летуны были попросту незаметны с земли.

«Парашют» с наярром быстро плыл над лесом, плавно снижаясь. Летуны, похоже, честно собирались выполнить свою работу. Но с каждой минутой она давалась им все с большими и большими усилиями. Теор же, напротив, чувствовал себя все лучше и лучше. Он наконец-то смог нормально дышать, да и мучивший его холод стал постепенно отступать. Вскоре, не выдержав, несколько летунов бросили нити и умчались ввысь, но остальные, к счастью, не последовали их примеру.

«Каким же сокровищем должно быть для них это ледяное лезвие!» — удивленно подумал Теор. Здесь, внизу, концентрация водорода возросла почти вдвое, и дышать ему стало совсем легко, но как же такой воздух обжигает горло бедным летунам! И все-таки они держали свое слово.

Впереди стал неясно вырисовываться один из вулканов. Он был относительно невысок, так что Теор видел сверху кратер — овальное озеро огня. Столб дыма поднимался высоко к дождевым тучам. Далеко на востоке небо озаряли вспышки молний — там вовсю бушевала гроза.

«Парашют» снизился настолько, что наярр услышал, как шумит лес под порывами ветра. Запахи стали резкими и густыми, и Теору пришлось замахать руками, пытаясь оберечь органы обоняния. Летуны завывали. Для них здесь, внизу, царила глубокая ночь, освещаемая лишь светом вулканического света. И все же они мужественно ринулись вниз.

Волнистая поверхность предгорий устремилась навстречу Теору. Он сильно ударился согнутыми ногами о землю, перевернулся несколько раз и некоторое время продолжал лежать, ошеломленный. Затем, дрожа, поднялся на ноги и осмотрелся. Он находился на обширной поляне среди высоких деревьев, над которыми грозно возвышался мрачный конус вулкана, извергающий красный столб дыма. Летуны, вереща, кружились над его головой.

Непослушными руками наярр стал освобождаться от «парашюта», разрезая ножом

прочные нити одну за другой. Порыв несильного ветра приподнял лист и потащил Теора в сторону. Еще один удар — и он был свободен. «Уллола, я все-таки спасся! — с восторгом подумал он. — И все благодаря Скрытному народу. Надо честно расплатиться с ними... хотя здесь, в этом диком краю, нож мне очень бы понадобился. Да что делать...»

Один из летунов опустился на землю и, кутаясь в крылья, выжидающе посмотрел на наярра. Тот подошел к крылатому существу и протянул сверкающий клинок.

— Прощай, брат, — сказал он. — Спасибо за все, что вы сделали для меня.

Летун что-то просвистел ему в ответ и, схватив нож, взмыл в воздух. Его собраты сделали над наярром последний круг и по широкой спирали медленно поплыли к облакам. «Они знают об эффекте декомпрессии — Марк как-то рассказывал о нем, — подумал Теор. — Не скоро мои друзья-летуны вновь увидят Солнце. Но моя дорога домой будет еще более долгой...»

Нельзя было терять время, но Теор стоял посреди лесной поляны, пока последний летун не исчез в облаках.

Глава 15

Проводив взглядом новых друзей, Теор внимательно осмотрелся и почувствовал, как страх вновь закрадывается в его душу.

Он находился на краю леса, заросшего толстоствольными деревьями с низко стелющимися ветвями и характерной для Юпитера листвой, которая землянину напомнила бы легочную ткань. Их своеобразный фотосинтез основывался на реакции получения водорода путем разложения метана и аммиака. Поскольку солнечного света было мало, то важную роль играла общая площадь листвы — при «легочной» структуре она максимальна. Кроны редко поднимались выше пятнадцати футов, но сам лес казался наярру бесконечным. Вальфило мог быть где угодно среди этого океана деревьев. В одиночку же путь до города не одолеть...

Теор перевел взгляд на мрачную громаду вулкана, над которым поднимался яркий столб дыма, и тут же услышал глухой рокот и почувствовал под ногами сотрясение земли. Он был знаком с вулканическим огнем, не раз ему приходилось помогать кузнецам в Атхе. Но тогда вокруг были опытные мастера, вооруженные инструментами. Теперь же он один, и, кроме голых рук, у него нет ничего, даже самого примитивного оружия.

Но наярр не стал поддаваться панике. Он пошел в направлении вулкана, внимательно глядя по сторонам. И вскоре нашел среди корней деревьев пару обломков. Это был лед, кристаллы которого содержали немало соединений кремния и магния, — для наярр то же самое, что обсидиан для древнего человека. Теор умело расколол один из камней. Самый крупный кусок вполне мог послужить топором, а мелкие — наконечниками для копий. Затем он разыскал среди деревьев кусты ларрик, отличающиеся тонкими прямыми ветвями, и срезал самую длинную. Обтесав ветвь, наярр получил вполне удовлетворительное древко и, расщепив его торец, тщательно закрепил один из острых осколков тонкими корнями. Оставшиеся наконечники наярр завернул в лист дерева и засунул за пояс. Оружие получилось грубым и неуклюжим, уступая даже копьям дикарей, но Теор был рад и такому. Он сразу же почувствовал себя куда увереннее.

Теперь надо было позаботиться об еде. Наярр не очень-то тешил себя надеждой, но, видимо, удача окончательно вернулась: вскоре он набрел на след скальпада. Теор в нерешительности остановился. Скальпад — грозный зверь, в одиночку трудно его одолеть, да еще с таким примитивным оружием. Но это мясо, много мяса...

И не только мясо, внезапно с волнением подумал наярр. Панцири скальпадов использовались в кузницах Атха в качестве плавильных котлов. Огня же на склонах вулкана сколько угодно!

Ему пришла в голову неплохая идея, и он решительно направился в глубь леса, охваченный возбуждением перед предстоящей схваткой.

Теор нашел скальпада на поляне, среди густого кустарника. Зверь кормился, перемалывая мощными челюстями жесткие ветки. Его куполообразный панцирь медленно двигался над озером листвы. Не раздумывая, Теор с воинственным кличем бросился в атаку.

Ему, навстречу поднялась бронированная шея, увенчанная массивной головой. Усики зверя выпрямились. Мгновение скальпад изучал неожиданного противника, а затем, взревев, раскрыл пасть с крючкообразными клыками. Взбрыкнув столбообразными ногами, он тяжело побежал Теору навстречу.

— Кей-юи! — закричал наярр и метнул копье, целясь в горловой мешочек зверя. Острие с глухим звуком вонзилось точно в незащищенную плоть.

Скальпад закружился. Теор едва увернулся от челюстей, которые легко могли перекусить его руку. Зверь затряс головой и разбил о валун древко копья в щепки. Кровь фонтаном взметнулась над кустарником. Похоже, рана была смертельной, но наярр не мог ждать — приближалась буря, а еще быстрее надвигалась ночь. Скинув с плеч узел с вещами, он взял в одну руку топор, а в другую — самый большой из оставшихся наконечников. Несколько раз обошел агонизирующее животное и, выждав удобный момент, вонзил наконечник в глаз. Скальпад яростно взвыл и едва не отхватил ему кисть. Наярр вновь стал терпеливо кружить вокруг поверженного зверя, с трудом уворачиваясь от щелкающих челюстей. Несколько раз бросал наконечники, словно метательные ножи, но промахивался. А когда у него остался только топор, отчаянно бросился в атаку, бешено нанося удары, и скоро с ног до головы был забрызган кровью отчаянно защищавшегося животного. Это была трудная, опасная схватка, и Теор едва держался на ногах, когда усики скальпада окончательно повисли.

Буря приближалась, времени для отдыха не осталось. Крепко сжав скользкий от крови топор, он принялся разделять тушу. Отрезал себе сочный кусок мяса, а затем принялся за панцирь, который непременно хотел взять с собой. Над головой кружили стервятники, ожидая своей доли, а вскоре со стороны деревьев послышался угрожающий вой. Теор торопливо свернул панцирь из толстой кожи и двинулся в сторону вулкана. Склоны, не в пример прибрежным скалам, были относительно пологими, но наярр едва держался на ногах от усталости. Он не успел одолеть и половины подъема, как начался дождь. Тяжелые капли аммиака тяжело хлестали по телу. Низкие облака то и дело озарялись вспышками молний. Из кратера вместе с красным дымом повалил еще и серый пар, так что Теора вскоре окутали облака тумана, в которых плясали бесчисленные искры. Идти стало еще труднее, зато пар немного защищал от жара, пышущего из многочисленных трещин в лаве. Вскоре Теор нашел то, что искал — небольшую дыру в склоне, из которой хлестали языки пламени. Жабры наярра немедленно закрылись, протестуя против едких испарений, так что он вынужден был отступить, чтобы глотнуть относительно чистого воздуха.

Затем он приступил к сооружению круговой стенки вокруг маленького жерла. Ему пришлось перетаскать множество обломков камней, пока верхняя часть этого круга стала относительно ровной. Развернув панцирь, наярр разместил его на «горне», словно котел. Дождь быстро наполнил его жидким аммиаком, который тут же стал испаряться.

Теперь оставалось только надеяться на удачу. Невдалеке Теор обнаружил небольшую

скалу и разместился под ее козырьком, словно под крышей. И только теперь наконец-то смог утолить голод. То, что мясо скальпада было сырым, нисколько его не смущало — кулинарным искусством наярры пока не овладели. Правда, дома он иногда пробовал вареное мясо, добавляя в бульон специи. Дом... Существует ли он еще, или враги превратили Наярр в развалины?

Насытившись, он улегся на бок и слегка задремал. Непогода вовсю разгулялась, дождь нещадно хлестал, но это вполне устраивало Теора — котел все время наполнялся.

Дождь продолжался всю ночь, день и еще одну ночь. Все это время Теор проспал, приходя в себя после пережитых потрясений. И только когда туман стал подниматься над вулканом, уходя в посветлевшее небо, он очнулся и почувствовал себя вполне отдохнувшим. Впервые после отплытия из Медалона он с оптимизмом смотрел в будущее.

Перекусив, он с нетерпением пошел к своему «горну». Панцирь скальпада был затянут черной коркой. Разбив ее, наярр увидел на дне солидных размеров металлическую отливку. Это был почти чистый натрий.

Как-то эту идею высказал Марк Фрэзер. Землянин объяснил Теору, что натрий хорошо растворяется аммиаком и образует с ним ряд соединений — именно они и придавали облакам Юпитера характерную окраску. Дождь в течение многих часов наполнял панцирь жидким аммиаком, который, испаряясь, оставил на дне достаточное количество натрия. Теперь оставалось лишь пустить его в ход, но для этого нужно подняться к жерлу вулкана.

Несколько часов Теор карабкался на гору с южной стороны. Склон становился все круче, а жар от подземного огня — сильнее. Дышать было труднее и труднее, так что наярр часто останавливался, чтобы передохнуть. В эти минуты он неотрывно смотрел на огромную лесистую равнину, тянущуюся до самой Дикой стены. Где-то там должна находиться армия Вальфило, его последняя надежда на спасение. Но сначала нужно дать знать о себе. Именно для этой цели Теор и добыл натрий.

К ночи он добрался до края кратера. Почти ничего не видя, едва дыша, он тем не менее нашел в себе силы заглянуть в кипящее жерло вулкана. Это было ужасное, невероятное зрелище. Наярр отшатнулся, но затем вновь заставил себя подойти ближе. И, оторвав кусок от мягкого слитка, швырнул его в озеро огня.

Он едва успел укрыться за ближайшим обломком лавы, как язык пламени вскипел там, где он только что стоял. Часть дымного столба тотчас окрасилась в желтый цвет. Через некоторое время он бросил второй кусок металла, за ним — третий. Выждав солидную паузу, он метнул в кратер четвертый кусок, и наконец — пятый. Это было визуальной интерпретацией барабанного сигнала «Жду помощи!».

Оставшейся части слитка хватило только еще на одно повторение просьбы о помощи. Теор полагал, что усиленные вспышки и изменение цвета дыма должны быть заметны на расстоянии многих десятков миль. Но видели ли все это воины Вальфило? И захотят ли вернуться, чтобы помочь неизвестно кому?

Теор вновь укрылся в своем убежище под скалой и, тяжело дыша, стал ждать. Ночью заснул беспокойным сном.

Под утро его разбудил топот чьих-то ног. Оглядевшись, Теор с радостью увидел двух воинов, поднимавшихся по склону горы. Увидев сородича, они галопом понеслись ему навстречу.

— О, да это же Рив, наш Рив!

Теор с волнением обнял товарищей. Ему не верилось, что позади остался такой долгий и трудный путь в полном одиночестве, через дикие области гор — путь, которым доселе не проходил ни один юпитерианин. Но борьба еще не закончилась...

— Надо уходить отсюда, — сказал он. — Это плохое место для наярр.

Оказалось, что разведчики прилетели к подножию вулкана на форгарах и предусмотрительно захватили с собой двух запасных. Перед тем как отправиться в обратный путь, они коротко ответили на расспросы Теора.

— Нам нечего особенно рассказывать, сын Элнора, — сказал один из воинов

грустно. — Мы не могли оставаться на побережье, и потому перешли через перевал и остановились в лесу, на берегу озера. Там мы и раскинули лагерь. Наше начальство так и не решило, что делать: либо вернуться и умереть в бою, либо ждать подкрепления. Некоторые считают, что мы должны направиться на восток Мендалона, а затем повернуть на юг и искать Лесное племя. Этот народ умеет драться и может помочь. Но другие говорят, что за это время улунт-хазулы полностью овладеют страной. И первым падет Наярр.

— Да, времени у нас мало, — согласился Теор. — Горожане не смогут долго выдерживать осаду, тем более что запас продовольствия у них невелик. Затем погибнут мастерские Атха — враг не оставит там камня на камне. Даже если нам и удастся отвоевать оставшуюся часть Мендалона, без Наярра и Атха мы обречены. Узнав, что наша цивилизация гибнет, на нас со всех сторон ринутся орды дикарей.

Он продолжал размышлять об этом, пролетая на форгаре над лесом. Что же делать, как выиграть войну у куда более сильного противника? Ясного ответа он так и не нашел, но после всего происшедшего вера его в собственные силы значительно возросла. В лагерь около озера он вошел решительным шагом и сразу же направился к юрте Вальфило, над которой развевалось знамя армии наярр.

Покрытый шрамами ветеран с неподдельной радостью приветствовал сына Элнора. Он был поражен, услышав рассказ о скитаниях Теора. Подробно доложив обо всем, что произошло во время отступления его войска, Вальфило спросил:

— Что предлагаешь делать, сынок?

— Идти в Мендалон так быстро, как только сумеем, — решительно ответил Теор. — Если мы пересечем Дикую страну через Ворота ветра, то выйдем на равнину недалеко от реки Брантор. В тех местах растет густой лес, так что мы построим плоты и быстро и незаметно спустимся по течению к Наярру. Оказавшись на берегу, зайдем врагу в тыл и сразу же атакуем их. Когда горожане увидят, что к ним пришла помощь, они сделают вылазку. Улунт-хазулы окажутся между двух отрядов...

— Которые враг так же легко порубит на куски, как и один, — мрачно продолжил Вальфило. — Сынок, моя армия уже далеко не та, что несколько дней назад схватилась с чужаками на побережье. Многие убиты, еще больше унесли раны и голод.

— У вас есть другой план? — едва сдерживая ярость, спросил Теор.

— Есть. Мы можем поселиться в этих местах. Охота здесь неплохая, мы уже убедились в этом. В лесах, правда, немало дикарей, но они не осмелятся напасть на нас. Здесь и будет основана новая страна наярр. Мы построим кузницу на склонах вулкана, и тогда сможем изготавливать оружие. Цивилизация наярр со временем возродится вновь, а о Мендалоне... о нем придется забыть.

— Что? Оставить все, что создали предки?

Вальфило опустил голову.

— Другого пути нет. Послушай меня, старина. Я был бойцом всю сознательную жизнь и привык жертвовать очень многим, чтобы сохранить самое важное. А что может быть важнее нашего народа? Поход к Наярру не спасет горожан, а лишь приведет в гибели всего нашего племени. И тогда тьма опустится на мир — ведь в этой части планеты мы единственное цивилизованное племя.

— Вы — опытный воин и знаете о битвах куда больше, чем я, — гневно произнес Теор. — Но вы имеете лишь смутное представление о том, на чем зиждется наша цивилизация. Почему наярры никогда раньше не пытались пересечь Мендалон и поселиться в этих местах? Да потому, что эта страна куда беднее, чем вы думаете. Частые дожди вымывают из почвы питательные вещества, поэтому здесь растут только твердые, как камень, деревья. Для сельского хозяйства здешняя земля не годится. Охотой долго не проживешь, надо заниматься разведением скота — а чем ему здесь питаться? Вы говорите, на вулкане можно построить кузницу. Но я сам видел — там нет подходящих минералов, они встречаются только на побережье. Я уже не говорю о том, что, отдав врагу Наярр, мы останемся без всех накопленных нашим племенем знаний, без письменности, и скоро вообще

впадем в варварство. Наша цивилизация очень хрупка, и не воины — носители ее. Если мы останемся здесь, то тьма придет неизбежно. В бою у нас есть шанс на победу, а здесь его совсем нет!

— Это только твое мнение, коллега, — глухо ответил Вальфило. — Я думаю иначе. И потом, я вовсе не собираюсь отдать врагу Мендалон навсегда. Окрепнув, мы сможем с помощью соседних племен отвоевать его.

— Руины Наярра и разоренные поля и фермы — это вы хотите сказать? — возмутился Теор. — Неужели наш народ превратят в рабов только потому, что мы сейчас трусили?

Гребень Вальфило воинственно ошетинился.

— Не стоит называть меня трусом, сынок, — иначе я могу забыть, что ты из рода Рива, — с угрозой процедил он.

Теор едва сдержался. На помощь пришло врожденное хладнокровие Ривов. Успокоившись, он предложил:

— Хорошо, я запомню ваше обещание со временем вернуться в Мендалон. А теперь соберите армию — воины должны знать, как обстоят дела.

Остаток дня Теор посвятил тому, что ходил среди хижин и беседовал с солдатами и офицерами. Он повторил им те же аргументы, которыми пытался убедить Вальфило, и уходил, давая возможность воинам самим обдумать ситуацию. Опыт общения с Фрэзером многому научил его, и сейчас было самое время воспользоваться плодами своего красноречия.

Ближе к закату туман стал сгущаться над озером. На поляне собралась большая часть уцелевшей армии — увы, наярр осталось совсем немного. Теор взобрался на высокий камень и осмотрелся. Последние лучи Солнца освещали сильно поредевший лес пик. Шлемы и щиты были помяты, но на них еще можно было различить эмблемы полков, чью славную историю знали все, даже дети.

— Наярры! — зычно крикнул Теор, и его голос звучным эхом отразился от темной стены леса. — Вы знаете, что оба моих полуотца погибли в море. Вы остались без вождя и его мудрого советника. А теперь и я, единственный из оставшихся в живых Ривов, должен оставить вас!

— Что? — в бешенстве заорал Вальфило. — Ты обманул меня, Теор! Я запрещаю...

— Я буду говорить, — твердо ответил Теор. — По закону никто не может прерывать Рива. Потом можете говорить что угодно, но сейчас вы обязаны выслушать меня. — Он вновь повернулся к войску. — Наярры! Враг мародерствует в Мендалоне. Он окружил город и ждет, когда наши жены и дети умрут от голода или сдадутся в рабство. Неужели мы позволим им сделать это?

Воины негодуя закричали, размахивая оружием.

Теор повторил все аргументы в пользу начала новой военной кампании. Он не преминул отметить — наш командующий против, но решать вам. Я же, подчеркнул он, в любом случае вернусь в Мендалон и найду смерть в бою.

Армия забурилась, но скоро стало ясно, что большинство поддерживает молодого Рива. Тогда Вальфило прыгнул на валун и встал рядом с Теором. На него немедленно нацелились десятки копий.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — спокойно сказал старый воин. — Я остаюсь при своем мнении, но армию не оставляю. Через два или три дня мы соберем достаточно еды и тогда вернемся в Мендалону. Разойтись!

Он соскочил на землю, и Теор последовал за ним. Вальфило укоризненно взглянул на Рива.

— Сынок, ты произнес в мой адрес много жестоких, несправедливых слов, — хрипло сказал он. — Я никого не предавал, а действовал лишь в интересах наярр. По крайней мере, мне так кажется.

— То же самое делаю и я, — ответил Теор и дружески обнял старика за плечи. — Вы сами говорили, что не раз жертвовали второстепенными вещами ради главного...

— Верно. Вот ты и пожертвовал моей честью, Рив, — горько сказал Вальфило.

— Нет! Я выступил только против плана остаться здесь. Но важно другое — мы снова вместе, и вы поведете армию домой.

Заходящее Солнце осветило лицо Теора багряными лучами. Вальфило долго смотрел на него, а затем нагнулся и положил топор у его ног — это был древний знак повиновения.

— Все же ты истинный Рив, сынок! — воскликнул он. — Спасибо, что в этот тяжелый момент взял ответственность на свои молодые плечи — для меня она была непосильной ношей. Похоже, мне теперь осталось недолго жить, но я умру в бою, и сердце мое будет светлым в этот час. Вперед, Теор, сын Элкора!

Глава 16

Фрэзер со вздохом облегчения отложил в сторону гаечный ключ.

— Все, — сказал он, — нет в системе управления двигателя больше предохранителей. Теперь остается только запустить его.

Он поднялся, чувствуя себя как никогда неуклюжим в скафандре, и встретился лицом к лицу с Лоррейн. Фонарь, который она держала в руке, создавал в тесном машинном отделении гротескные тени. Переборка между отсеками сияла, словно была раскалена.

— Нам пора идти, — сказал он, сожалея, что у него не находится для девушки более ласковых слов.

— Марк...

— Что?

— О... ничего, — лицо девушки вдруг обрело уверенность, словно она на что-то решилась. — Я только хочу сказать... Если у нас ничего не выйдет, и мы оба... Словом, я рада, что оказалась здесь рядом с вами, Марк. Только с вами я и хотела быть.

Сердце Фрэзера дрогнуло. Он благодарно погладил девушку по массивной перчатке.

— Я могу сказать то же самое, милая. В последнее время я себя не узнаю — похоже, все-таки становлюсь джентльменом. И во многом благодаря вам, Лори.

— Дьявол, неужто не ясно, что мне тоже нелегко было вести себя словно леди? — выпалила Лоррейн и с облегчением улыбнулась. — Ладно, пошли, сейчас не время для такого разговора.

Они поднялись по трапу в техотсек. Фрэзер включил систему прогрева двигателя, а затем нажал кнопку «старт». Корпус лунной ракеты заметно задрожал.

— А теперь — бегом! — крикнул он и подтолкнул девушку к люку. Та немного помедлила, словно приглашая его выйти первым, но Фрэзер бесцеремонно подтолкнул ее в спину. Спрыгнув на землю, они побежали в северную часть взлетного поля и вскоре оказались в тени посадочных опор одного из космолетов, откуда открывался отличный вид на город: ошестинившийся орудиями крейсер и торпедообразный корпус «Олимпии». Полнеба занимал колоссальный шар Юпитера, находившийся в фазе 3/4, а рядом с ним серебрилась полоса Млечного Пути. Но сейчас Фрэзеру было не до красот неба — он смотрел лишь на вооруженных людей, окружавших «Бегу». «Недолго им осталось скучать», — подумал он с усмешкой и начал мысленный отсчет: шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь...

Через минуту земля вздрогнула так, что даже зашатались массивные опоры ракеты. Фрэзер не стал оборачиваться — он и так знал, что в другом конце поля в небо поднялся столб пламени и дыма. И тогда они с Лоррейн побежали к «Олимпии», уже не заботясь о том, заметят их или нет. Астронавты около крейсера дружно отошли под его защиту, видимо, ожидая нового нападения повстанцев. Никто из них, к счастью, не обратил внимания на две фигуры в скафандрах, бежавших совсем в другую сторону.

Только оказавшись в спасительной тени «Олимпии», двое заговорщиков смогли перевести дух после бешеной гонки. Здесь было где спрятаться от любопытных глаз. Космолет предназначался для аэродинамической посадки на поверхность Юпитера и потому

имел эллипсоидную форму, сильно вытянутую в горизонтальном направлении. Корпус опирался на четыре массивные колесные опоры. Грузовой люк располагался куда ниже, чем в обычных космолетах, но все же достаточно высоко, чтобы до него нельзя было добраться без помощи трапа. Фрэзер приглашающе кивнул, и девушка послушно взобралась на его плечи, осторожно выпрямилась и ухватила за рукоятку. После нескольких отчаянных попыток ей удалось открыть люк. Тогда Фрэзер подбросил ее так, что она без всякого труда оказалась в грузовом трюме. Затем помогла туда забраться и самому Фрэзеру.

Они побежали к пилотской кабине. Ее защищала еще одна массивная дверь с тугим запором, с которым тоже пришлось повозиться. Проклиная все на свете, Фрэзер уселся в кресло первого пилота. Последующий час он посвятил изучению системы управления «Олимпией» с помощью документации, которую Лоррейн стащила из техархива Авроры из-под носа у Свейна. Только после этого Фрэзер стал готовить корабль к взлету, включая один агрегат за другим. Когда пол задрожал, реагируя на начало работы двигательной установки, он вздохнул и с облегчением откинулся на спинку кресла. Пот градом сыпался с лица, застилая глаза. Через десять минут двигатель разогреется, а пока можно немного отдохнуть.

Ему хотелось узнать, что делают сейчас люди Свейна, но на «Олимпии» не было иллюминаторов, а включать обзорные экраны рискованно — с крейсера могли это заметить.

— Лори, как вы думаете, чем сейчас заняты эти brave boys? — с нервным смешком спросил он. — Держу пари, что они носятся взад-вперед, словно курицы с отрубленными головами!

— Вряд ли, Марк, — ответила девушка, сидя в соседнем кресле в расслабленной позе. — Адмирал здорово вымуштровал своих парней. Но я тоже бы не отказалась поглядеть — а вдруг они запаниковали?

Фрэзер наклонился к ней и помог застегнуть пояса безопасности.

— Все в порядке, милая, — ласково сказал он. — Самое трудное уже позади. Теперь все пойдет как по маслу. Как вам нравится роль героини, Спасительницы Земли?

Девушка рассмеялась в ответ.

— Вам больше подходит роль героя, Марк. Представляете обложки журналов с вашей эффектной фотографией и подписью: «Марк Фрэзер, Самый Большой Трепач в Солнечной системе»?

— Да, я люблю приврать, грешен, — в таком же легкомысленном тоне ответил он. — Как и все пилоты. Вам-то хорошо, Лори, вы выглядите словно секс-бомба. А я стар и некрасив, так что могу попасть на обложку «Плейбоя», только став героем. Вот я и стараюсь вовсю! Девушка серьезно посмотрела на него.

— Вы вовсе не старый, Марк, — тихо сказал? она. — А вот я уже почти что старая дева. Я давно уже не думаю о мальчиках, настоящие мужчины мне больше по вкусу. И вы, Марк, в этом отношении вне конкуренции — по крайней мере здесь, в системе Юпитера. Давно хотела вам сказать...

Она смущенно замолкла, и в этот момент двигатель заработал на полную мощь.

— Пора! — воскликнул Фрэзер и уже не таясь включил внутреннее освещение и обзорные экраны. И увидел множество людей, бегущих с оружием в руках по направлению к лунным ракетам — видимо, brave boy Свейн решил нанести упреждающий удар по несуществующему врагу. Сам же крейсер был окружен двойным кольцом солдат, которые спешно строили баррикады из обломков камней.

— А Свейн стал осторожен! — со смешком сказала Лоррейн.

— Сегодня он, похоже, останется в дураках, — процедил Фрэзер, шелкая многочисленными тумблерами на панели управления. — Но будет жаль, если кто-то из этих парней случайно окажется рядом с «Олимпией» во время взлета.

— Вас это так беспокоит?

— Да. Думаю, надо рискнуть и предупредить их, что до старта осталось тридцать секунд.

Он включил передатчик и настроил его на волну «Общий прием».

— Внимание! — торопливо сказал он. — Космолет «Олимпия» готовится к взлету. Немедленно очистите площадку рядом с ним! Повторяю — немедленно очистите площадку рядом с «Олимпией»!

В динамике что-то щелкнуло, захрипело, а затем чей-то удивленный голос спросил: «Дьявол, кто это говорит?» Фрэзер не обратил на это внимания — он смотрел на крейсер. Одно из орудий стало поворачиваться в его сторону. Люди на взлетном поле замерли в растерянности.

— Осталось десять секунд! — заорал Фрэзер. — Бегите, черт бы вас побрал!

И они побежали врассыпную. Но двое астронавтов, судя по скафандрам — солдаты, торопливо пошли в сторону «Олимпии», поднимая бластеры. «Эти идиоты сгорят, это уж точно», — подумал Фрэзер и решительно нажал на рычаг пуска.

Корабль вздрогнул так, что у Фрэзера клацнули зубы. Снизу поднялось облако выхлопных газов. Затем раздался оглушительный грохот, который не смогла смягчить даже солидная звукоизоляция. Космодром быстро стал уходить вниз. Вскоре на экранах был виден весь огромный, изъеденный кратерами и трещинами шар Ганимеда. Над его восточным краем висел ослепительный диск Солнца.

Лоррейн застонала где-то рядом, но Фрэзер снизил тягу, лишь когда корабль достиг двойной скорости убегания. Затем он вернул оба кресла в обычное маршевое положение. Ганимед ушел в сторону, и теперь на центральном экране была видна лишь черная бездна, усыпанная искрами звезд.

— Лори, как дела? Нормально? Тогда включите экран заднего обзора. Я хочу убедиться, что нас не преследуют.

— Этого не может быть, — слабым голосом ответила девушка, еще не успев отойти от бурного старта. — Все их космоботы находятся на патрулировании вокруг других лун. А от «Веги» мы уж как-нибудь увернемся.

— Да, но не так-то просто будет избежать их боевых ракет, — возразил Фрэзер. — В любом случае надо постараться прилуниться возле Блоксберга незамеченными, иначе... Черт побери!

Компьютер высветил на дисплее несколько колонок цифр, а затем нарисовал две кривые, нацеленные в ярко блестящую точку, обозначившую «Олимпию».

— Они все-таки успели произвести залп! — взволнованно воскликнула Лоррейн. — Но ракеты летят с большим начальным промахом, так что...

— Утешила, нечего сказать, — пробурчал Фрэзер, с мрачным видом изучая траектории боевых снарядов. — На такой случай у них есть головки самонаведения. Если Свейн догадается использовать главный радар Авроры и сможет скорректировать их курс, то ракеты скоро захватят нас и будут гнаться хоть до самого Юпитера. Хотя туда нам надо еще долететь...

Фрэзер уселся за компьютер и занялся расчетом траектории полета «Олимпии». Без навигационных таблиц это можно было сделать лишь приближенно, но Фрэзер положился на свой опыт. Затем он на одну десятую прибавил ускорение — большего при скромных энергетических ресурсах корабля позволить было нельзя.

Рядом с панелью приемника замигала красная лампочка.

— Вызов, — с тревогой сказала Лоррейн. — Выходит, они знают наши координаты?

— Вряд ли. Скорее всего ведут передачу широким радиолучом. Я могу ответить точно так же — обнаружить нас они все равно не сумеют.

Он включил приемник.

— Внимание, космолет «Олимпия»! Вы слышите меня? — послышался в кабине голос адмирала Свейна.

Фрэзер увидел в глазах девушки неприкрытый страх и разозлился.

— Говорит «Олимпия», — резко ответил он. — Какого дьявола вы хотите?

— Хочу спросить кое о чем, — сухо сказал адмирал. — Говорит комендант временной

администрации Ганимеда Свейн. Кто вы? Назовите свои имена.

— Я весь внимание, — с иронией ответил Фрэзер. Он и не думал называть свое имя — частично из упрямства, но главным образом из-за опасения, что его семья может подвергнуться репрессиям.

— Именем закона, немедленно возвращайтесь!

— Если это все, что вы хотели сказать, то я отключаю приемник, — спокойно ответил Фрэзер.

— Подождите. Я догадываюсь, что вы собираетесь предпринять. Это совершенно очевидно. Вы рассчитываете достичь Земли, но вам это не удастся. На борту «Олимпии» нет ни воздуха, ни воды, ни пищи. Возможно, вы смогли во время взрыва пронести с собой кое-что, но на далекий перелет этого в любом случае не хватит.

— И все же я дышу пока, — заметил Фрэзер.

— Наверняка вы находитесь в скафандрах. Для того чтобы поддерживать воздухообмен в объемах всего космолета, требуются немалые запасы кислорода, которого у вас нет. Никакие химические очистители вам не помогут.

— Адмирал, вы рассчитываете запугать меня? — усмехнулся Фрэзер. — Хорошо, теперь моя очередь рассказывать страшилку. Когда на Ганимед придут корабли военно-космических сил, вам придется отвечать за ВСЕ, что вы натворили и еще натворите в системе Юпитера. Подумайте об этом и ведите себя соответственно.

— Заткнись, болван! — неожиданно взорвался Свейн. — Кого ты хочешь перехитрить? Я отлично понимаю, что прямо на Землю ты не полетишь — если, конечно, экипаж корабля составляют не самоубийцы. Значит, где-то ты намереваешься запастись воздухом, водой и пищей. На соседних лунах это тебе не удастся — мои космоботы дежурят на орбитах и получили приказ открывать огонь без предупреждения.

«Замечательно, — подумал Фрэзер. — Именно поэтому тебе, тупорылый вояка, и не удастся контролировать пространство вокруг Ганимеда».

— Я думаю, вы это тоже учли, — успокоившись, вновь вежливо продолжил адмирал. — Значит, у вас остается один путь — вернуться в какой-нибудь другой район Ганимеда, где вам смогут помочь. На всякий случай мы вышлем на орбиту патруль, так что не надейтесь провести меня! Лунных ракет на космодроме вполне достаточно для этой цели. Они, правда, не оборудованы для патрульной службы, но мы сумеем оснастить их радаром и будем контролировать каждый фут поверхности. Если вы все-таки рискнете прилуниться на Ганимеде, то предупреждаю: «Вега» тотчас выйдет на орбиту и уничтожит вас.

— О, нет, нет, нет... — прошептала Лоррейн, побледнев.

Фрэзер чувствовал себя не лучше и все-таки сумел выдать:

— С чего это вы решили, что я сунусь под огонь пушек?

— Вы неплохо блефуете, незнакомец, но карты ваши биты, — ответил Свейн. — Я восхищаюсь стойкостью вашего духа — не так часто среди гражданских лиц приходится встречать настоящих мужчин. Даю слово офицера, что если вы тихо-мирно возвратитесь на Ганимед и сядете рядом с Авророй, то я всего лишь посажу вас под арест и со временем передам в руки суда. Естественно, после того как в США будет восстановлено законное правительство.

Голос адмирала ослабевал по мере удаления «Олимпии» от Ганимеда. Но сталь и лед в его интонациях были заметны по-прежнему.

— Отказавшись же вернуться с повинной, вы обречены. Я брошу на патрулирование все силы и буду ждать неделю или две — на большее время у вас не хватит ресурсов. Это отвлечет от дела многих людей, производство боеголовок будет замедлено, но я готов пойти на это. Кто знает, быть может, в системе Юпитера есть какой-нибудь тайный склад на одном из астероидов? Рисковать я не желаю. Учтите, отказавшись вернуться, вы подписываете себе смертный приговор.

Фрэзер взглянул на Лоррейн. В ее расширенных глазах стояли слезы, но тем не менее она упрямо помотала головой.

— Перестаньте играть в героя! — рявкнул Свейн. — Ваша смерть ничего не изменит. Возвращайтесь, пока я обещаю гарантию вашей жизни.

— Все верно, — устало сказал Фрэзер. — Вы победили. Черт с вами, я поворачиваю назад.

Он выключил передатчик и пытливо взглянул на Лоррейн. Та была близка к истерике.

— Нет, нет, ни за что! — всхлипнула она, умоляюще глядя на Фрэзера. — Лучше смерть, чем такой позор!

— Глупости, — буркнул Фрэзер. — О какой смерти вы толкуете, красавица? Я согласился только для того, чтобы выиграть несколько лишних минут. Чем дальше мы успеем уйти от Ганимеда, тем сложнее им будет корректировать полет своих ракет.

— Значит, вы надеетесь, что мы сможем уйти от них?

— Н-нет, боюсь, что нет. Но мы попробуем.

Он было коснулся рукой регулятора тяги, но тут же отдернул ее.

— Пожалуй, не стоит увеличивать скорость. Это может насторожить Свейна. Лори, буду говорить откровенно. Две ракеты следуют за нами по пятам, и уцелеть нам будет нелегко. Но даже если мы уйдем от них, я все равно теперь не знаю, как нам попасть в Блоксберг. — Он грустно взглянул на девушку. — Мне очень нелегко сейчас. Лори. Повстанцы, конечно, узнают о бегстве «Олимпии» и нашем исчезновении. И будут рассчитывать на меня. Страшно их подвести! И еще страшнее подвергать вашу жизнь смертельной опасности.

— Теперь не время говорить об этом, Марк, — ласково сказала девушка. — Тем более что именно я подбила вас на эту авантюру. Если я попаду в руки Свейна, то «промывания мозгов» мне не избежать. Но я хотя бы одинока. А у вас есть Ева и дети...

— Дьявол! — взорвался Фрэзер. — Что это мы распустили слюни? У нас еще есть шансы. Когда ракеты приблизятся, я включу полное ускорение и начну маневрировать так, что чертям станет тошно. Жаль, что у нас нет противоперегрузочных таблеток. Ничего, придется потерпеть.

Девушка перестала всхлипывать и озадаченно взглянула на него.

— Не понимаю. Вы же говорили, что эти ракеты имеют головки самонаведения...

— Да, но, скорее всего, тепловые, нацеленные на факел двигателя. Если мы будем включать его в импульсном режиме, то ракетам придется за нами изрядно погоняться. Кто знает, может быть, к моменту, когда ракеты нас настигнут, мы будем в безопасном месте?

— Где же это?

Фрэзер молча указал рукой на чудовищный шар Юпитера, плывший по звездной реке.

Глава 17

Когда армия Вальфило вошла в ущелье, пересекавшее Дикую страну в северном направлении, Теор впервые услышал удары чужих барабанов. Он сразу же остановился, и воины последовали его примеру.

Теор прислушался. Ветер гудел над иззубренными скалами, окружавшими ущелье с обеих сторон. Их вершины были едва различимы на фоне темного, покрытого облаками неба, и все же можно было разглядеть редкие деревья, растущие прямо на камнях. Ветви раскачивались под порывами холодного ветра. Здесь же, на дне ущелья, царили тьма и густой туман. Лишь с трудом можно было различить силуэты воинов, едва держащихся на ногах после долгого пути.

— Вы слышали? — спросил Теор.

— Да, — ответил Вальфило. — Наблюдатели врага нас заметили.

Где-то на левой стене ущелья вновь забили барабаны.

— Лазутчиков нелегко будет поймать, — озадаченно сказал старый полководец, обводя скалы взглядом. — Плохое для боя место — сверху нас могут забросать камнями, и воинам негде будет спрятаться.

Теор задумался. Вернуться или, несмотря ни на что, идти дальше? Путь назад короче, и там, в предгорьях, войско быстро сможет развернуть свои порядки и отразить любые попытки улунт-хазулов прорваться через ущелье. Но если атака не последует, то впустую будет потеряно много дней. За это время Наярр наверняка падет, а Линанту и Порса ждет гибель.

— Идем вперед, — наконец решительно сказал Теор.

— Я не имею права обсуждать приказы Рива, — почтительно склонил голову Вальфило. — Но мы идем навстречу гибели. — Он жестом подозвал к себе адъютанта и сказал:

— Вышлите вперед отряд разведчиков. Пусть они найдут соглядатаев и уничтожат их. Полкам же сомкнуть ряды и продолжать движение.

Загремели барабаны наярр. Эхо гулко прокатилось вдоль стен ущелья. Захрустел лед под сотнями ног, и полки вновь двинулись в сторону Медалона. С приходом ночи мрак еще больше сгустился, но Теор решил не делать привала, надеясь пройти ущелье как можно быстрее. Вскоре вернулись разведчики. Увы, наблюдателей врага обнаружить не удалось, и неудивительно — здесь, в горах, легко спрятаться. Зато и отрядов улунт-хазулов, к счастью, поблизости не оказалось. Но Теор был столь же мрачен, как и Вальфило — он знал, что враги дадут бой на равнине.

Около полуночи они достигли Ворот Ветра. Скалы разошлись в стороны, и теперь впереди лежал довольно пологий склон — последнее препятствие на пути к Медалону. Вдали темнела мерцающая Лента — это нес свои воды к океану Брантор. Здесь, в конце ущелья, армия остановилась на отдых. Но Теор, несмотря на усталость, долго не мог сомкнуть глаз и лишь перед рассветом слегка задремал.

Его разбудил грохот барабанов. Встряхнувшись, Теор вышел из-под наскоро сооруженного навеса и стал вглядываться в пелену дождя, изредка освещаемую вспышками молний. Звук шел откуда-то из-за реки. Хотя это могло только казаться — на равнине барабанный бой можно услышать и за десять миль.

Остальные воины тоже проснулись. Теор услышал встревоженные крики в темноте, заглушаемые воем небесной бури. Он схватил свой собственный барабан и передал сигнал: «Тихо, тихо, тихо». Шум голосов стих, и он вновь смог различить далекие звуки вражеского барабана — теперь он понял, что они доносятся с юга. «Боом-бом-бrrr-бом! Боом-бом-бrr-бом! Та-та-бом-боом-бrr! Бrr-та-бом-бом-бом...»

Вскоре из тьмы прискакал отряд патрульных.

— Я послал их в надежде поймать хоть одного лазутчика, — объяснил старый Вальфило.

— Вы опасаетесь, что враги могут напасть из засады?

— Нет, лазутчики слишком малочисленны. Но, судя по бою их барабанов, большой отряд где-то неподалеку и знает о нашем приближении.

— Это улунт-хазулы, — глухо сказал Теор. Вальфило выругался.

— А кто же еще? Чалхиз лучше знает эти места, чем я думал. Сразу после битвы на побережье он наверняка послал лазутчиков во всех направлениях, по которым мы могли отступить в Медалон. Так что шансов устроить ему приятный сюрприз больше нет. Ему известен каждый наш шаг.

— И что же теперь делать? — упавшим голосом спросил Теор.

— Мы еще можем вернуться в леса за Дикой стеной.

— Нет!

— Тогда стоит соорудить здесь укрепления, это очень удобная позиция.

— И какой в этом смысл? Враги без хлопот возьмут Наярр, а с нами разделяются на досуге.

— Верно. Остается одно — идти вперед открыто и быстро, не тратя времени на постройку плотов. Припасы мы сможем получить по дороге у фермеров. Но сначала надо сделать в ущелье хотя бы простейшие укрепления, чтобы у нас в тылу, на всякий случай,

была сильная позиция для обороны. Не исключено, что мы и проиграем битву.

Теор неохотно согласился. Строительство оборонительных редутов давало врагу время подтянуть силы, но Теор слишком хорошо знал слабость своей армии.

Рассвет воспламенил облака, и мгlistый туман стал медленно подниматься к ним. Воины принялись строить несколько стен, преграждавших дорогу в ущелье. На скалистые стены было поднято множество валунов, чтобы бомбардировать ими при необходимости отряды противника.

Теор вместе со всеми таскал тяжелые камни, лишь изредка отвлекаясь, чтобы выслушать сообщение разведчиков. Им все-таки удалось поймать одного из лазутчиков, но это было небольшим утешением.

День, а также следующая ночь, прошли в непрерывной работе, и только под утро Вальфило решил, что позиция готова для обороны. После короткого отдыха полки наярр оставили ущелье и направились в сторону холмов. К вечеру они разбили лагерь на берегу Брантора. На рассвете Теор вновь услышал грохот, и это уже переговаривались армейские барабаны. Войско улунт-хазулов было ближе, чем он ожидал.

Наярры быстро двинулись вдоль реки. Запасы уже подходили к концу, а охотники могли обеспечить лишь минимум пищи. Впереди на два дня пути простиралась скудная равнина, заросшая редким кустарником. Брантор, бурля на перекатах, нес свои фосфоресцирующие воды к океану.

С каждым часом воины шли все медленнее — их силы заметно убывали. «Ничего, скоро мы подойдем к зоне земледелия, и фермеры помогут нам», — подбадривал себя Теор.

Ближе к полудню в небе появился всадник на форгаре. Приземлившись, вестник подбежал к Теору с криком:

— Генерал Рив, я видел армию врага! Она необъятна, словно море!

— Что? — вздрогнул Вальфило. — Так скоро?

— Они приплыли по реке, — объяснил вестник. — Брантор весь почернел от их кораблей.

Теор прислушался. Да, грохот вражеских барабанов заметно приблизился.

— Что ж, это вполне возможно, — хмуро сказал он. — Морские чудовища могут поднять корабли улунт-хазулов даже вверх по течению. Ты посчитал, сколько их?

— Да. Кораблей больше, чем два раза по 64, и каждый везет множество воинов.

— Выходит, они сняли осаду с Наярра, — задумчиво пробормотал Теор.

Вальфило покачал головой.

— Не обязательно. Наверняка они оставили небольшие патрульные отряды, чтобы помешать горожанам уйти в глубь страны. Да и спуститься по течению для армии Чалхиза не представляет труда — они могут быстро нагнать наших людей и уничтожить.

— Горожане не так уж беззащитны! — пылко воскликнул Теор. — Они способны не только обороняться, но и атаковать врагов с тыла.

— Каким же это образом? Морские чудовища дают Чалхизу неограниченные возможности для маневра. Конечно, если горожане не будут вступать в бой, а постараются побыстрее соединиться с нашими полками... — он задумчиво поскреб массивный подбородок. — Да, это наша последняя надежда. Мы должны передать в Наярр послание. Горожане должны рискнуть всем — хотя им мало что осталось терять и спешно двинуть свои отряды сюда, на север. Мы же должны постараться завязать длительную битву, постепенно отступая к ущелью. Возможно, Чалхиз и не разгадает наш отвлекающий маневр. Хотя вряд ли это сработает. Чалхиз успеет положить немало наших воинов, прежде чем подоспеет подмога из Наярра. И тогда без труда сможет воевать на два фронта. Но плата, которую он заплатит за Медалон, будет немалой.

— Когда они нападут на нас? — глухо спросил Теор.

— Полагаю, ночью они разобьют лагерь, а утром предпримут атаку. У нас почти не осталось времени, чтобы подготовиться к битве.

Вальфило собрал своих адъютантов и отдал необходимые распоряжения. Вскоре полки

двинулись в путь, направляясь к холмам: седловидные склоны могли защитить фланги во время боя. Вскоре весь окрестный кустарник был втопан в грязь, и берег реки стал красно-бурым от сотен кентавров. Многие наярры исхудали настолько, что можно было пересчитать их ребра, и поэтому никто не возразил, когда Вальфило приказал зарезать большинство оставшихся форгаров. Слишком уж мало их осталось, чтобы всерьез помочь во время боя, а армия голодала. Охотники приходили с пустыми руками, и Теор стал всерьез беспокоиться, хватит ли припасов до начала боя. «Это я привел воинов к краю гибели!» — с тоской думал Рив. Только сейчас он стал осознавать все безумие своих планов и жаждал лишь одного — чтобы копьё крага быстрее прервало его душевные мучения.

Перед закатом наярры сделали последний привал. Этой ночью многие воины спали плохо, а оба военачальника ни разу не сомкнули глаз. Утром, когда мгла стала рассеиваться, сквозь туман промелькнула тень — вернулся один из разведчиков на форгаре. Сообщил, что корабли улунт-хазулов уже причалили к берегу невдалеке от холмов. Но, судя по всему, враги толком не знали, где находятся наярры, и потому разослали лазутчиков во все стороны. Некоторые даже пустились вплавь по реке, чуть приподняв глаза над поверхностью потока.

Туман стал медленно подниматься. Было холодно, так что изморозь, осаждаясь на телах воинов, сразу же превращалась в лед. Три потрепанных знамени развевались над рядами воинов, закованных в чешуйчатые доспехи. Их лица были суровыми и непреклонными. Теор и Вальфило находились в центре передней линии. Все смотрели в сторону леса, за которым протекал Брентор. С первыми лучами Солнца из-за деревьев высыпали орды серых гигантов. Под грохот барабанов построились в шеренги и не спеша двинулись к холмам. В глазах зарябило от блеска щитов, панцирей, множества разноцветных знамен, а вскоре — и от оскаленных клыков. Улунт-хазулов было, по крайней мере, втрое больше, чем воинов Вальфило. А помощь из Наярра так и не пришла, хотя в город было послано несколько вестников на форгарах...

— Смотрите! — крикнул Вальфило, указывая рукой в центр вражеского полчища. — Это знамя вождя, я видел его во время битвы на берегу залива. Чалхиз сам будет руководить боем.

Барабаны чужаков еще более ускорили темп, и улунт-хазулы прибавили шаг. Наярры ответили возбужденными криками, воины потрясали копьями. Затем Вальфило отдал приказ, и войско стало готовиться к встрече с противником. Воины второй линии положили копья на плечи бойцам первого ряда, и так же поступили наярры из других рядов. Затем они галопом помчались навстречу противнику.

Ближе, ближе, еще ближе... Несколько всадников на форгарах взмыли в воздух и стали бросать камни сверху на врагов, но без заметной пользы. Теор вспомнил свои эксперименты с луком и стрелами, которые он изготовил по совету Фрэзера. Тогда ему показалось, что в условиях Юпитера это оружие неэффективно, но сейчас он пожалел, что наярры его лишены. Он крепче сжал в руке топор и, как все бойцы первой линии, стал прикидывать, кто из улунт-хазулов окажется его противником. Им вроде мог стать могучий парень с рваной

раной на левой щеке. Воздух кипел от воинственных криков. Вскоре две орды столкнулись.

Первая линия улунт-хазулов с безрассудной храбростью бросилась на копья наярр, видимо, понадеявшись на свои роговые панцири и щиты. Но чужаки были мгновенно смяты. Один из серых гигантов направо от Теора успел отбить палицей копье, нацеленное ему в грудь, но тут же другое копье вонзилось в его незащищенный бок. Чужак завопил, истекая кровью, но его голос потонул в оглушительном грохоте. боя.

Противник Теора, отбрасывая в сторону сыпавшиеся на него копья, ринулся на молодого вождя. Тот едва успел отразить удар, нацеленный ему в горло, и, в свою очередь, обрушил топор на плечо врага. Улунт-хазул зарычал и вновь попытался достать его копьем. Теор отбил древко в сторону, но сам ударить не успел — могучая рука схватила его за запястье. Положение стало отчаянным. Подняв щит, Теор рубанул его краем по руке противника. Улунт-хазул с воплем отшатнулся, но наярр не дал ему прийти в себя. Еще дважды он ударил врага топором по шлему и, устремившись вперед, оказался позади оглушенного гиганта. Тот не успел повернуться, и лезвие топора глубоко вонзилось ему в спину. Фонтаном хлынула кровь. Улунт-хазул рухнул на землю, но тут же другой чужак наступил на товарища — он еще дышал — и бросился на Теора.

Наярры выдержали первый натиск врага, и вскоре оба войска перемешались. Битва рассыпалась на множество отдельных поединков. Теор старался быть впереди, но внезапно поскользнулся и упал. Как выяснилось, к счастью — над его головой просвистел нож. Едва поднявшись, наярр вновь был вынужден вступить в схватку. Обменявшись ударами, противники оказались оттеснены другими борющимися парами. Теор тяжело дышал — силы его быстро таяли. И тогда он услышал, что диск на его груди ожил.

Он не успел даже наклонить головы — топор пролетел рядом, едва не отрубив ему руку. Его противник неся на него, поднимая копье.

Теор увернулся от разящего удара, бросившись врагу под ноги. Улунт-хазул по инерции переступил через него, и в этот момент наярр изо всех сил ударил его щитом по незащищенному брюху. Чужак завопил и, взмыв в воздух, упал на груды изрубленных тел.

Поднявшись на ноги, Теор увидел невдалеке Вальфило. Забрызганный кровью ветеран отчаянно отбивался сразу от нескольких наседавших на него серых гигантов. Теор было ринулся ему на помощь, но его опередили несколько наярр с копьями наперевес. И тогда, вместо того чтобы вновь войти в битву, он повернулся и побежал вверх по склону, расталкивая спешащих навстречу наярр. Старался не обращать внимания на их возмущение и презрительные взгляды. «Мне надо выбраться из этой мясорубки, чтобы поговорить с Марком, — убеждал он себя. — Землянин всегда помогал мне своими советами».

И все же он не мог отогнать от себя недавно виденную страшную картину: залитый кровью Вальфило отражает атаки нескольких врагов. И он, Рив, даже не попытался помочь старому воину!

Глава 18

После 5-кратной перегрузки переход к невесомости был подобен прыжку в пропасть. Мозг Фрэзера затуманился, и он провалился в красную ночь.

Все же тонкая нить сознания еще вела из забвения. Фрэзер судорожно ухватился за нее и стал карабкаться к мерцающему вдали пятну света. Когда наконец он очнулся, то сразу же взглянул на часы и удивился — прошло всего несколько минут.

На экране заднего обзора все еще не было видно преследующих корабль ракет, но радары говорили: они рядом и все время приближаются. Конвульсивным движением Фрэзер включил боковые сопла и развернул «Олимпию» в сторону Юпитера.

Чудовищный шар, еще недавно висевший в космосе, исчез. Теперь весь экран занимала панорама желто-зеленых и коричневых облаков, испещренных глубокими ущельями тьмы. Вслед за ними неся светящийся вихрь — гигантский шторм длиной в десятки тысяч миль. Фрэзер остановил вращение корабля и вновь включил маршевый двигатель. Навалившаяся

перегрузка едва не задушила его. Где-то рядом кто-то захрипел. Слава Богу, Лоррейн жива! — подумал Фрэзер, но даже не повернул головы, сосредоточившись на управлении кораблем, который входил в верхние слои атмосферы.

Фрэзер выбрал самую крутую из всех траекторий, какие мог выдержать человек. Настигающие «Олимпию» ракеты подобных ограничений не знали и поэтому стали приближаться еще быстрее. Когда Фрэзер убедился, что сделал все возможное, он собрался с силами и посмотрел на Лоррейн. Она, к счастью, уже давно потеряла сознание. Лицо было залито кровью, текущей из носа. «Хорошо, что Лори отключилась сейчас, — подумал Фрэзер. — Полет в атмосфере будет очень тяжелым — если ракеты Свейна еще раньше не превратят «Олимпию» в решето. Бедная девушка, и зачем я взял ее с собой!»

Он знал, что следует подумать о Еве и ребятах, но две серебристые точки, появившиеся на экране, выветрили все сентиментальные мысли из его головы. Расстояние между «Олимпией» и ракетами сокращалось с каждой минутой. Но и плотность воздуха росла очень быстро. Корпус космолета разогрелся докрасна — Фрэзеру оставалось надеяться, что ракетам ничуть не лучше. Вскоре «Олимпия» вместе с преследователями спустилась в средние слои атмосферы, которая при такой скорости создавала заметную подъемную силу. Аэродинамические формы «Олимпии» немедленно среагировали, и корабль заскользил по касательной к «воздушной подушке», подпрыгивая, словно камешек, брошенный под малым углом к водной глади. Как и надеялся Фрэзер, ракеты, не рассчитанные на полет в условиях Юпитера, не сумели повторить подобный маневр. Круто уйдя вниз, они, словно метеориты, устремились к поверхности, продолжая накаляться. Их теплозащита, естественно, продержалась недолго, и боеголовки взорвались. Фрэзер увидел на экране, как на фоне темных облаков на мгновение вспыхнули две искорки. «Вот так-то, Свейн», — едва шевеля губами, прошептал он.

Но времени для того, чтобы радоваться чудесному избавлению, не осталось. «Олимпия», теряя скорость, входила уже в нижние слои атмосферы. Могучий ураган подхватил ее, словно перышко, и, бросая из стороны в сторону, понес на запад. Кабину наполнил пронзительный свист ветра. Сознание Фрэзера вновь затуманилось. Он прилагал все силы, чтобы не терять контроля над кораблем. «Надо вывести его на орбитальную траекторию, — думал он, едва передвигая непослушными руками по панели управления. — Держись, держись... ты сможешь сделать и это». Когда корабль все-таки начал подниматься по расчетной кривой, Фрэзер включил киберштурман и позволил себе погрузиться в забвение.

Очнувшись, он вновь первым делом посмотрел на часы. На сей раз проспал долго, слишком долго. Но они давно вышли на орбиту, и это помогло ему восстановить силы — в состоянии невесомости избитое тело чувствовало себя гораздо лучше. Еще больше он обрадовался, увидев плывущую к нему через кабину Лоррейн. Она пришла в себя раньше него и выглядела совсем неплохо.

— Марк, как вы себя чувствуете? — взволнованно спросила девушка.

Фрэзер расстегнул ремни безопасности и, взмыв вверх, осторожно пошевелил руками и ногами, затем повертел головой из стороны в сторону.

— Все дьявольски болит, но кости, кажется, целы, — хрипло ответил он. — А как вы?

— То же самое. Я уже полчаса как очнулась и просто извелась, не зная, как вам помочь. — Девушка с облегчением улыбнулась и, подплыв ближе, обняла его за плечи. — Марк, неужели мы это сделали? Представляю, как взбесился бы Свейн, если бы узнал, как мы провели его!.. О-ох, до чего болит бок...

Эти слова напомнили Фрэзеру, что у них осталось немного стимулирующих таблеток. Проглотив по паре штук, они запили их соком из емкостей, встроенных в задние стенки скафандров, и вскоре оба почувствовали себя значительно легче.

— Как насчет того, чтобы перекусить? — спросил Фрэзер. — Надо восстановить силы. Они нам еще пригодятся...

— Нет, я не хочу! — запротестовала Лоррейн, слегка покраснев. — Хотите, я отдам вам

свои таблетки концентратов? Все-таки вам вести корабль.

Фрэзер отказался наотрез и проследил, чтобы девушка хоть немного поела. Затем Лоррейн решила принять душ и удалилась в соседний отсек. Она вернулась на удивление посвежевшей, и тогда Фрэзер, не выдержав, последовал ее примеру: забрался в ящик, чем-то напоминавший гроб. Это была аварийная душевая, предназначенная для случаев, когда внутри космолета по тем или иным причинам отсутствовал воздух. Здесь, при тусклом свете лампочки, Фрэзеру пришлось изрядно помучиться, чтобы снять с себя скафандр. Затем, извиваясь, словно угорь, он помылся остатками воды, по счастью, оказавшимися в контейнере душевой. Под конец он почувствовал себя лучше настолько, что даже захотел взглянуть в небольшое зеркальце, закрепленное на стене. Стер с лица запекшуюся кровь, жалея, что нечем снять густую щетину. Теперь он готов был вновь влезть в тесный скафандр и терпеть до конца изнуряющий дискомфорт.

Вернувшись в кабину, он увидел Лоррейн, которая словно замороженная смотрела на экран, на котором мелькали желто-зеленые облака.

— Никогда не видела ничего более величественного и страшного, чем Юпитер, — тихо сказала она.

— Да, — кивнул Фрэзер, — это неплохая компенсация за наши мучения.

Лоррейн опустила голову.

— Но не за наши ошибки, верно? Мы ведь ошиблись, ввязавшись в эту авантюру с побегом из Авроры, да?

— Не надо распускать нюни, — резко сказал Фрэзер, помрачнев. — Мы захватили из-под носа Свейна «Олимпию», долетели до Юпитера и здесь сумели свернуть головы его ракетам-убийцам. Вряд ли кто-нибудь сделал бы больше на нашем месте. Мы свободны, Лори, свободны!

— Да, свободны: умереть от жажды, если, конечно, у нас раньше не кончится кислород, — с горькой иронией ответила девушка. — Впрочем, способов умереть много — но как нам выжить? И как спасти колонистов? Я уже не говорю о Земле, которая скоро окажется во власти этого безумца Свейна... Если бы у нас были навигационные таблицы...

— То что бы мы сделали? — усмехнулся Фрэзер.

— Самую простую вещь. Вывели бы «Олимпию» на траекторию полета к Земле, написали послание правительству США, а затем открыли бы люки. Орбитальные станции слежения наверняка заметят и перехватят корабль. Люди узнают об угрозе из космоса. Да, мы умерли бы, но с чистой совестью!

Фрэзер покачал головой.

— Боюсь, вы ошибаетесь, Лори, — мягко сказал он. — Чтобы успеть на Землю раньше Свейна, «Олимпии» надо лететь с гиперболической скоростью. Киберштурман этого корыта не предназначен для таких штучек, здесь без пилота не обойтись. Нет, Свейна мы так не одолеем. Надо придумать что-нибудь другое...

Он замолчал, пораженный внезапной идеей. А что, если... Лоррейн с тревогой смотрела на него.

— Что с вами, Марк?

— Так... Пришла в голову одна мысль. Дурацкая, сумасшедшая, но все же... Если бы мы сумели раздобыть немного кислорода и воды на Юпитере, то на Землю и лететь не надо.

— Что-о?

— Все, что у нас есть в распоряжении, — это пустые трюмы «Олимпии». А на поверхности этой милой планетки сколько угодно льда. Нам, конечно, и носа наружу не высунуть в таких скафандрах, но собратья Теора могут нагрузить трюмы до предела. А уж я как-нибудь сумею наладить электролиз кислорода из воды.

— Но ведь лед на Юпитере не чистый, в нем много примесей аммиака и метана! Разве вы сможете избавиться от них?

— Постараюсь. Но сначала надо попытаться связаться с Теором.

Фрэзер включил бортовой нейтринный передатчик. Его мощность была невелика, и до

лун сигнал дойти не мог. Но до спутников связи, вращавшихся вокруг Юпитера, дальности вполне должно было хватить. А потом сигнал попал бы к Теору обычным путем через передатчик, который наябры величали Оракулом.

— Теор, это говорит Марк. Ты слышишь меня? — сказал он на общем языке.

— Какая странная речь, — заметила Лоррейн. — Сплошное щелканье и свист. Вы молодец, Марк, мало кто научился говорить на языке юпитериан. Что, нет ответа?

— Нет. Боюсь, отвечать уже некому...

Только сейчас Фрэзер вспомнил, что его друг сам находится в бедственном положении. Кто знает, спасся ли он, нашел ли остатки разгромленного войска Вальфило? Или бродит, потеряв надежду, среди диких, необитаемых гор? Но тогда у них с Лоррейн тоже нет шансов на спасение...

— Теор? Брат, почему ты молчишь? Ответь, прошу тебя!

Прошло несколько томительных минут, прежде чем Фрэзер услышал глухой, усталый голос:

— Уш! Небо, благодарю тебя! Марк, я счастлив говорить с тобой.

— Как дела, брат?

— Тяжелая битва идет, Марк. Я с трудом выбрался из сечи, чтобы поговорить с тобой. Похоже, настал последний день для наябры. Но я рад, что ты жив, Марк!

— Расскажи, что произошло. Я нахожусь недалеко от тебя — об этом ты можешь судить по отсутствию пауз в разговоре. Может быть, мне даже удастся... Но об этом потом, я хочу сначала узнать о твоих приключениях.

Теор коротко рассказал о своих странствиях в горах, о Скрытном народе, о том, как ему удалось найти армию Вальфило в лесах около Дикой стены. Фрэзер с изумлением выслушал фантастическую историю, а затем, помрачнев, обрисовал ситуацию, в которую попали они с Лоррейн.

— Странно, как переплелись наши судьбы, — задумчиво заметил Теор. — Не знаю, что посоветовать тебе, Марк. Что касается меня, то я возвращаюсь к холмам — туда, где умирает мой народ под топорами чужаков. И все же мы хорошо воевали — и ты, и я, разве не так?

— Если бы я мог тебе помочь, — с тоской произнес Фрэзер. — Но погоди, я, кажется, придумал!

— Что? Показать твой летающий корабль нашим врагам? Но уже поздно...

— Теор, я не желаю тратить драгоценное время на споры. Я лечу к тебе. Пока в драку не ввязывайся, без тебя нам с наябрами не договориться. Продержится ли твоё войско еще несколько часов?

— Да, да, конечно! Не сомневаюсь, что улунт-хазулы достаточно нахлебались своей и чужой крови и захотят отойти на время, чтобы собраться с силами перед новой атакой. Мы можем тоже отступить и больше не рваться вперед. Пусть противник погоняется за нами по равнине. Но как тебе удастся...

— Жди моего следующего вызова. Но я прилечу, обязательно прилечу!

Фрэзер выключил передатчик и повернулся к Лоррейн.

— Наденьте ремни, красавица. Мне очень жаль, но нам еще немного придется помучиться при пяти G.

Девушка не спорила. Сев в кресло, она торопливо застегнула пояса безопасности. Фрэзер коротко объяснил ей свой замысел.

— Так или иначе, но мы поможем наябрам выиграть войну, — заключил он.

Девушка ласково коснулась рукой его шлема.

— Марк, вы молодец. Я уже говорила, что вы — настоящий мужчина!

— Э-э... о чем я говорил? При удаче и мы можем выпутаться из ловушки, в которую нас загнал Свейн. Но для начала я впущу в корабль юпитерианскую атмосферу. В принципе это не предусматривала ни одна программа, но ведь в отсеках «Олимпии» совсем нет воздуха! Мне не хочется, чтобы корпус этой посуды раздавило, как орех. Готовьтесь, Лори.

Было не просто погасить орбитальную скорость, составлявшую 26 миль в секунду, но корабль потихоньку стал снижаться. Потом Фрэзер нажал несколько кнопок, игнорируя тут же вспыхнувшую табличку с надписью «Опасность». Воздух планеты с шумом ворвался через приоткрывшиеся заглушки, и в кабине потемнело от пыли. Еще какое-то время «Олимпия» опускалась, борясь с чудовищным штормом, а спустя несколько минут перед глазами открылась фантастическая панорама, которую не доводилось видеть никому из землян.

Звезды исчезли. Небо из черного стало темно-фиолетовым, исполосованным белесыми поясами облаков из кристалликов льда. Снежинки сверкали под косыми лучами Солнца. Внизу открывался бескрайний воздушный океан, в котором плыли темные фронты туч — каждая размером с земной материк, — озаряемые бесчисленными разрядами молний. Даже бывалому Фрэзеру было не по себе, когда корабль стал падать в этот титанический мир облаков, ну а Лоррейн не выдержала и закрыла глаза, вся дрожа от страха.

Фрэзер выключил двигатель, когда воздушное давление поднялось до уровня, соответствующего двадцати милям земной высоты, — здесь же расстояние до поверхности было куда меньше. Затем «Олимпия» выпустила крылья, и начался аэродинамический участок полета.

Вскоре корабль вошел в слой облаков парообразного аммиака. Экраны немедленно окутала тьма. Фрэзер переключил их на инфракрасный диапазон, но видимость мало улучшилась. И только когда рядом вспыхнула гигантская молния, на мгновение проявились силуэты причудливых скал и каньонов этого облачного царства. Чуть позже на «Олимпию» обрушился водопад дождя, заставив ее взбрыкивать, словно необъезженного мустанга. Стрелки на приборах начали бешеную пляску, не меньше трясло Фрэзера и Лоррейн. Это был, наверное, самый жуткий участок спуска.

Через час корабль вышел из зоны дождя. Он опустился уже настолько, что окружающее давление стало поистине чудовищным. Ни один космолет, созданный руками человека, не мог бы уцелеть в таких условиях — кроме «Олимпии». Ее кабина и двигательный отсек были заключены в оболочку из сверхпрочного стального сплава особой структуры, в которой молекулы были предельно плотно упакованы. Только отверстия для входного и грузового люков нарушали монолит конструкции. Но створки были настолько массивны, что не боялись юпитерианской атмосферы. Иллюминаторы отсутствовали, а экраны работали от приборов, уже апробированных на автоматических станциях, сброшенных на поверхность Джупа. Кое-кто из ученых утверждал, что «Олимпия» — не столько космолет, сколько своеобразный батискаф. Она не столько летела, сколько плыла сквозь юпитерианскую атмосферу.

Корпус вновь затрясся, на сей раз от ударов аммиачных градин. Взглянув на экран, Лоррейн в ужасе закрыла глаза и застонала:

— Марк, да эти градины весят не меньше, чем я. Что, если они разобьют оболочку?

— Тогда до поверхности придется лететь самим, — усмехнулся Фрэзер и полностью сосредоточился на управлении кораблем.

Наконец они вышли из штормового вихря и попали в относительно спокойную зону, которая на экранах выглядела плотным зеленым туманом. Фрэзер тихо ругался сквозь зубы — ни разу за весь полет он не чувствовал себя таким беспомощным. Судя по давлению, они должны бы уже врезаться в поверхность планеты, но пока ее не было видно. И дальномеры молчали — бешеная тряска вывела их из строя. Но когда же кончится этот проклятый туман?

Внезапно зеленая пелена спала, и на экране открылась панорама поверхности Юпитера. Снимки, переданные с автоматических станций, давали некоторое представление об этом зрелище, но действительность оказалась куда более впечатляющей. Над ними теперь висел золотистый купол небес, в котором кипели бирюзовые, медно-зеленые и ультрамариновые облака. В северной части неба висел черный грозовой фронт, обрушивающийся на поверхность дождь, по сравнению с которым Ниагара показалась бы ручейком. Среди бушующих аммиачных потоков то и дело вспыхивали извилистые молнии, от одного вида которых

Лоррейн стало плохо.

Внизу тоже было на что посмотреть. На западе расстился океан, над которым висела пелена мрака. Огромные волны, светясь мириадами искр, мерно катили свои пенные гребни на восток, где накатывались с оглушительным грохотом на гигантскую дугу берега. Суша густо заросла кустарником, уходившим к далекому горизонту и таявшим там в бронзовом тумане. На юге высоко к облакам поднимался ледяной хребет, невдалеке от которого к морю стремилась фосфоресцирующая лента реки.

Фрэзер с трудом оторвался от завораживающего зрелища, чтобы взглянуть на приборную панель. Радары зарегистрировали излучение автоматического маяка — того, что находился в Доме Оракула вместе с другими механизмами землян, но сигнал был слишком слаб. То ли они находились слишком далеко от Наярра, то ли сели аккумуляторы маяка. Фрэзер еще немного снизил корабль и, развернувшись, полетел на север.

— Эй, Марк, смотрите! — внезапно закричала Лоррейн и указала на нижний экран. Фрэзер присмотрелся и увидел стаю рыбоподобных существ, плывших в воздухе в полумиле ниже «Олимпии». По равнине, поднимая тучи пыли, несло стадо шестиногих животных с могучими бивнями. При виде «Олимпии» они в панике побежали в разные стороны.

— Странно, — едва слышно произнесла Лоррейн и облизнула пересохшие губы. — Я почему-то всегда считала, что поверхность Юпитера больше напоминает гигантский ледник.

— А Теору наша Земля показалась бы раскаленной каменной оболочкой, — с усмешкой заметил Фрэзер. — Все относительно, красавица.

— Но на этой холодной планете так много жизни! Какой прекрасный мир!

Фрэзер кивнул.

— Угу. Юпитер — настоящее чудо Вселенной. Жаль, что нам недолго придется любоваться им. Увы, его обитатели мало ценят жизнь себе подобных — совсем как адмирал Свейн. И это может дорого обойтись не только наяррам, но и нам с вами, Лори.

Девушка неожиданно спросила с любопытством:

— У вашего приятеля Теора — неужели у него тоже есть семья?

— Да. Он преданный супруг и, не помешай война, скоро стал бы счастливым отцом. А сейчас жизни всех наярр висят на волоске.

Фрэзер пытливо поглядел на Лоррейн, но она, помрачнев, отвернулась.

Впереди появилась довольно широкая река — скорее всего Брантор. «Олимпия» сделала широкий вираж и полетела на небольшой высоте вдоль берега к океану. Вскоре радиокompас подсказал, что они находятся над Наярром. Внизу действительно расстилась равнина со следами интенсивной деятельности разумных существ. Сам город сверху был больше похож на запутанный лабиринт. Между зданиями суеилось множество наярр. При виде небесного корабля они в ужасе попрятались кто куда.

— Теор, как дела? — спросил напряженным голосом Фрэзер.

— Хуже, чем я надеялся. Чужаки еще не сбросили нас с холмов, но с каждой минутой наши ряды редеют. Где ты находишься?

— Над Наярром.

— Город еще держится?

— Да. Снаружи что-то не видно лагеря улунт-хазулов. Но твои сородичи испуганы и не пытаются установить контакт со мною.

— Дай им время. Члены Совета знают, как использовать коммуникатор в Доме Оракула — они просто растерялись. Они знают немного слов из общего языка, так что в случае моей гибели смогут помочь тебе. Но я еще надеюсь на спасение. Марк, твое появление в небе должно быть как можно более эффектным и пугающим!

— Постараюсь. Но сначала объясни, как найти место, где происходит битва. Когда мой корабль повиснет над холмами, отдай приказ вашим командирам немедленно начать отступление. Ваша армия должна спрятаться за склонами холмов.

Фрэзер замолчал, лихорадочно размышляя. Только сейчас окончательно определилась тактика будущих действий.

— Теор, ты сможешь установить связь с врагом?
— Я полагаю, Чалхиз отлично понимает язык наших барабанов.
— Предупреди его, что Оракул скоро прилетит с неба и уничтожит его войско, если улунт-хазулы не сдадутся!

— Как Чалхиз будет смеяться над нами! Ты не представляешь, что они сделают с нами, если твоя угроза окажется пустым звуком.

— Я не бросаю слов на ветер, — сухо заметил Фрэзер.

— Надеюсь. Это ведь может спасти и тебя? Теперь слушай внимательно — надо лететь в сторону...

Фрэзер внимательно выслушал друга. К его радости, голос Теора звучал бодрее — видимо, наявр поверил в возможность спасения.

— Еще одна важная деталь, — сказал он, когда Теор закончил. — Предупреди своих, чтобы не смотрели в сторону корабля. Пусть закроют лица щитами или отвернутся. Я уже близко. Удачи тебе, Теор!

— Пусть небеса помогут тебе в этот трудный час, брат!

Фрэзер отключил связь и коротко пересказал содержание этой беседы Лоррейн.

— Хорошо задумано, — сдержанно сказала она, — только вдруг ваш план не сработает?

Фрэзер промолчал.

«Олимпия» летела вдоль Брантора. Через несколько минут внизу появились корабли улунт-хазулов, рядом с которыми отдыхали морские чудовища. Вдали появилась холмистая местность, усеянная тысячами кентавров. Поначалу Фрэзеру показалось, что на поле боя царит полный хаос, но затем он заметил, что небольшая часть юпитериан отходит за один из холмов. Улунт-хазулы пока не преследовали их — видимо, были изрядно измотаны долгой битвой. На земле остались сотни лежащих тел — они выглядели так же жутко и трогательно, как и погибшие колонисты на окраине Авроры.

— Теор, ты готов? — процедил Фрэзер, сжав ручки управления.

— Айя!

Фрэзер бросил корабль вниз.

Он надеялся, что улунт-хазулы разбегутся при одном виде небесного корабля. Но это были мужественные воины, умевшие подчиняться суровой дисциплине. Звуковые сенсоры корабля донесли до Фрэзера взрыв барабанного боя. Видимо, звучал сигнал: «Всем собратся!», потому что воины стали организованно становиться в ряды. Построившись огромным квадратом, они подняли вверх копья и разразились громкими криками, словно грозя космическому богу.

— Теор, я вижу яркий флаг в центре войска. Может, там находится их вождь?

— Да, скорее всего Чалхиз сам руководит боем. Мне стыдно, что я нахожусь сейчас в стороне от своих людей и почти не участвую в битве.

— Я тоже чувствую нечто подобное... Ну что ж, пора навестить Чалхиза и передать ему привет от тебя.

«Олимпия» слегка накренилась, и тогда Фрэзер выстрелил в сторону знамени двумя

химическими ракетами — единственным оружием, находящимся, на всякий случай, на борту корабля. Ни на Ганимеде, ни в космосе они не представляли никакой угрозы для противника, поскольку их боеголовки были специально рассчитаны на реакцию с нижними слоями юпитерианской атмосферы, но здесь они сработали на славу.

В небе словно вспыхнуло маленькое солнце. Земля запылала, ледяные склоны холмов расплавились и потекли бурными потоками. Облака парообразного аммиака окутали все вокруг. Многие улунт-хазулы вспыхнули факелами. Чуть позже пришла страшная ударная волна, бросившая на землю немногих уцелевших воинов. Могучий порыв ветра покати́л их к реке, словно легкие шарики.

Фрэзер не мог точно сказать, много ли улунт-хазулов попало в этот адский котел. Он взглянул на другую сторону холмов, где лежали вповалку сбитые с ног наярры. Вскоре он увидел с облегчением, что в сторону реки бегут и сотни уцелевших чужаков, обожженных, вопящих от боли, но живых! Это было все, что осталось от могучей армии Чалхиза.

— Теор, как чувствуют себя ваши? — спросил он, стараясь не думать о тысячах существ другого мира, которых только что погубил.

— Слава небесам, мы были хорошо защищены склоном холма! Все ошеломлены ужасным огнем, упавшим с неба, но потихоньку начинают приходить в себя. Вальфило уже отдал приказ двигаться к реке и захватить остатки вражеского войска, пока они не уплыли на кораблях к морю. Иначе чужаки могут собраться в банды и терроризировать население Медалона. В крайнем случае мы погоним их за Дикую стену, тамошние племена быстро с ними разделаются. Спасибо тебе, Марк, ты спас нас от верной гибели! Ты собираешься сесть?

— Конечно, — сказал Фрэзер дрогнувшим голосом.

— Мы ждем тебя, брат! Только подумать, ты будешь первым землянином, посетившим нашу планету!

Фрэзер выключил передатчик и посмотрел влажными глазами на Лоррейн. Та, не скрывая слез радости, сняла ремни безопасности и, встав, прижала его голову к своей груди.

— О, Марк, вы сделали настоящее чудо! Вы, вы...

— Я — убийца, — глухо сказал Фрэзер, зажмурившись. — Я убил тысячи инопланетян.

— Но вы спасли целую цивилизацию от гибели! — горячо возразила девушка. — Только подумайте, сколько жизней было бы погублено, если бы вы не вмешались в эту бойню! Я уже не говорю о том, что у нас есть шанс разделаться со Свейном...

— Мы сделаем это, Лори, сделаем! — прошептал Фрэзер и, уже не сдерживаясь, заплакал.

Глава 19

Фрэзер сидел в пилотском кресле, испытывая танталовы муки. Ему было наплевать, что наступил исторический момент, что впервые люди высадились на казавшийся вчера недоступным Юпитер, и там, за бортом корабля, толпятся десятки наярр. Долгое пребывание в тесном скафандре выветрило из него все возвышенные чувства. Тело чесалось от пота, а желудок выворачивало от тошноты. Запахи также были далеко не ароматическими. Но больше всего он страдал от острого голода. Единственное, что можно было себе позволить, — это сон, и, пока наярры нагружали трюмы «Олимпии» льдом, они с Лоррейн выпалились всласть. Вот таким оказался первый контакт людей с разумными обитателями Юпитера.

Лоррейн еще спала. Некоторое время Фрэзер сидел и удивлялся, до чего фантастический план спасения пришел ему в голову. Но что еще можно было придумать в их отчаянном положении? Правда, Теор предложил ему перелететь в Атху. Местные кузнецы, мол, легко очистят от примесей нужное количество льда. Но вскоре молодой наярр передумал, посчитав, что жители Атха скорее всего разбежались, узнав о приближении врага, и что вся операция займет слишком много времени.

Фрэзер взглянул на экран. День близился к закату. Солнца не было видно, его закрывали толстые слои облаков, но купол неба на западе был заметно светлее. Туман окутывал вершины холмов, на которых кое-где виднелись могучие деревья, раскачивающиеся в такт порывам ветра. Вдали вилась лента реки, мерцающая мириадами искр, а на горизонте возвышалась темная громада гор Дикой стены.

— Черт, как же мне хочется...

— Чего, Марк? — отозвалась проснувшаяся Лоррейн.

— Когда-нибудь вновь вернуться сюда и посмотреть на эти места при свете дня.

— Почему бы и нет? Будь у нас нужная экипировка и запас стимулирующих таблеток, мы вполне могли бы провести здесь несколько дней. Не переживайте, вас наверняка пригласят в следующую экспедицию, а я... Все-таки я женщина и не очень-то подготовлена для таких вещей.

— Хм... вряд ли и меня возьмут в полет, Лори. Пилоты здесь нужны поопытнее, а что касается контакта с Теором... этим я вполне могу заниматься и сидя на Ганимеде. Словом, староват я для таких полетов.

Девушка закусила губу, не зная, чем утешить спутника.

— Я даже не могу толком воспринимать происходящее, — продолжал жаловаться Фрэзер. — Словно бы отупел. Вы помоложе, Лори, так что смотрите во все глаза — вам придется впоследствии рассказывать ученым, на что похож Юпитер вблизи.

— Если это «впоследствии» наступит, — хмуро пробормотала Лоррейн.

— Вы не верите в мой план?

— Да я вообще не думаю сейчас о Свейне! Меня волнует другое — сможем ли мы стартовать? Когда вспоминаю о спуске, меня просто дрожь пробирает. Думаю, улететь отсюда не проще...

Фрэзер промолчал.

Тем временем наярры закончили загрузку трюмов «Олимпии». Нелегко было таскать глыбы льда после кровавой изнуряющей битвы. Они прошли прямо перед экраном, так что земляне увидели вблизи их покрытые ранами тела, опущенные руки и бессильно опавшие гребни. Нетвердой походкой воины направились в сторону реки, а Теор задержался у носовой части корабля. Косые лучи Солнца отражались от его больших глаз и диска коммуникатора, висевшего на груди.

— Мы закончили, брат, — сказал он усталым голосом. — Скажи, какая еще нужна помощь?

— Вы и так много сделали, — ответил Фрэзер.

— Можешь теперь ты взлететь?

— Да.

— Я даже не видел вас за стенками этой металлической оболочки. Неужели наши руки так никогда и не встретятся? Уш, в странном мире мы живем.

— Я свяжусь с тобой, как только смогу, Теор.

— Буду переживать за тебя и твою подругу. Пусть сила будет с вами всегда!

— Прощай, Теор.

— Прощай, Марк.

Юпитерианин махнул рукой и отошел в сторону холма. Фрэзер еще некоторое время с волнением смотрел ему вслед, а затем положил руки на панель управления. Закрыв грузовой люк, он включил двигатель. Струи огня вырвались из сопел, и корабль медленно пошел в небо, вздымая тучи пыли. Теор махал им рукой со склона холма. Вскоре он исчез во мраке.

Взлет оказался действительно непростым, но на сей раз Юпитер на стал обрушивать на них свои могучие ураганы. На высоте около двадцати миль Фрэзер открыл заглушки и заполнил все отсеки корабля, кроме кабины, почти чистым водородом. Поднявшись над облаками, он увеличил тягу и при пяти G вышел на орбиту. У него едва хватило сил совершить маневр разворота, а затем он включил киберштурман и погрузился в спасительный сон.

Очнувшись, он почувствовал себя хоть и по-прежнему слабым, но все же отдохнувшим. Даже не верилось, что позади остались посадка на поверхность Юпитера и встреча с Тео-ром — пусть и через толщу экрана.

— Как вы себя чувствуете, Лори? — обратился он к девушке.

Она улыбнулась в ответ, хотя лицо было очень бледно.

— Нет, Марк, полеты на Юпитер не для меня, — еле слышно ответила она. — Эта перегрузка едва не раздавила меня... И к тому же я очень голодна. Думаю, теперь можно съесть последние концентраты, верно?

Фрэзер кивнул.

— Да. И напиться вволю. Больше нет смысла беречь остатки припасов. Но сначала надо собрать эту штукину, о которой я говорил. Не хочется возвращаться к Свейну без подарка.

— Я уже подготовила все необходимое, пока вы спали, Марк. — Девушка кивнула в сторону койки, заваленной инструментами, запасными агрегатами и кусками проволоки, которые она принесла из ремонтного отсека, и улыбнулась: — Я даже начала монтировать эту установку — в технике я все-таки кое-что понимаю.

Марк с уважением взглянул на девушку. Он совсем забыл, что Лоррейн — хороший инженер и разбирается не только в административных делах. При янтарном отсвете Юпитера лицо ее показалось ему на удивление красивым.

— Вы просто прелесть, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Не надо, Марк, — смущенно прошептала Лоррейн и тут же, упрямо мотнув головой, возразила сама себе: — Нет, надо! Возможно, другого случая выяснить отношения и не представится.

— Что я могу сказать, Лори? — вздохнув, сказал Фрэзер. — Я бы с удовольствием свернул шею мужчине, который вздумает жениться на вас.

— Это что, признание в любви? — нервно рассмеялась девушка. — Тогда отвечу в том же стиле: я давно ненавижу вашу жену. И знаете, не очень-то ей завидую. Ей никогда не пережить с вами того, что испытали мы вместе во время этого безумного перелета.

— Да, это верно... Но впереди нас ждут тяжелые часы, Лори. И неизвестно, чем все это кончится.

Лоррейн посмотрела на него глазами, полными слез, и отвернулась.

— Ладно, Марк, давайте займемся вашей установкой. Никогда не ненавидела свой скафандр так, как сейчас. И ваш тоже.

Фрэзер хмыкнул и слегка покраснел. Все-таки Лори бывает излишне прямолинейна, подумал смущенно он.

Несколько часов они работали вместе, обмениваясь лишь короткими фразами. Наконец установка была готова. Фрэзер подключил ее к системе управления двигателем. Усталые, но довольные они вновь уселись в кресла. После короткого отдыха Фрэзер стал готовиться к посадке на Ганимед.

Луна уже была хорошо видна впереди, занимая почти пол-экрана, так что можно было разглядеть наиболее крупные кратеры и трещины. Фрэзера мучили тяжелые предчувствия, но страха он не испытывал. «Я вновь лечу, чтобы убивать, — подумал он. — Мало того, что я уничтожил сотни улунт-хазулов, теперь должен пролить кровь людей. О Господи, зачем ты взвалил мне на плечи такой непосильный груз?»

Рассердившись, он резким движением включил передатчик.

— Космолет «Олимпия» вызывает диспетчерскую станцию Авроры, — произнес он. — Включите сопроводительный луч и разрешите мне посадку.

— Что? «Олимпия», вы сказали? — воскликнул незнакомый голос.

— Да.

Фрэзер назвал свои координаты.

— Ваш радар может подтвердить, что мы находимся в этой области. Так как насчет сопроводительного луча?

— Подождите минутку, — взволнованно сказал незнакомец. — Я должен связаться с руководством.

«Конечно: сообщить Свейну о сюрпризе, — с усмешкой подумал Фрэзер. — Ладно, порадуй старика. А мне надо думать о другом — как уберечь Лори. Как бы ни обернулись дела, она должна остаться целой и невредимой!»

В динамике еще некоторое время были слышны только космические шумы, затем что-то щелкнуло, зашуршало, и в кабину ворвался возмущенный голос адмирала:

— Черт побери! С чего это вы решили вернуться?

— А что нам остается делать? — мрачным тоном произнес Фрэзер. — Мы избавились от ваших ракет, но что мы можем еще?

— Кто вы такой, в конце концов? Миссис Власек с вами?

— Да, — сказала Лоррейн с вызовом. — И горжусь этим.

Фрэзер назвал свое имя. Лгать сейчас было бессмысленно и опасно.

— Так, так... Мало вам того, что вы натворили на Ганимеде? Но как вы ухитрились уйти от моих ракет?

Фрэзер рассказал, почти ничего не скрывая.

— Мы садились на Юпитер. Вы можете проверить с помощью сканеров — наши трюмы заполнены юпитерианской атмосферой и даже льдом. Мы надеялись, что наярры подсобят, но радиомаяк в их городе не работал. Быть может, его разрушили улунт-хазулы. Вы ведь слышали об этой войне, адмирал? Мы пытались найти моего друга Теора, но на такой огромной территории без радиомаяка разыскать ничего нельзя. Запасы воздуха и воды стали быстро истощаться, и мы решили вернуться. У нас просто нет другого выхода.

— Выходите на орбиту, я пришлю к вам космобот.

— Слишком поздно, — горько сказал Фрэзер. — Кислорода осталось так мало, что мы задохнемся, прежде чем ваши люди придут на помощь. Дайте сопроводительный луч, и я сам посажу «Олимпию»!

— Хм-м-м... что-то я не доверяю вам, Фрэзер. Слишком уж шустрым парнем вы оказались. Кто знает, быть может, вы что-то задумали?

— Дьявол, да о чем вы говорите? — простонал Фрэзер. — Что мы сделаем вашему драгоценному крейсеру? Сядем ему на голову? Ваши пушки изрешетят нас прежде, чем мы приблизимся к нему хотя бы на милю. Разве мы стали бы возвращаться, если бы не хотели жить?

После долгой паузы адмирал неохотно сказал:

— Если вы так сильно хотите жить, то, надеюсь, не откажетесь назвать имена ваших сообщников?

Сердце Фрэзера бешено заколотилось. Он открыл было рот, чтобы ответить, но Лоррейн покачала головой и приложила палец к стеклу своего шлема.

— Ну что? — с усмешкой сказал Свейн. — Надо сказать, что для людей, у которых вот-вот кончится воздух, вы слишком хладнокровны.

— Нам трудно говорить на эту тему, — ответила Лоррейн.

— Ну и что? Я хочу знать имена, прежде чем вы посадите корабль. А потом уж мы поговорим более подробно. Но сначала — имена предателей.

Лоррейн, побледнев, стала называть имена колонистов, так или иначе связанных с планом захвата «Олимпии». Блефовать было нельзя. Свейн достаточно хорошо ориентировался на Ганимеде, чтобы можно было его обмануть. С этой минуты игра, которую затеяли Фрэзер с Лоррейн, стала опасной не только для них двоих.

— Что ж, похоже на правду, — поразмыслив, ответил Свейн. — До некоторых из этих мерзавцев я уже и сам добрался.

На экране киберштурмана вспыхнул сопроводительный луч. Фрэзер с облегчением вздохнул и обменялся улыбкой с Лоррейн.

— Я хочу поставить перед вами еще кое-какие условия, — неожиданно продолжил Свейн. — Я все-таки не могу поверить вам полностью. Кто знает, быть может, над

поверхностью вы вдруг начнете маневрировать и сумеете оказаться в «мертвой зоне» обстрела моих пушек? Рисковать я не намерен. Вы сядете на милю западнее Авроры, в трех милях на север от кратера Навахо. Мои люди встретят вас там. При любом отклонении от этой траектории вы будете немедленно уничтожены.

— Ладно, ваша взяла, — угрюмо согласился Фрэзер.

Он начал спуск. Луна поползла влево по экрану, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре корабль уже летел так низко над поверхностью, что казалось, острые скалы вот-вот пропорют ее брюхо. В звездном небе всплыл огромный пузырь Юпитера, испещренный желто-зелеными полосами. Впереди по курсу появилось море Навиум, темное и пустынное. «Неужели здесь и в самом деле когда-то будет плескаться вода? — подумал Фрэзер. — Но я буду тогда уже стар, очень стар...»

Поверхность стремительно приближалась. Он изменил траекторию полета, направляясь в северную часть космодрома. Потом включил тормозные двигатели, и корабль стал медленно спускаться. Это была чертовски сложная штука — неаэродинамическая посадка. Фрэзер прекрасно умел делать это на Ганимеди, но на луне больших размеров и тем более на планете не рискнул бы совершить подобный маневр.

Сильный толчок — и корабль уже стоял на посадочных опорах, которые приняли большую часть удара на себя. Фрэзер облизнул окровавленные губы — во время спуска он прикусил язык. Ядерный двигатель еще пульсировал, но совсем тихо. Пыль снаружи постепенно оседала, и вскоре над горами появилось Солнце.

Лоррейн с облегчением вздохнула и стала расстегивать ремни безопасности.

— Я сказала Свейну, что у нас в кабине есть воздух и мы не хотим, чтобы он вытек через люк. Так что у нас есть немного времени...

Фрэзер не ответил — он не отрываясь смотрел на «Бегу», которая, словно стальная гора, возвышалась в миле от них. Взлетное поле между двумя кораблями было ровным, как стол, и на нем ничего не было, даже краулеров. «Повезло, — подумал он. — Хоть в этом повезло».

— Пора идти, — через минуту сказала девушка. Ее лицо было очень бледным. Наступил решающий момент.

Они вошли в кессонную камеру и терпеливо стали ждать, когда давление упадет до нуля. Странное спокойствие овладело Фрэзером. Он сделал все, что мог, остальное должны были решить законы физики. Или, может быть, сам Господь.

— Это был хороший корабль, — тихо сказал Фрэзер и, не обращая внимания на всхлипывание девушки, открыл наружный люк. Поверхность казалась пугающе далекой, но трапа у них не было. Фрэзер прыгнул первым и при приземлении сильно ушиб голень. Лоррейн последовала за ним, но более удачно.

И вновь они переговаривались, соприкоснувшись шлемами — Свейну ни к чему знать содержание их разговора.

— Они наблюдают за нами из крейсера, — сказала нервно Лоррейн. — Мы должны идти в их сторону, иначе...

— Ну уж дудки! — возразил Фрэзер. — Не желаю сгореть как спичка. Пусть стреляют, черт с ними.

Он решительно взял девушку за руку и зашагал в противоположную сторону, к кратеру Навахо.

— Эй, куда это вы направились? — подозрительно спросил Свейн.

— Мы идем к городу, — невинным голосом ответил Фрэзер. — На ваше гостеприимство, адмирал, мы не очень-то рассчитываем.

— Немедленно вернитесь! Я хочу, чтоб вы оба вышли на поле перед «Вегой» — там вас встретят наши люди. Быстро, иначе мы будем стрелять!

Фрэзер не ответил и лишь быстрее зашагал к кратеру. Лоррейн едва поспевала за ним. Не выдержав, они вскоре перешли на бег. Их целью были громадные валуны, лежащие у подножия крутой стены.

Рядом вспыхнула ослепительная нить лазерного луча. Каменный склон кратера стал плавиться в точке, куда он ударил. Фрэзер толкнул Лоррейн на землю, а сам прикрыл ее сверху. Дымясь, огромное пятно побегало к ним, словно хищный зверек.

— Нет! — сдавленно вскрикнула девушка, пытаясь освободиться. — Вы не должны... Ева...

Смерть была уже в нескольких шагах, когда устройство, которое Фрэзер с Лоррейн смастерили во время полета, наконец сработало. Двигатель «Олимпии» ожил и выбросил назад мощный огненный факел. Его жар проник даже через скафандры лежащих около кратера людей. Горизонтально расположенный на колесных опорах корабль дрогнул и медленно сдвинулся с места. Киберштурман, в который была введена специальная программа, определил координаты «Веги» и включил боковые сопла, корректируя траекторию движения. Стальная «торпеда», катясь на своих сверхпрочных колесах, словно вулкан, ринулась к крейсеру. Люди на борту «Веги» могли в течение полутора десятков секунд в ужасе смотреть на фантастический снаряд, неотвратно несущий им гибель.

Орудия крейсера, конечно же, могли бы уничтожить этого огнедышащего дракона, но, пока артиллеристы разворачивали стволы, «Олимпия» была уже внутри зоны обстрела. И все же опытный экипаж «Веги» был готов к любым неожиданностям. Пилот успел включить двигатели, и корабль на максимальной перегрузке взлетел, размолив выхлопными газами бетонные плиты. Часть этого могучего удара пришлось на «Олимпию», разрушив отсеки, наполненные юпитерианским водородом и льдом. Вслед за крейсером взметнулся смерч пламени и накрыл беглеца.

В нескольких сотнях метров над поверхностью вспыхнуло маленькое солнце. Чуть позже вниз стали падать тысячи дымящихся обломков. Фрэзер едва успел оттащить девушку за ближайший валун, который прикрыл их, словно щит.

Через минуту огненное облако рассеялось — газы улетучились в космос. Почва дрогнула в последний раз и успокоилась.

Настала тишина.

Фрэзер поднялся на нетвердых ногах и помог встать Лоррейн. На ее лице застыла маска ужаса.

— Вы... вы в порядке? — спросил Фрэзер хрипло.

— Да... кажется, жива, — задыхаясь, ответила девушка. — Город, город цел?

Они дружно посмотрели на восток, жмурясь от солнечных лучей. Купол Авроры был неповрежден, хотя невдалеке от него лежали крупные обломки.

— Слава небесам, мы все-таки сделали это! — воскликнул Фрэзер, не веря своим глазам.

Билл Эндербби встретил их у восточного портала. Не находя слов от волнения, он просто обнял по очереди Фрэзера и Лоррейн.

— Я знал, что вы разделаетесь с этим крейсером, — наконец выдавил он. — Черт, неужели Свейну и его банде настал конец?

— А что с гарнизоном, который оставался в Авроре? — устало спросил Фрэзер.

— Что они могли сделать? Конечно, вояки с «Веги» сдались без единого выстрела.

Взрыв крейсера поверг их в шок — они-то были уверены в неуязвимости своего стального чудовища.

— Да, но остались космоботы на орбитах вокруг лун, — робко напомнила Лоррейн.

— Э-э, чепуха! — отмахнулся Эндерби. — Пилотам остается только прилететь с поднятыми вверх лапками. Запасы воздуха и воды на их борту настолько ограничены, что они и не подумают начинать войну. Да и что космоботы сделают Авроре? Погодите, — спохватился он, — вы не ранены? Миссис Власек, может быть, вам нужна помощь?

Девушка покачала головой, не отрывая вопрошающих глаз от Фрэзера.

— Марк, а для тебя я могу сделать что-нибудь, дружище?

Фрэзер повернулся и посмотрел в сторону гор, над которыми висел чудовищный шар Юпитера.

— Да, — сказал он. — Помоги мне связаться с семьей. Хочу, чтобы жена с детьми поскорее приехали в Аврору.

Лоррейн опустила голову и молча пошла вслед за Биллом через портал. А Фрэзер все еще стоял и смотрел, как диск Солнца приближается к полосатому Джупу. Близилось затмение, но он знал, что Ева и ребяташки успеют приехать в город, прежде чем оно закончится.